ГОЛОС МИНУВШЕГО

3-4 2018

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Журнал основан в 1997 году

Выходит 4 раза в год

КубГУ, Краснодар

В НОМЕРЕ:

Украинская идентичность

Протонациональный дискурс в Малороссии

Краснодарский процесс 1943 г.

Голос минувшего
КУБАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Учредитель
Кубанский государственный университет

Шеф-редактор – А.В. Ващенко
Главный редактор – В.Н. Ратушняк
Ответственный секретарь – А.С. Евтушенко

Редколлегия
А.Ю. Рожков, Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев, А.Г. Иванов,
П.П. Матющенко, Ю.Г. Смертин, В.И. Черный, В.В. Касьянов, Ю.В. Лучинский

Редакционный совет
М.Б. Астапов – ректор КубГУ
В.А. Бабешко – академик РАН
Н.Ф. Бугай – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН
А.Г. Иванов – д-р ист. наук, профессор, первый проректор КубГУ
А.С. Иващенко – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета
А.А. Кудрявцев – д-р ист. наук, профессор, директор Центра культурного и природного наследия Северного Кавказа (г. Ставрополь)
А.А. Магометов – д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент Северо-Осетинского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ
Х.Б. Мамсиров – д-р ист. наук, профессор, директор Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета
И.О. Тюменцев – д-р ист. наук, профессор, директор Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и госслужбы
А.А. Шихсаидов – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии, этнологии Дагестанского центра РАН, лауреат премии Правительства РФ, заслуженный деятель науки РФ
В.П. Трут – д-р ист. наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Адрес редакции:
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет
Тел. 21-99-555
Тел-/факс. (861) 21-99-555
E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 23-00177 от 22 апреля 2009 г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ…… 5

Матвеев В.А. Украинская идентичность: советский проект и дискуссионные аспекты восприятия…… 5

Гусев К.Д. Протонациональный дискурс в Малороссии в конце XVI – середине XVII в.: проблемы изучения и современное состояние разработки проблемы…….. 22

Тажидинова И.Г. Краснодарский процесс 1943 г. в советских печатных СМИ: подготовка, презентация, последствия…… 32

Ратушняк Т.В. Кубанская адвокатура во время Великой революции и Гражданской войны. 1917–1920-е гг. …….. 51

Ищенко К.К. К.П. Победоносцев и Д.А. Толстой – столпы русского консерватизма…….. 65

Николаев Е.Е. Экономическая политика советского правительства в послевоенное время (1945–1950)…….. 77

Заманапулов Д.М. К вопросу об участии Израиля в афере «Иран – Контрас» 1985 г. ……. 85

Макарем И.Ф. Изучение арабского языка в России: прошлое и настоящее……. 99

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ…… 103

Ратушняк В.Н. Хронология кубанской истории……... 103

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS……... 5

Matveev V.A. Ukrainian Identity: Soviet Project and Debatable Aspects of Perception……. 5

Gusev K.D. Protonational Discourse in Malorossiya at the End of the 16th – middle of the 17th Centuries: the Problems of Study and Modern State of the Problem Development…… 22

Tajidinova I.G. The Krasnodar Process of 1943 in the Soviet Printing Medias: Preparation, Presentation, Consequences……... 32

Ratushnyak T.V. The Kuban Advocacy During the Great Revolution and the Civil War. 1917–1920s……... 51

Ischenko K.K. K.P. Pobedonostsev and D.A. Tolstoy – pillars of the Russian Conservatism…….. 65

Nikolaev E.E. Economic Policy of the Soviet Government after the Second World War (1945–1950)…….. 77

Zamanapulov D.M. Concerning Participation of Israel in the Iran–Contra Affair of 1985……..… 85

Makarem I.F. Studies of Arabic Language in Russia: Past and Present……. 99

OUR PUBLICATIONS…… 103

Ratushnyak V.N. Chronology of Kuban history……. 103

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

УКРАИНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ И ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ

В.А. Матвеев

Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33
vamatveev2009@sfedu.ru

Southern Federal University
344006, Rostov-on-Don, St. B.S., 33
vamatveev2009@sfedu.ru

В статье анализируются обстоятельства разделения восточнославянского сообщества. Наименование «украинцы» как обозначение населения периферийных частей Австро-Венгерской и Российской империй, по мнению автора, стало входить в оборот лишь во второй половине XIX в. На этом сказывалось влияние происходивших процессов в Европе, где формирование национальных государств вступило в стадию завершения. Отечественные же реалии имели отличие. Прослеживались они и в исторически сложившемся обобщающем коде российской всеобщности. В европейских странах национализм в тех условиях как фактор обретал решающее значение. Во второй половине XIX в. появлялись соответствующие теории, получавшие оформление в публицистике. Наметилось и их заимствование без соотнесения с реалиями Российской империи. Так создавались предпосылки для смещения исторического кода восточных славян, имевших лишь субэтнические отличия.

До 1917 г. в их среде происходило формирование особой разновидности национального сплочения, которая при соблюдении критерия справедливости предполагала федерализацию частей для сохранения наследия прошлого. Именно такой вариант государства мог бы иметь преобладающую поддержку населения. Иная направленность осмысления была сообщена в том числе европейскими националистическими теориями. На их положениях основывалась и программа РСДРП(б), которая и была реализована в государственном переустройстве после прихода к власти. Восточнославянское сообщество оказалось сегментированным. Возможности его федерализации не подвергались изучению. Украинское направление между тем представляет для России не менее серьезные геополитические и цивилизационные вызовы, чем те, с которыми она сталкивается на Кавказе.

Ключевые слова: восточнославянская общность, общерусская консолидация, националистический фактор, интеграционный процесс, сегментация по субэтническим признакам, исторический код, кодификационные отличия, украинская идентичность.

The article analyses the circumstances of the division in the East-Slavic Society. According to the author point of view the name “Ukrainians” (“ukrayintsi”) for calling the inhabitants of the peripheral parts of the Austro-Hungarian and Russian Empires was introduced into operational use only in the

second half of the 19th century. It was influenced by general social developments in Europe where the process of national definition had come to its final stage. As for domestic realities, they had their differences and were traced in the historically formed resumptive code of the Russian all-encompassness. In European countries under those circumstances the nationalism as a factor was playing the crucial role. In the second half of the 19th centuries there were emerged respective theories which were developed in the publicism. There were foreshadowed their borrowing without taking into account the realities of the Russian Empire. This was how the pretext for the shift in the historical code of the Eastern Slavs, who had only subethnic differences, was made.

Up to 1917 the Eastern Slavs were passing through the process of building of the national unification of very special kind, where the federalization was supposed for the preservation the heritage of the past according to the criteria of justice. Right such variant of the state could have had a preponderant support of the population. The different direction in conceptualizing was set, among others, by the European nationalist theories. They were put into base of the Bolsheviks faction of the RSDLP Program, which was realized in the series of the state reforms after Bolsheviks took power. Thus, East-Slavic society was segmented. The possibilities for its federalization have not been studying. Meanwhile Ukrainian vector presents for Russia no less serious geopolitical challenge than that she encounters in the Caucasus.

Key words: East Slavic community, all-Russian consolidation, nationalistic factor, integration process, segmentation according to subethnic features, historical code, codification differences, Ukrainian identity.

Российское сообщество народов, не представляя целостной этнонациональной системы, к 1917 г. проявляло себя на разных исторических этапах как государственное и цивилизационное образование. Евразийское сообщество в значительной мере совпадало с российским, но имело и такие исключения, где преобладающей являлась относительная цивилизационная взаимосвязанность. Сложившиеся же общегражданские связи представали в менее устойчивом виде и оказывались подверженными разобщению. При отборе критериев функционирования евразийского и российского сообществ нельзя было руководствоваться тенденциями узкого национализма.

Попытки отойти от этой реальности или ее игнорировать, как проясняли различные события прошлого, были обречены на неудачу. Для общегражданского российского сообщества, в отличие от других стран, определяющее значение имело притяжение не какого-то отдельно взятого этнического поля, а поля государственного. Идея национальных государств, заимствованная большевиками, не могла служить в качестве основы при решении проблем обустройства России. Такой подход основывался на западноевропейских мерках, подходивших, например, для Британской или Австро-Венгерской

империй, так как обеспечивал их народам возможность достижения независимости, к которой они стремились.

О сохраняющейся устойчивости объединительной российской тенденции, какие бы ей ни давались определения, можно судить хотя бы по тому, что даже в период развития революционного кризиса население бывших окраин подтверждало в подавляющем большинстве случаев стремление войти в состав воссоздающегося государства на правах автономий [1]. Прослеживалась данная закономерность и при его преодолении. Руководствуясь распространенным представлением «все империи развалились», это тем не менее выделил итальянский историк Дж. Боффа [2]. Толчок же процессу восстановления исторической российской государственности, по признанию английского ученого Э. Карра, дало объединение «трех славянских народов» [3].

Предусматривавший «автономизацию» проект И.В. Сталина являлся более реалистичным, так как отвечал в наибольшей степени существовавшим возможностям сохранения интеграции на российской основе [4]. Уже через непродолжительное время И.В. Сталин вынужден был признать ошибочность таких надежд. В выступлении на заседании Центрального комитета РСДРП(б) по вопросу о мире с немцами 11 января 1918 г. он дал, в частности, такое разъяснение: «В октябре мы говорили о священной войне против империализма, потому что нам сообщали, что одно слово “мир” поднимет революцию на Западе. Но это не оправдалось» [5]. От провозглашавшегося после совершения переворота критерия «никакого надзора сверху», являвшегося тогда основополагающим в отношении окраин, И.В. Сталин впоследствии постепенно отходил.

При помощи же предоставления права на самоопределение пришедшая к власти большевистская элита, как можно судить по дававшимся в публицистике разъяснениям, надеялась получить ожидаемую поддержку для того, чтобы двинуть «вперед дело международной социалистической революции» [6]. В докладе по национальному вопросу 15 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов И.В. Сталин воспроизвел утверждение В.И. Ленина о том, что «великороссы не составляют абсолютного большинства населения России» [7]. Тем самым внедрялось представление о якобы существовавшей национальной разделенности восточнославянского сообщества. Положениями доклада И.В. Сталина наряду с этим вводилось в оборот понятие о принадлежности в прошлом всех «других… народов, населявших… окраины» к категории «недержавных» [8].

Между тем они, делая при тех или иных обстоятельствах российский выбор, также являлись государствообразующими. Отстаивалась в докладе И.В. Сталина и версия о том, что «царское правительство… проводило политику насильственной русификации

окраинных народов, методом его действий являлись запрещения родного языка, погромы и другие гонения» [9]. Однако и это внедрявшееся заключение подтвержденности в действительности не имело. В восточнославянском сообществе разговорный контент не утратил дифференцированности, а в среде соотечественников иной этнической принадлежности знание русского языка нередко вообще отсутствовало.

В выступлении же И.В. Сталина на III Всероссийском съезде Советов в заслугу большевистскому режиму ставилось следующее достижение: «Только Советская власть открыто провозгласила право всех наций на самоопределение вплоть до полного отделения от России. Новая власть оказалась более радикальной в этом отношении, чем даже национальные группы внутри некоторых наций» [10]. Вместе с тем в выступлении И.В. Сталина заявлялось, что принцип самоопределения «должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма» [11].

В беседе с сотрудником газеты «Правда», опубликованной в двух номерах 3 и 4 апреля 1918 г., И.В. Сталин обозначил свое видение перспектив переустройства России с соблюдением классового подхода. В нем тем не менее прослеживается уже в тот период некоторое расхождение с формировавшейся позицией у В.И. Ленина. Общность взглядов сохранялась в восприятии территорий государственного пространства с иноэтническим населением. По заключению И.В. Сталина, они «насильственно втиснутые в общероссийский политический организм единицы» [12]. Зарубежный опыт федерализма рассматривался им с выделением «развития – от независимости к унитаризму». В понимании И.В. Сталина процесс объединения народов и в этих случаях проходил «через ряд насилий, угнетений и национальных войн» [13]. Поэтому связи между кантонами Швейцарии и штатами Америки, по его разъяснению, устанавливались «не по национальному признаку и даже не по экономическому, а совершенно случайно – в силу случайного захвата тех или иных территорий эмигрантами-колонистами или сельскими общинами» [14]. По предложенному И.В. Сталиным принципу к конституции преобразование России в федерацию должно происходить на основе образования союза «определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом» [15]. Определяя «федерализм Америки и Швейцарии» в качестве переходной ступени «от независимости штатов и кантонов к полному их объединению», И.В. Сталин отнес появившийся результат «к империалистическому унитаризму». Но и он, согласно версии изложения, «был изжит и отрешен, как только созрели условия для объединения штатов и кантонов в единое государственное целое» [16].

Федеративному же переустройству России, по представлению И.В. Сталина, «суждено, как… в Америке и Швейцарии, сыграть

переходную роль – к будущему социалистическому унитаризму» [17]. В выступлении 10 мая 1918 г. И.В. Сталин предложил уже вполне конкретно «тип автономии… областей с преобладанием одной или нескольких национальностей». По сделанному им тогда разъяснению «межевание людей» в них «должно пойти не по национальному признаку, а по признаку классовому» [18]. Вариант В.И. Ленина всецело исходил из неизбежности мировой революции и предполагал создание аморфного государственного образования с постепенным включением в него всех зарубежных стран после утверждения в них «советского строя» [19].

Укрепление евразийства в силу этого произошло лишь после 1917 г., в том числе в определенной степени в связи с реализацией идеи интернационализма, предполагавшей внешнюю солидарность. Приписывалась ей классовая основа. Успех этой реализации вызывался между тем наложением на существовавший уже внутри страны общегражданский полиэтнонациональный синтез. Именно благодаря этому как раз и удалось в тех условиях сохранить целостность складывавшегося на протяжении многих веков геополитического и цивилизационного пространства. Позитивный потенциал евразийства в этом отношении несомненен и его консолидирующие возможности как модели объединения в тех условиях сохранялись.

Однако это явление нельзя идеализировать. При формировании представлений о евразийстве в 20–30-ее гг. XX в. и на современном этапе развития научных знаний критическое восприятие его отсутствовало. Разнообразие современных интерпретаций явления отражает незавершенность переходных состояний интеграционного процесса, что как раз и порождает непонимание закономерности их наличия и разброс мнений при попытках классификаций [20]. С началом советской эпохи наметилась идеализация «национального государства» в противоположность империям [21], которые являлись разновидностью универсалистских образований. К таким проектам относятся в том числе конфедерации и федерации, которые являются апробированными моделями. Руководствуясь устоявшимися теоретическими представлениями, исследователи стремятся выявить не переходные, а определившиеся результаты.

Вариации в формировании российского универсалистского совмещения при этом игнорируются. Опыт же отечественного имперского обустройства евразийского пространства являлся успешным. Встречавшиеся недостатки были вполне устранимы. Сохранялась до 1917 г. самобытность субэтничностей и в восточнославянском сообществе. В имперский период происходила его естественная трансформация в нацию. Существовавшая реальность предполагала симметричную федерализацию по областным субъектам, границы которых могли устанавливаться при соблюдении критерия справедливости только на опросы и волеизъявление в ходе их самого

населения. Вместе с тем Россия признавалась родиной многими другими входившими в ее состав народами.

Основанный на советском проекте формат государственного переустройства, укрепивший со временем тенденцию складывавшегося аморфного евразийского синтеза, видоизменил геополитический баланс и направленность связанного с ним континентального взаимодействия. Из-за этого сформировавшиеся общегражданские связи постепенно переводились на иной уровень сплочения, что создавало предпосылки для их последующего разрыва. Допущено было смещение исторических кодов и в сторону западноевропейских реалий со сложившимися идеалами национальных государств. Вывод о том, что «марксистской доктриной» предложен и большевистским режимом осуществлен «вариант этнического национализма», появившийся в современной науке [22], соответствует действительности.

Между тем на весьма обширной российской иноэтнической периферии сложились консолидированные общности, важнейшей составляющей которых являлся интеграционный вектор. На его основе происходило и цивилизационное совмещение различных этнических компонентов. В этих контактных зонах прошлого оправданным мог быть только принцип равенства всех народов с обязательным сохранением объединяющей универсалистской первоосновы. Ее не удалось вытеснить из сформировавшегося в имперский период регионального новороссийского контекста даже при помощи специальных мер, опиравшихся на мощнейшую идеологическую обработку населения.

Нарушение сложившегося цивилизационного равновесия привело к разрушительным последствиям. В отечественных реалиях прослеживались две наиболее оформившиеся вариации исторической кодификации: евразийская и российская. Отрицание наличия в развитии отечественного интеграционного процесса до 1917 г. наряду с евразийством еще одной тенденции сужает восприятие реальности. Отмеченные тенденции – это не взаимоисключающие противоположности, а имеющие отличия направленности формирования континентального взаимодействия. Они имели геополитическое (свои пространственные параметры) и цивилизационное (становление своего рода культурной общности) измерение.

Существование евразийской и российской взаимодополняющих составляющих при формировании согражданства в имперский период подтверждают неоднозначные альтернативы, проявившиеся при восстановлении былого единства державы в период преодоления состояния революционного кризиса. В них прослеживалась как более прочная и устойчивая континентальная российская государственная сплоченность, так и не сложившаяся в нее в полной мере евразийская

взаимоувязанность [23]. Если в евразийской кодификации определяющую роль играли цивилизационные факторы, то российское сплочение являлось прежде всего государственным. Оно основывалось на постепенной интеграции не только восточного славянства, но и иноэтнического населения окраин в единую гражданскую общность и превращении его со всеми сложностями и противоречиями в ее составляющую.

Из-за незнания России и специфики формирования ее окраинной периферии при внедрении советского проекта было допущено смещение кодов этнонационального развития. Вследствие этого сдвиг произошел и в сторону евразийства, являвшегося ранее лишь одной из тенденций в становлении российского государства, но отнюдь не преобладавшей. Укрепление евразийства произошло, на мой взгляд, лишь после 1917 г., в том числе в определенной степени в связи с реализацией идеи «интернационализма», предполагавшей внешнюю солидарность на классовой основе. Однако успех этой реализации вызывался, как показывает непредвзятое осмысление фактов, наложением на существовавший уже внутри страны общегражданский полиэтнический синтез.

Именно благодаря этому как раз и удалось в тех условиях сохранить целостность складывавшегося на протяжении многих веков геополитического и цивилизационного пространства. Позитивный потенциал евразийства в этом отношении несомненен, и его возможности до сих пор сохраняются. Однако это явление нельзя идеализировать, как это делалось в момент формирования представлений о нем в 20–30-ее гг. XX в. и на современном этапе развития научных знаний. Евразийское смещение видоизменило складывавшийся государственный баланс и направленность связанного с ним континентального взаимодействия. Из-за этого ранее сложившиеся связи постепенно переводились на иной уровень сплочения, что создавало предпосылки для их последующего разрыва. Вместе с тем было допущено отклонение при реализации большевистской доктрины и в сторону западноевропейских реалий со сложившимися идеалами национальных государств.

Заимствовался также опыт колониальных империй, в которых устанавливались более или менее прочные цивилизационные контакты, но при явной подавляющей роли культурных ценностей метрополий. В колониальных империях, кроме того, отсутствовало континентальное геополитическое взаимодействие и общегражданское государственное совмещение, происходившее в России. Но и для нее была провозглашена необходимость права наций на самоопределение вплоть до отделения даже в тех регионах, где был смешанный состав населения. К ним относился и юг Российской империи.

Вместо политического единства государства с сочетанием элементов унитарности и российского универсализма в программе

большевиков были предложены более слабые федеративные связи. Разграничение автономных областей предусматривалось по национальному признаку. Незнание особенностей российской государственности, обнаружившееся в начале XX в., вызывалось не в последнюю очередь состоянием разработанности знаний, ситуацией в исторической науке, которая не смогла к тому переломному моменту дать ответы на запросы эпохи. Отсутствие понимания отечественной специфики было присуще в тех условиях всем, кто претендовал на ее переустройство.

Одной же вариации исторической кодификации в восточнославянском сообществе не сложилось. Различия их имели субэтнический характер. Но для всего восточнославянского сообщества существовал обобщенный код, предопределенный всем ходом предшествующего развития. До 1917 г. он обретал национальные свойства и имел общерусское значение. Разделение восточнославянского сообщества опиралось на слабые предпосылки, которые изживались даже в советскую эпоху. Проводившаяся политика способствовала лишь замедлению консолидации, но не смогла изменить объективную реальность солидарного взаимодействия как одного народа. Сегментация по национальному критерию восточнославянского этнического сообщества на том этапе не создавала для этого существенных препятствий.

Оценивая результаты политики большевиков, историк Г.В. Вернадский, один из авторов концепции евразийства, в статье «Опыт истории Евразии» (1934) констатировал следующее: «Независимо от социально-экономической программы вождей Советской революции, их программа по национальному вопросу сумела задеть такие струны в душе народов Евразии, которые их притягивали к Москве, а не отталкивали от нее» [24]. Но сохранение целостности страны произошло в значительной мере отнюдь не благодаря проводившейся на ее основе политике, содержавшей на ранних стадиях потенциал разрушения. Результаты ее, о которых пишет Г.В. Вернадский, опирались на сложившийся общегражданский синтез. Российское государственное сообщество в условиях революции и гражданской войны проявляло именно такую разновидность солидарного взаимодействия, претерпев раскол не по национальному, а по «классовому», как было принято говорить в то время, признаку.

Предоставленной декретами и декларациями советской власти возможностью отделения [25] воспользовались лишь немногие окраины. Среди них были Польша и Финляндия. Во всех остальных случаях предполагавшегося отделения не произошло. Идея интернационализма даже при осуществлении советских преобразований воспринималась как фактор, который позволит сохранить сформировавшееся в российских границах государственное

пространство, населенное различными народами. Восточнославянское сообщество в тех условиях в тяге к единству не являлось исключением. Правящая элита между тем преобразования соотносила с перспективами мировой революции.

Еще на завершающих стадиях гражданской войны руководство Советской России возлагало надежды на то, что «появление новых национальных республик» будет воздействовать заражающим «духом» на «соседние страны» [26]. Успех намечавшихся преобразований увязывался «с нарастающей пролетарской революцией в странах Европы» [27]. В этой связи И.В. Сталин поделился, в частности, таким представлением о развитии событий: «Большевизм из “чисто русского продукта” превращается в грозную международную силу, расшатывающую самые основы мирового империализма» [28]. Преимуществами советской модели переустройства государства даже при отсутствии возможности опереться на подготовленный административный аппарат И.В. Сталин называл наличие опытных агитаторов, умеющих «зажечь сердца трудящихся освободительным огнем» [29].

Перевод субэтнических особенностей в восточнославянском сообществе в национальные в ходе перемен наступившей советской эпохи сопровождался взломом прежде всего обобщающих вариаций исторической кодификации. Показательна в этой связи запись в графе о национальной принадлежности, сделанная в 1923 г. Х.В. Ермаковым, послужившим, как полагают специалисты, прообразом главного героя в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». При заполнении анкеты, предназначенной для следствия, он оставил пометку «русский», но далее сделал уточняющую приписку: «донской казак». Спустя четыре года, под влиянием происходивших в стране перемен, Х.В. Ермаков при заполнении такого же документа после возбуждения против него очередного уголовного дела за участие в одном из мятежей в годы гражданской войны определил себя уже только как русского [30].

В этом также, судя по всему, в среде казачества проявился психологический надлом, как и в судьбе составителя записи, указывающий на возникшую в тот период угрозу исчезновения целой субэтнической группы в составе русского народа, имевшей сложную из-за особенностей формирования идентичность. Смещение же в исторически сложившейся кодификации, безусловно, не отвечало критериям справедливости. Анализируя результаты этнонациональной трансформации восточнославянского сообщества в имперский период, Н.С. Трубецкой пришел к выводу, что «русский народ вообще есть абстракция». Конкретное выражение имеют лишь его составные части. Даже «великорусы» существуют «со своими разновидностями» [31]. В их среде выделяются, по уточнению Н.С. Трубецкого, северная, южная, поморская, сибирская, казачья и другие субэтничности. Но такие же отличающиеся друг от друга категории населения

существовали у малороссов и белорусов. Субэтнические особенности наблюдались, например, на левобережной и правобережной Украине.

Несхожесть с ними проявлялась в восточнославянской среде, формировавшейся при различных воздействиях в провинциях Австро-Венгерской империи. Все эти разновидности осознавались по-прежнему как единый народ. Несмотря на дифференцирующие признаки, по убеждению Н.С. Трубецкого, между тем сама природа (этническая сродность) «требует сотрудничества всех русских племен» [32]. При их государственном сплочении должны совмещаться, по его терминологии, нижний (дифференцирующий) и верхний (консолидирующий) уровни («этажи») культуры. В национальном варианте, как считал Н.С. Трубецкой, «племенных и краевых перегородок быть не должно» [33].

На субэтническом уровне («нижнем этаже») «племенные и краевые перегородки должны быть сильно развиты и отчетливо выражены» [34]. Организующим принципом для всех уровней и разновидностей восточнославянской культуры, по утверждению Н.С. Трубецкого, является православие [35]. Российское единство выражалось в многообразии и выдержало испытание на прочность в условиях революционного кризиса [36]. На выделении такого результата построена, в частности, теория российскости В.Б. Виноградова, предложенная в начале 90-х гг. XX в. в качестве концептуальной парадигмы осмысления особенностей отечественного государственного интеграционного процесса [37]. То, что данная его классификация становилась предметом дискуссий [38], свидетельствует лишь о ее перспективности.

Укрепление тенденции на обособленность населения Украины достигалось путем устранения настроенной на сохранение общерусского единства интеллигенции и замены ее теми, кто придерживался иных взглядов. Определяющим критерием при отборе кадров являлась поддержка национальной политики советской власти. Украинский проект опирался и на выходцев из Галиции, имевших уже соответствующее самосознание [39]. Создававшиеся условия в 20–30-е гг. XX в. способствовали подавлению малороссийского субэтнического кода. Сторонникам украинизации, не обладавшим ранее массовой поддержкой у населения, по свидетельству Н.С. Трубецкого, «предоставили полную свободу действия» [40]. Наблюдая характер происходивших перемен непосредственно, в их оценках он ошибся лишь в том, что насаждаемое «ретивыми националистами… обречено на гибель и забвение» [41].

В разрабатывавшейся евразийской теории в противовес проводившейся советской политике, способствовавшей сегментации восточнославянского сообщества, содержался призыв к обретению национального идеала, выражающегося в единстве «всех русских», к которым Н.С. Трубецкой относил «великорусов… белорусов и

украинцев» [42]. И такие положения, следует заметить, соответствовали действительности, хотя и они отражали одну из тенденций в этнической эволюции восточнославянского сообщества. Но именно эта направленность до преобразований советской эпохи являлась преобладающей. Сторонники ее сохранения, оказавшись в эмиграции, необходимо отдать должное, заметили угрозу национальной переорганизации восточнославянских субэтничностей и нарушения укреплявшейся ранее их общности.

Однако часть интеллигенции поддержала альтернативу украинизации. Ее представители критически отнеслись к обоснованиям Н.С. Трубецкого. С опровержением их выступил, в частности, профессор Д.И. Дорошенко. По его утверждению, различия между украинцами и русскими существенны и они прослеживаются не только в языке и культуре. Несовпадения существуют даже на уровне «антропологического типа и психики». Отрицание этого лишь способствует, по представлениям Д.И. Дорошенко, «политическому сепаратизму Украины от России (так же, как и от Польши)» [43]. Под ним понималась как раз возможность отделения. Отличия в «языке и бытовом укладе» между «южнорусской (украинской) и северорусской (великорусской) народностями» Д.И. Дорошенко относил уже к киевскому периоду, когда общность существовала [44].

Но и она, по его мнению, была хрупкой. С середины XII в. размежевания становятся еще более значительными. Единство же Д.И. Дорошенко видел в том, что «центр государственной и культурной жизни на севере был вначале колонией по отношению к Киеву» [45]. В критических замечаниях по поводу статьи Н.С. Трубецкого «К украинской проблеме» указывалось и на отличия в формировании «великорусской народности». При этом повторялись по сути фрагменты теории М.С. Грушевского о складывании ее преимущественно из «вятичей и новгородцев» с сочетанием «“примеси”… южнорусских колонистов… финского… тюркского элемента». Из этого и проявлялись на последующих этапах, как отмечалось в аргументации профессора, «отчетливые отличия» украинской народности «в области политической жизни, бытового уклада… культуры» [46].

К разряду «областных», в понимании Д.И. Дорошенко, они не относились, «между обеими народностями» существовала резкая грань, установившаяся окончательно со времен «татарского погрома». Вследствие этого и иных исторических обстоятельств, как отмечалось в возражениях Н.С. Трубецкому, культура «Руси юго-западной… Украины» и обрела существенные отличия. При формировании же ее продолжалось «общение с Западом», способствовавшее восприятию ренессанса и реформации, стандартов европейского образования [47]. Вхождение в состав России Д.И. Дорошенко оценивал как «политический симбиоз Украины с Московией», где воплощалось

«тяжелое наследие татарщины», господство «пытки и кнута» и многих других несовершенств азиатских государственных традиций. Всему этому в замечаниях противопоставлялась европейская цивилизованность юго-западных ареалов, находившихся под влиянием Запада [48]. Доказательства основывались, как видно, так же, как и теория М.С. Грушевского, на мифологизации исторического процесса.

В концепции евразийства между тем «наследие татар» не рассматривалось в качестве негативного. Критикуя дополнявшие ее положения Н.С. Трубецкого, отражавшие реалии восточнославянского единства, Д.И. Дорошенко выдвинул обвинение, что «факты не всегда говорят в пользу… выводов уважаемого автора» [49]. Однако оно применимо прежде всего к его возражениям, компилировавшим взгляды М.С. Грушевского. Рецепцией (усвоением) его теории являлось и представление о разнице «между культурой Московии и Украины», выходившей «далеко за пределы литературного языка, музыки и живописи» [50]. Российская политика, по Д.И. Дорошенко, способствовала лишь превращению края в «глухую провинцию», так как «Украина постепенно урезается в своих политических правах» [51]. Однако такие же явления централизации были характерны и для Европы.

В соответствии с теорией М.С. Грушевского «мазепенство» Д.И. Дорошенко тоже воспринимал как стремление украинцев к независимости [52], хотя в исторической памяти значительной части народа данное явление отразилось как предательство. Что же касается исполнения повинностей, то ни одно из государственных образований без них обойтись не может. Устройство тех же укрепленных линий вызывалось необходимостью защиты от набегов, наносивших урон всему восточнославянскому сообществу. Тяготы же возлагались преимущественно на великорусское население. Д.И. Дорошенко, судя по всему, эти факты были неизвестны или он сознательно их игнорировал. В составе же евразийской континентальной империи восточнославянское сообщество, в том числе и малороссы, получали огромные преимущества для развития. Обеспечивалась вместе с тем защита для сохранности их субэтничности.

Д.И. Дорошенко понимал, что отмежевание украинцев «в области культуры от всего русского» будет носить искусственный характер. Достигнуть этого «совершенно невозможно», так как разъединение, по его словам, сделает проблематичным «узы общности происхождения, религии, векового сожительства». По признанию Д.И. Дорошенко, «они всегда будут давать себя чувствовать» [53]. Прав, безусловно, профессор и в том, что «слишком много общих уз соединяет на культурном поле украинцев и русских» [54]. Взгляды его, как показывает анализ, являлись разновидностью национализма, который можно с полным основанием отнести к сравнительно умеренной вариации. Однако именно она и была реализована при

поддержке большевистского режима. По сохранившимся же источникам между тем невозможно выявить наличие «нации малороссийской» [55] вплоть до начала преобразований советской эпохи.

Критические же замечания Н.С. Трубецкой не оставил без внимания. В ответе Д.И. Дорошенко он отметил, что для «евразийцев “азиатская степь” есть тоже “цивилизованный мир”» [56]. С утверждением о существовании различий «между обеими редакциями (западной и восточной) русской культуры» он согласился. Но вариации обладают, по уточнению Н.С. Трубецкого, свойствами «как притяжения, так и отталкивания» [57]. Украинский же анархизм подпитывается, по его разъяснению, ретроспективными ассоциациями с «государством польским, от которого… приходилось обороняться» [58]. Этнополитическое объединение для великорусов явилось «национальным делом». Поэтому отношение к централизации в восточнославянской среде имело некоторые отличия. Тем не менее сильное государство «большого стиля» с твердой властью производило, заметил Н.С. Трубецкой, и на малороссов «сильное впечатление» и воздействовало на них «заразительно». Поэтому и их выдающиеся представители, напомнил он, принимали в его строительстве «самое активное участие» [59].

И в XVII в. взаимные притяжения двух субэтничностей с культурными различиями «превозмогли» отталкивания вследствие того, что «существовало сознание общерусского единства и общности национальных задач» [60]. По представлению Н.С. Трубецкого, «под одним именем» объединились «две максимально близкие друг другу культуры». Дальнейшим ходом развития создавался их «общий контекст» [61]. С наступлением же советской эпохи, заметил Н.С. Трубецкой, «украинское правительство в согласии с крайними украинскими националистами принуждает украинцев забыть, что они не только украинцы, но и русские». Он классифицировал это как «насилие над природой», так как самосознание их заключает «в себе оба элемента – общерусский и специфический – украинский» [62]. Не существует, по заключению Н.С. Трубецкого, и «русского вне украинского… ибо русская нация» обрела в прошлом единство «в своих индивидуациях – великорусской, украинской, белорусской и т.д.» [63].

Даже в сегментированном при реализации советской модели национального обустройства варианте восточнославянское сообщество сохраняло единство. Его представители продолжали утверждать, что они «такие же русские». Двойственное самосознание вследствие идеологического воздействия, основанного на смещениях исторической кодификации, не исчезло. Национализм на массовом уровне не воспринимался. В сочетании с положениями большевистской программы его в умеренном варианте, как можно

заметить по содержанию полемики между Д.И. Дорошенко и Н.С. Трубецким, поддерживала лишь часть интеллигенции. Вместе с тем и такие ее представители не допускали вероятности отделения Украины от России.

Сторонники «буржуазного национализма» (Винниченко, Грушевский, Петлюра и др.) неоднократно в 20-е гг. XX в. становились персонажами сатирических произведений. М.С. Грушевский изображался, в частности, в спектаклях с бородой, «как у пушкинского Черномора», которую по сценарию "девушки-галичанки"… в "мазепинках"» должны были разматывать, тащить, что символизировало запутанную им историю Украины [64]. Аналогия по смыслу сводилась к тому, что в его теории отсутствовала научная обоснованность, подтвержденность фактами. Обращение представителей украинской интеллигенции в 20-е гг. XX в. к русской классике само по себе не случайно. Основывалось оно, безусловно, на сохранявшейся еще духовной общности. Оформление же в национальный сегмент субэтнической культуры только намечалось.

В произведении А.С. Пушкина колдун «Черномор» изображен как «оскорбитель», оторванная от реальности «наука» которого «против времени закона» тоже «не сильна» [65]. Персонаж в поэтической передаче запутался в собственной «бороде», позволявшей осуществлять действия мистического свойства. А.С. Пушкин относил их к «чародейству». Запутавшись в собственной «бороде», «Черномор», терял способность колдовать, превращаясь в беспомощное существо. Те же, кто вокруг него даже в этой ситуации «толпились молчаливы», названы рабами [66]. Между тем для Руси «злобный Черномор» являлся «всех бед… виною» и соответственно в «его чудесной бороде» для восточных славян таилась «сила роковая». Обоснования же разъединенности их развития, составленные М.С. Грушевским вопреки содержанию источников, тоже содержали признаки измены. Совершить ее мог, как и в повествовании А.С. Пушкина, только тот, кто «не страшится зла» [67].

Для критики М.С. Грушевского в 20-е гг. XX в. представители украинской интеллигенции использовали и такое образное изречение великого русского поэта: «Умен как бес… и зол ужасно» [68]. И его теория основывалась на подмене понятий, позволившей создать искаженную презентацию прошлого. Она представляла угрозу для сохранения единства восточнославянского сообщества. Сатирический стиль в отношении сторонников национализма отражался в 20-е гг. XX в. и в романах. Соответствующие сюжеты в них также основывались на образе «Грушевского-Черномора». Примечательно, что авторами являлись украинские писатели. Высмеивать М.С. Грушевского они продолжали, по свидетельству известного литературного деятеля того периода Ю. Смолича, даже тогда, когда он «репатриировался из эмиграции, "признал" Советскую власть, был

прощен и работал в Академии наук УССР» [69].

Однако, как можно судить, отрицалась украинской интеллигенцией его фальсификация истории Руси киевского периода, отображенная в отрыве от Московского государства. Что же касается обозначенных границ, то они воспринимались по описаниям М.С. Грушевского и сомнению не подвергались. «Национальная романтика», получившая распространение до революции, таким образом, подпитывала явление «петлюровщины» и в начале советской эпохи [70]. Другая более значительная часть населения бывших «малороссийских губерний» не восприняла националистические идеи. Как и по всей стране, она склонилась в конце концов к социалистическому выбору, что указывает на солидарное функционирование на том этапе всего восточнославянского сообщества. Проявлялись в этом и общегражданские связи.

Но если ранее «украинское… связывалось с селом» [71], в условиях революционной трансформации тенденция формирования общерусского единства подменяется вариацией «национального проекта» [72], предпосылки для которого не являлись преобладающими в предшествующий период. Анализ вместе с тем показывает, что перевод внутренних этнических различий в сегментированные варианты с применением соответствующих теорий возможен. Насаждение же представлений о существовавшем якобы в Российской империи «национальном гнете» порождало у какой-то части «первого послеоктябрьского поколения» стремление к утверждению украинской идентичности [73], формирование которой являлось одной из локальных тенденций, но не итогом развития.

Библиографические ссылки

1. Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг.: пер. с итал. М., 1990. С. 180–181, 185–186.
2. Там же.
3. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923: пер. с англ. М., 1990. С. 211.
4. Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 26.
5. Сталин И.В. Выступление на заседании Центрального комитета РСДРП(б) по вопросу о мире с немцами 11 января 1918 г. (краткая протокольная запись) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. М., 1947. С. 27.
6. Сталин И.В. Речь на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. М., 1947. С. 4.
7. Сталин И.В. Выступления на III Всероссийском съезде Советов Р.С. и К.Д. 10–18 января 1918 г. Доклад по национальному вопросу 15 января (Газетный отчет) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. М., 1947. С. 30.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. С. 31.

11. Там же. С. 32.
12. Сталин И.В. Организация Российской Федеративной республики (беседа с сотрудником газеты «Правда») // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 67.
13. Там же. С. 66.
14. Там же. С. 67.
15. Там же. С. 68.
16. Там же. С. 72.
17. Там же. С. 73.
18. Сталин И.В. Выступления на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики 10–16 мая 1918 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 88.
19. Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 437–534.
20. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 82–105.
21. Марчуков А.Н. «Империя» и «национальное государство» как векторы политической модернизации современной России: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2009.
22. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 34.
23. Матвеев В.А. Итоги российской политики на Северном Кавказе к 1917 г. (классификация изменений) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11 / под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Ктиторова. М.; Армавир, 2006. С. 19, 26–27.
24. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2 ч. М., 1994. Ч. 2. С. 198.
25. Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. М., 1933. Т. 1; Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920.
26. Цит. по: Сталин И.В. Два лагеря // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 234.
27. Там же. С. 232.
28. Цит. по: Сталин И.В. За два года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 243.
29. Сталин И.В. Два лагеря… С. 232.
30. Козлов А.И. Хроника трагедии Харлампия Ермакова (или документальный эпилог «Тихого Дона»). По материалам ФСБ // Казачий сборник. Ростов н/Д, 2002. Вып. 3. С. 98.
31. Цит. по: Трубецкой Н. К украинской проблеме // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 516.
32. Там же. С. 516–517.
33. Там же. С. 518.
34. Там же.
35. Там же. С. 519.
36. Тишков В.А. Указ. соч. С. 8, 43, 62, 70–71.
37. Виноградов В.Б. О формировании новой концепции всемирной истории // Российский исторический журнал. 1996. № 1. С. 8.
38. Матвеев О.В. «Кому суворовская лавра венок сплела…». Граф И.Ф. Паскевич-Эриванский в народной памяти // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: материалы регион. науч.-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 209.
39. Там же. С. 520–521.
40. Там же. С. 521.
41. Там же.
42. Трубецкой Н. К украинской проблеме… С. 522.

43. Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 523–524.
44. Там же. С. 525.
45. Там же. С. 525–526.
46. Там же. С. 526.
47. Там же.
48. Там же. С. 527–528.
49. Там же. С. 524.
50. Там же. С. 529.
51. Там же. С. 531.
52. Там же. С. 532.
53. Там же. 539.
54. Там же. С. 541.
55. Там же. С. 531.
56. Цит. по: Трубецкой Н.С. Ответ Д.И. Дорошенко // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 547.
57. Там же. С. 548.
58. Там же. С. 549.
59. Там же.
60. Там же. С. 550.
61. Там же. С. 556–557.
62. Там же. С. 559.
63. Там же. С. 562–563.
64. Смолич Ю. Рассказ о непокое. Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет. М., 1971. С. 73–74.
65. Пушкин А.С. Руслан и Людмила // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Поэмы, сказки. М., 2012. С. 15, 16.
66. Там же. С. 36, 39.
67. Там же. С. 48.
68. Там же.
69. Смолич Ю. Указ. соч. С. 74–75.
70. Там же. С. 394.
71. Там же. С. 348.
72. Там же. С. 348–349.
73. Там же. С. 98.

ПРОТОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В МАЛОРОССИИ В КОНЦЕ XVI – СЕРЕДИНЕ XVII В.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

К.Д. Гусев

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Kuban State University
350040, Krasnodar, Stavropolskaya str.,149
dissovet.fismo@kubsu.ru

В статье рассматривается проблемный вопрос формирования протонационального дискурса в Малороссии в первой половине – середине XVII в. в контексте происходивших в регионе политических процессов. Анализируется трансформация идеологических взглядов киевских книжников первой половины XVII в. на историю региона в свете меняющихся отношений с Речью Посполитой и Русским государством. Характеризуется парадоксальность роли местных православных иерархов, подготовивших, с одной стороны, идеологию Освободительной войны, а с другой – скептически отнесшихся к восстанию Богдана Хмельницкого (1648–1654) и Переяславской раде 1654 г. Дается историографический обзор современного состояния изучения проблемы.

***Ключевые слова*:** Освободительная война (1648–1654), дискурс, воображаемые сообщества, киевские книжники, маркер идентичности, Богдан Хмельницкий, Малороссия.

The article deals with the problem of the formation protonational discourse in Little Russia in the first half-middle of the XVII century. The author characterizes the paradoxical role of local Orthodox hierarchs who prepared, on the one hand, the ideology of the Khmelnytsky Uprising (1648–1654), and on the other – skeptical about the uprising of Bohdan Khmelnitsky and Pereyaslav Council. A historiographical review the study of the problem is presented.

Key words: Khmelnytsky Uprising (1648–1654), discourse, imagined community, Kiev scribes, identity marker, Bohdan Khmelnytsky, Pereyaslav Council, Little Russia.

Политическая ситуация на территории современной Украины, связанное с ней появление конъюнктурных работ и спекуляций, а также существование в российской исторической традиции историографического мифа о «воссоединении Украины с Россией» делают актуальным исследование вопроса зарождения в Малороссии протонационального дискурса. За последние полвека проблема получила развитие во многих работах – среди авторов выделим В.А. Голобуцкого [1], В.Т. Пашуто [2], Б.Н. Флоря [3], З. Когута [4], О.Б. Неменского [5]. Однако большинство исследователей

рассматривают заданный вопрос по остаточному принципу, заслоняя его освещением политического и социально-экономического аспектов. Особняком стоят работы Д.Ю. Степанова [6], Т.Г. Таировой-Яковлевой [7], С.Н. Плохия [8], П.П. Толочко [9], в которых исследование идентичности малороссов выводится на качественно новый уровень. Однако, по мнению М.В.Дмитриева, проблема все еще не раскрыта окончательно и нуждается в более глубокой разработке [10].

Дискуссионным и политически ангажированным остается вопрос, насколько глубинным был раскол единой восточнославянской народности в XVII в.? М.С.Грушевский считал, что уже тогда существовало «украинское самосознание», носителями которого выступали казачество и православное духовенство [11]. З. Когут говорил, что в среде местной элиты XVII в. господствовало «руське» самосознание, противоположное «московскому» [12]. Авторитетный историк-славист Б.Н. Флоря полагает, что жители Великороссии и Малороссии в XVII в. являлись очень близкими, но все же разными народами [13]. Нельзя игнорировать тот факт, что в первой половине XVII в. на православной основе, под влиянием польской культурной среды, формировался особый «украинный» («окраинный») тип культуры [14]. Но главным параметром самоидентификации для местных жителей все еще оставался религиозный фактор. Именно в этом аспекте жители Малой и Великой Руси были максимально схожи.

Казачество в середине XVII в. запустило политический процесс, поставивший малороссийскую («руськую») народность, далеко не однородную в социально-экономическом плане, перед историческим выбором: самостийность, вторые роли в Речи Посполитой либо широкая автономия в составе Российского государства.

Побудительным ответным импульсом для формулирования идеологии «воссоединения» восточнославянских народов стала принятая в 1596 г. Брестская уния. По ней православная церковь Малороссии объединялась с католической и подчинялась Папе Римскому, что вызвало широкое недовольство православного населения Речи Посполитой. В Бресте состоялся альтернативный собор, объявивший унию недействительной и отлучивший от церкви униатов. Это решение поддержало большинство жителей Малой и Белой Руси, поставив их в политико-религиозную оппозицию варшавскому правительству [15]. В первой половине XVII в. католики Речи Посполитой предприняли решительное наступление на своих православных соотечественников. Ответной реакцией местных интеллектуалов стал идейный исторический поиск собственных корней и формирование идеологии о единстве восточных славян под главенством православного русского царя. До этого культурно-историческое понятие «Русь» было широко распространено, но оставалось содержательно размытым и распыленным. В зависимости от политического контекста оно могло относиться к религии, народу

или территории. Теперь же понятие получало твердое смысловое и идеологическое наполнение.

Со смертью в 1632 г. короля Речи Посполитой Сигизмунда III Ваза оживляется внутриполитическая жизнь в стране. Выборы нового короля актуализируют существовавшие маркеры идентичности православного народа в составе католической страны. В мае 1632 г. запорожский гетман Иван Петражицкий-Кулага обратился с письмом к казацкой шляхте: «Если ваши милости являетесь теми, кому дороги добродетели и свобода, притом пребываете в нашей религии как и все родившиеся в руских краях, то захотите действовать так, чтобы наш руский народ ни в чем не претерпел обиды» [16]. Казаками обозначались претензии к польской короне и заявлялась решимость защищать православную веру, в том числе и вооруженным путем. Выражения «руские края» и «руский народ» указывают на наличие особой культурной идентичности в регионе, а широко определяемый религиозный конструкт «в нашей религии» позволяет существенно расширить рамки понимания этногенетического родства местных жителей с людьми их веры. Устойчивость психологических и политических ориентаций свидетельствует об особой этнополитической общности православных жителей Речи Посполитой. Примечательно, что это сообщество представляло собой социально многоуровневую конструкцию – в нее входили как представители казацкой элиты (привилегированное сословие), так и посполитое крестьянство (непривилегированное сословие). Интересно, что в социально-экономическом плане казачья старшина была глубоко встроена в польскую шляхту, однако в культурном разрезе сохраняла автономию. Это предопределило ее дальнейший раскол и постоянные метания между противоборствующими лагерями в годы Руины. Но в польский период истории казачья старшина не упускала возможности подчеркнуть свою монолитную культурно-историческую особость, что не позволяло ей раствориться в шляхетском сословии.

Артикулировали и распространяли идеи культурной автономии в первую очередь представители элиты православного духовенства Речи Посполитой, обратившиеся к историческому опыту Древнерусского государства как «золотой эпохе» единения. Стоит отметить, что через работы М. Кромера, М. Бельского, А. Гваньини они испытывали влияние польской исторической мысли (отсюда идея о Руси как «Европейской Сарматии») [17]. Существование разных названий народов киевское духовенство объясняло привязкой к географии местности (Белая Русь, Подолье, Украйна), что опровергало глубокий этнический раскол восточных славян. Напротив, по мысли книжников, они оставались родственными на этногенетическом уровне [18]. Однако данное родство в XVII в. не являлось абсолютным. Так, автор Густинской летописи связывал происхождение казаков с

«руским народом», но в XVII в. «наш народ» все же мог быть противопоставлен как «Ляхам», так и «Москве».

Разумеется, в конструируемой концепции имелись серьезные разночтения и противоречия, поскольку каждый книжник по своему представлял картину единства и близости восточных славян. Архимандрит Киево-Печерской Лавры Захария Копыстенский, автор «Палинодии», апеллировал к образу библейского Иафета как к «праотцу» единого «руського» народа. В его представлении население Великороссии и Малороссии – это две ветви «Яфето-Роского поколенья», а русский царь – преемник древнерусской государственности [19]. Транслировалась идея корневой близости народов двух разных государств с возможностью их объединения под скипетром единого правителя, как это было во времена Древнерусского государства. Неудивительно, что в 1654 г. киевский митрополит Сильвестр в поздравлении к Алексею Михайловичу по поводу рождения наследника писал: «многовожделенный всему яфетороссийскому племени нашему» [20]. Сходные идейные мотивы проявлялись в посланиях к русским царям и намного раньше, например, при Федоре Иоанновиче и Михаиле Федоровиче [21].

В первой половине XVII в. шел активный процесс интеллектуального поиска исторических подтверждений особости православного населения Речи Посполитой. В литературе формировался образ идеального героя, запорожского казака, воина-рыцаря, мужественного защитника христианской веры [22]. В частности, на местной почве адаптировалась польская идея сарматизма [23]. Однако казацкая мифологема, культивируемая на базе нечетко определенного понятия «руський народ», пользовалась большей популярностью на уровне обыденных представлений, нежели у элиты общества.

Будучи жителями Речи Посполитой, местные иерархи в 1620-х гг. еще пытались найти достойное место православных в этом государстве. Иов Борецкий, Захария Копыстенский и Мелетий Смотрицкий подчеркивали, что «руський народ» – полноправный партнер поляков и литовцев. Реализация добровольного подданства считалась естественной формой народной свободы, гарантами которой выступали королевская присяга и привилегии. Политическая и конфессиональная свобода «руського народа» обеспечивала благополучное существование в Речи Посполитой. Ее историческим обоснованием являлось богатое культурно-историческое наследие жителей региона, основанное на православной традиции. Это объясняет историческую ориентацию на Восток и популярность образа князя Владимира Святого. Формулируемая богоизбранность народа неразрывно связывалась с обладанием сакральным Киевом. Подобные формулы исторической преемственности затем были скорректированы в контексте политической ориентации на русского царя, но в своей

основе во многом остались теми же. Идеи киевских книжников XVII в. поверхностно перекликались с маркерами русского самосознания XI–XII вв. [24].

Для выдающегося духовного писателя и церковного иерарха Мелетия Смотрицкого в центре внимания была идея православия как основы самобытности «руського народа». Через религиозный аспект им определялась идентичность, т.е. «руський народ» и есть православный народ. При этом сам Смотрицкий не абсолютизировал тезис о том, что смена религии означает и смену национальности. Реальная прагматичность, а не идеальная духовность в конечном итоге подтолкнула Смотрицкого перейти из православия в униатство. В этом свете интересна позиция сенатора Речи Посполитой и королевского комиссара Адама Киселя (1600–1653), выступавшего на православном соборе в Киеве в 1629 г.: «Стонете, ваши милости, и стонем все мы, окрещенные в одной купели Святого Духа здесь, в днепровской воде, шестьсот лет назад в этой митрополии Руского княжества... вот расцветают объединенные в одно целое разные народы Речи Посполитой, а мы, одной нации, одного народа, одной религии, одного богослужения, одних обрядов, не являемся единым. Конечно же, разрываемся и приходим в упадок» [25]. А. Кисель, не отказывая местным жителям в исторической особости, стремился сблизиться с ними на общей православно-униатской платформе, предложенной Варшавой. В конечном счете это должно было сделать «руський народ» одним из почетных этносов в составе Речи Посполитой.

Подчеркнем, что И. Борецкий, З. Копыстенский, М. Смотрицкий, несмотря на меняющуюся политическую конъюнктуру, формулировали «рускую идею» исключительно на православной основе, что доктринально противоречило возможности мирного существования в католической стране. В качестве исторической почвы книжники обращались ко времени общей истории Древнерусского государства, к образу князя-крестителя Владимира и особой сакральной роли Киева. Вскоре «руськая православная идея» была комплиментарно воспринята казаками и стала политическим знаменем Освободительной войны [26]. Казаки скорректировали концепцию и отказались от тезиса о «руськом народе» как об одном из соучредителей Речи Посполитой, заявив: «Государство от вас, ляхов, к нам, казакам, перешло» [27]. Казаки имели в виду, что военными усилиями заслужили естественное право на свое государство. Однако так выглядела идеальная картина – жесткие политические реалии заставили казаков вскоре обратиться к русскому царю, что предопределило очередную трансформацию подвижных идеологем.

Парадоксальным выглядит тот факт, что в период Переяславской рады 1654 г. отношения киевского духовенства и Москвы были на достаточно низком уровне [28]. Не все книжники приняли московскую ориентацию Б.Хмельницкого [29]. Иосиф Тризна,

с позволения киевского митрополита, отказался посылать служилых и дворовых людей к царскому послу в 1654 г. Данный факт отражает всю сложность и противоречивость процесса интеграции земель Малороссии в состав Русского государства. С одной стороны, именно интеллектуальная деятельность духовенства в первой половине XVII в. создала идеологическую базу восстания Б.Хмельницкого, закончившегося, в конечном счете, присягой русскому царю. С другой стороны, часть того же духовенства не приняла итог процесса, который запустила сама. В 1649 г. они определяли себя «подданными отчизны и слугами королевской милости» [30]. Прагматически оценивая ситуацию, иерархи стремились сохранить единство митрополии, пусть и в составе Речи Посполитой, отчего не шли на прямую поддержку Освободительной войны. Митрополит оставался лоялен Варшаве и вел переговоры с королевскими комиссарами, вступая в конфликт с гетманом. Союз с царем предвещал сужение церковной автономии и установление крепкого попечительства со стороны московского патриархата. В 1651 г., когда поляки заняли Киев, Сильвестр писал: «Божья десница восстановила добродетель и бросает необузданный плебс под ноги наиснейшему королевскому величеству» [31]. В 1654 г. он заявил московским воеводам, что будет с ними биться, а при появлении польских войск отказался сотрудничать с киевским воеводой [32].

При этом Москва нуждалась в сотрудничестве с Киево-Печерским монастырем и Киево-Могилянским коллегиумом для трансляции в регионе объединительных идеологических проектов, причем сформулированных в самом Киеве. К 1656 г. из-за взятого курса на ликвидацию унии на занятых московскими войсками территориях отношения Русского государства и киевских иерархов перешли в фазу сотрудничества. Практически вся территория Киевской митрополии оказалась под контролем Москвы, что делало невозможным раскол церковной структуры. Финансовая помощь Русского государства и регулярные измены гетманов в пользу иноверцев в период Руины еще более скрепляли новый союз.

В конечном итоге киевское духовенство, написав новые духовно-исторические произведения, завершило оформление идеологической конструкции «единения», состоящей из нескольких основополагающих тезисов. Во-первых, Переяславская рада воспринималась как воссоединение Русской церкви. Во-вторых, царь Алексей Михайлович понимался как потомок и наследник Владимира Святого, что легитимировало его право на присоединение земель бывшего Древнерусского государства. В-третьих, Русь мыслилась как двуединая – Великая и Малая. В-четвертых, принявший христианство в 988 г. народ являлся единым «русским родом» и вел свое начало от ветхозаветного Иафета.

Проблема зрелости этнического самосознания у казаков, горожан и крестьян Малороссии остается крайне дискуссионной в современной исторической науке. Украино-канадские историки Ф. Сысин и З. Когут утверждают, что к середине XVII в. сформировалось прочное «руськое» самосознание, во многом противоположное «московскому» [33]. «Руськое» по сути было украинским, а «московское» – российским. Канадско-украино-американский историк С.Н. Плохий различает «руський» маркер казачества и «русский» маркер жителей Московского государства [34]. Польская исследовательница Т. Ханычевская-Хеннель выводит тезис, что православные жители Речи Посполитой ощущали этническую отдельность от жителей Русского государства [35]. Существенный вклад в разработку темы внес Б.Н. Флоря, который проанализировал общерусские представления в среде киевских книжников первой половины XVII в. [36], а также идеи более раннего периода – начиная с XII в. [37]. Он пришел к выводу, что на уровне XVII в. православные жители Речи Посполитой и православные Русского государства были друг для друга хоть и близкими, но все же отдельными народами. О.Б. Неменский исследовал самосознание православных иерархов Речи Посполитой первой трети XVII в. – для них Русь была единым, но дискретным пространством [38].

Лидеры Гетманщины называли подконтрольное своей власти население «нашим народом», что можно определить как «воображаемое сообщество» [39]. Часто употребляемыми терминами в среде казачьей элиты были «руський», «руский», «русь». К населению Московского государства применялись те же понятия. Для Б. Хмельницкого главным индикатором «рускости» оставалось православие – задействованные протоэтнические дефиниции сливались в единое этноконфессиональное целое. В ноябре 1651 г. гетман писал султану: «Поэтому и вся русь, которая здесь живет, которая с греками одной веры и от них свое начало имеет» [40]. Б.Хмельницкий негативно относился к унии как возможному компромиссу: «Ненавидя православные обще с нами христианские веры, неприятели наши, безверные проклятые вера ляхи, святые божия церкви многие осквернили и по своей проклятой вере учинили костелы, а православным христианом чинили большое утесненье, приводя в проклятую ляцкую веру» [41].

Переяславские соглашения 1654 г. содержат образ царя Алексея Михайловича как наследника Владимира I и «благочестивых князей российских» [42]. На тот момент это было формой легитимации воссоединения некогда единых народов. Еще до переломных событий Хмельницкий писал царскому посланнику в 1649 г.: «А мы царского величества милости ищем и желаем потому, что от Владимирова святаго крещения одна наша благочестивая христианская вера и имели едину власть. А отлучили нас неправдами своими и насилием лукавые

ляхи» [43]. Существование некогда общего государства под властью правителя, даровавшего веру, стало плодотворной исторической почвой для единения двух народов. Глубоко внедренное в историческую память представление впоследствии стало общепринятым среди жителей региона.

Однако ощущение некой особости не оставляло казачью элиту. Во многом поэтому после Переяславской рады титул Алексея Михайловича был изменен с добавлением понятия «Малая Русь», на чем прежде всего настаивал Б.Хмельницкий. Однако не стоит считать этот факт проявлением этнического сепаратизма. Гетман, управлявший сложным во всех смыслах регионом, стремился сохранить его культурное своеобразие и закрепить существенную часть политической и социально-экономической автономии.

Представители казачьей элиты в XVII в. много раз называли «руськими», или «русскими», как самих себя, так и выходцев из Российского государства [44]. Идея «единой Руси» неоднократно высказывалась казаками даже на переговорах с поляками с целью легитимировать собственный переход под власть русского царя [45]. Москва также не отказывала в «русскости» жителям региона – в Андрусовском перемирии 1667 г. отдельной статьей прописывалось: «А взаим тем все всякого чина русским людем, которые в сторону его королевского величества в местах через сии договоры уступлены оставают, вольное имеет быть употребление веры Греческой» [46].

Подводя итоги, подчеркнем парадоксальность выводов. С одной стороны, к середине XVII в. процесс этнического размежевания восточных славян Речи Посполитой и Московского государства (потомков жителей единого Древнерусского государства) зашел достаточно далеко и создал основу для формирования различных этносов. С другой стороны, этот процесс еще не был завершен. Термины «руский», «руський» не получили различного этнического наполнения, разница между ними растворялась в общей конфессиональной среде. Связанные православным конструктом казачьи и московские элиты считали друг друга «рускими» («руськими»). Они были разными по социально-экономическому укладу, но испытывали чувство родства в довольно широких рамках «русского воображаемого сообщества», что позволило в конечном итоге создать общее государство с обширным окном автономии для Малороссии. Киевское духовенство, испытавшее в первой половине XVII в. культурное возрождение, поначалу не стремилось к выходу из состава Речи Посполитой и весьма прохладно отнеслось к восстанию Богдана Хмельницкого (1648–1654) и Переяславской раде (1654). Тем не менее идеологическим знаменем указанных событий стали именно теории киевских книжников. Изменившаяся политическая ситуация сделала возможным в 1656 г. союз Москвы и церковного Киева. Отредактированные в середине – второй половине XVII в.

теории киевского духовенства стали акцентированно апеллировать к общему историческому опыту «единокупельного» существования в Древнерусском государстве и образу князя Владимира Святого как «прародителя». Данная политико-религиозная конструкция являлась идеологической основой сосуществования в рамках одного государства Великой и Малой Руси.

Библиографический список

1. Голобуцкий В.А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1962.
2. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
3. Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
4. Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної і модерної історії України. Київ, 2004.
5. Неменский О.Б. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008.
6. Степанов Д.Ю. «Русское», «Малороссийское» и «Московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 18.
7. Таирова-Яковлева Т.Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М., 2011.
8. Плохій С. Налівайкова віра: козацтво та релігія в ранньомодеррній Україні. Київ, 2006.
9. Очерки истории Украины / отв. ред. П.П.Толочко. Киев, 2010.
10. Дмитриев М.В. О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // URL: http: // www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/dmitriev.
11. Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1995. Т. 8. С. 117–118.
12. Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та моддерної історіі України. Київ, 2004.
13. Флоря Б.Н. О некоторых особенностях… С. 9–29.
14. Пресняков А. Упадок Киева и исторический путь Украины // Родина. 1999. С. 57.
15. Брестская церковная уния // Иллюстрированная энциклопедия «Руссика». История России. IX–XVII вв. М., 2004. С. 70.
16. Сас П. Иафетовы правнуки // Родина. 1999. № 8. С. 60.
17. Там же.
18. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С.125–126.
19. Копыстенский З. Палинодия // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т.4. Кн.1. Стлб. 1101–1111.
20. АЮЗР. СПб., 1904. Т. 10. С. 231.
21. Дмитриев М.В. О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // Украина и Россия: история и образ истории: материалы Международной конференции 3–5 апреля 2008 г. // URL: http: // www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/dmitriev.

22. Сас П. Політична культура українського суспільства (кінець XVI – перша половина XVII ст.). Київ, 1997. С. 237–248.
23. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 141.
24. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 264–265.
25. Жукович П. Материалы для истории киевского и львовского соборов 1629 года. СПб., 1911. С. 11.
26. Сас П. Иафетовы правнуки… С. 62.
27. Мицик Ю. Три листи до історії Хмельниччини з архівосховищ Польщі // Доба Хмельницького. Київ, 1995. С. 266.
28. Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899.
29. Белявский Н. Сильвестр Коссов митрополит Киевский // Литовские епархиальные ведомости. Вильно, 1872. № 9. С. 327–333.
30. Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. М., 1998. С. 60.
31. Там же. С. 103.
32. Карпов Г.Ф. Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией. М., 1871. С. 13.
33. Sysyn Frank E. Ukrainian-Polish Relations in the Seventeenth Century: the Role of National Consciousness and National Conflict in the Khmelnitsky Movement // Poland and Ukraine: Past and Present / Ed. By Peter Potichnyi. Edmonton-Toronto, 1980. P.58-82.
34. Плохій С. Налівайкова віра… С. 194.
35. Chynczewska-Hennel T. Swiadomosc narodowa Kozaczyzny i szlachty ukrainskiej w XVII wieku. Warszawa, 1985.
36. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие…
37. Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития… С. 9–29.
38. Неменский О.Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. М., 2008. С. 105–114.
39. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
40. Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961. С. 233.
41. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. М., 1953. Т. 2. С. 269.
42. Степанов Д.Ю. «Русское», «Малороссийское» и «Московское»… С.14.
43. Воссоединение Украины с Россией… Т. 2. С.152.
44. АЮЗР. СПб., 1863–1892. Т. 5. С. 282; Т. 7. С. 285; Т. 15. С. 27.
45. Степанов Д.Ю. «Русское», «Малороссийское» и «Московское»… С.16.
46. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 659.

КРАСНОДАРСКИЙ ПРОЦЕСС 1943 Г. В СОВЕТСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ: ПОДГОТОВКА, ПРЕЗЕНТАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ*

И.Г. Тажидинова

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
tajidinova@yandex.ru

Kuban State University 350040
Krasnodar, Stavropolskaya St.,149
tajidinova@yandex.ru

Статья посвящена выявлению факторов, которые способствовали проведению первого открытого суда над военными преступниками в Краснодаре в июле 1943 г. Особое внимание уделено процессам медиатизации, предварявшим это историческое событие и сопровождавшим его. Метод исследования – контент-анализ публикаций в региональной газете «Большевик» за 1943 г. (а также отдельных публикаций в центральных газетах «Известия» и «Красная звезда»).

Ключевые слова: Вторая мировая война, Краснодарский судебный процесс 1943 г., немецко-фашистские захватчики, коллаборационисты, преступления, советские газеты, медиаполитика, контент-анализ.

The article identifies factors that have made it possible and necessary to hold the first open trial of the military criminals in Krasnodar in July 1943. Special attention is paid to the processes of mediatization, accompanied this historical event. Content-analysis of publications in the regional newspaper «Bolshevik» for 1943 have become a research method (as well as selected publications in central newspapers «Izvestiya» and «Red star»).

Key words: The Second World War, Krasnodar trial in 1943, the German fascist invaders, collaborators, crime, the Soviet newspaper, media policy, content analysis.

В июле 2018 г. исполнилось семьдесят пять лет со времени, когда в городе Краснодаре состоялся резонансный судебный процесс над пособниками немецко-фашистских захватчиков. Он был первым в череде трибуналов, именуемых исследователями «Советским Нюрнбергом». На сегодняшний день проблема организационных и правовых основ преследования гитлеровских военных преступников и их пособников считается достаточно проработанной [1]. Однако по-прежнему недостаточно изучены такие важные аспекты темы судебных процессов над военными преступниками, как их информационная подготовка, презентация в различных советских

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16-21-08001а(м).

СМИ и ее разнообразные последствия. Среди работ, в той или иной степени затрагивающих эти аспекты, стоит назвать исследования Д.Ю. Асташкина [2], В. Вуазен [3], И. Буртман [4]. Автором настоящей статьи также опубликованы некоторые результаты собственного исследования, посвященного проблемам медиатизации темы преступлений гитлеровцев и их пособников (на примере информационного сопровождения трибуналов, проходивших в г. Краснодаре в 1943 г. и в 1960-е гг.) [5].

Что касается данной статьи, то в центре ее внимания процессы медиатизации, предварявшие и сопровождавшие историческое событие первого открытого суда над военными преступниками в Краснодаре в июле 1943 г. Метод исследования – контент-анализ публикаций в региональной газете «Большевик» за 1943 г., а также отдельных публикаций в центральных газетах «Известия» и «Красная звезда».

Представление советскими печатными СМИ проблематики преступлений гитлеровцев на временно оккупированной территории СССР на протяжении 1943 г. следовало за объективным ходом событий; освобождение Красной армией городов и сел страны вскрывало все новые преступления вражеской армии, и информация о них становилась достоянием потрясенного населения преимущественно через газеты. Объемы, формы, расположение материалов на тему «зверств» в советской печатной периодике с течением времени регулировались все тщательнее.

Среди публикаций «Большевика» за январь 1943 г. выявлено 9 материалов, имеющих отношение к проблематике «зверств», причем это жесткое определение нашло отражение в самих их названиях (в 6 из 9). Публиковались, преимущественно, информационные сообщения специальных корреспондентов ТАСС из действующей армии об увиденном собственными глазами или услышанном от свидетелей (мирных граждан, военных), побывавших на оккупированных территориях. Половина материалов повествует о злодеяниях гитлеровцев в станицах Кубани, другая – о тех, которые были совершены в иных регионах СССР. Размещались такие материалы чаще на второй странице газеты, в ее нижней (как известно, сравнительно менее значимой для читателей) части. Передовиц и сообщений государственной важности, касающихся данной темы, в январе не было. Объединение 3 статей в тематическую подборку номера (как правило, подчеркивающую приоритет темы) произошло лишь один раз.

Характерно, что определения «зверства» и «звери» активно избирались для названий, но в самих текстах статей они практически не фигурируют. В текстах определения в отношении немцев и румын намного разнообразнее и, как правило, изобличают конкретику их преступлений: «убийцы», «насильники», «грабители», «поджигатели».

Обобщающими терминами выступают «оккупанты» и «бандиты», а вот такие впоследствии чрезвычайно популярные в советской прессе наименования, как «палачи» и «мерзавцы» пока почти не задействованы.

Что касается пособников немецко-фашистских захватчиков, то речь о них идет всего в двух статьях, зато сведения об этих людях даны довольно подробные. Учитывая, что до сих пор имена немецких военных, причастных к совершению конкретных злодеяний, обыкновенно не появлялись на страницах советских газет, «портреты» коллаборационистов, наверняка, привлекали большой интерес читательской аудитории.

Обращает на себя внимание, что авторы таких статей в обязательном порядке поднимали «грязное прошлое» пособников, выражающееся в их изначальном, еще довоенном, антисоветском настрое. Так, в статье К. Пухова «Зверства немцев на Кубани» приводятся свидетельства тех, кто перешел линию фронта, вырвавшись из «фашистского ада». По словам очевидцев, там «подвизается в роли начальника полиции станицы Нижнебаканской отъявленный негодяй Курс, бывший царский полицейский». «Своих подручных он подобрал из уголовников – воров, бандитов и убийц. Эти мерзавцы по его указке порют женщин, стариков, детей», – описываются в статье те действия коллаборационистов, которые, не пройдет и месяца, померкнут в свете открывшихся преступлений оккупантов на кубанской земле [6]. Что касается статьи С. Борискина «Предатель», то она посвящена истории старосты под «говорящей» (можно предположить, что придуманной) фамилией Побегайло, служившего румынам в одной из кубанских станиц. Автор статьи отказывается верить заявлениям Побегайло о том, что «оккупанты насильственно заставили его стать старостой». Презумпция невиновности не может действовать, когда выясняется, что «еще в 1930 г. Побегайло судился за контрреволюционную деятельность, отбыл срок наказания». Естественно поэтому, что с приходом немцев он добровольно пошел в «фашистские наймиты», позарившись на «иудины серебренники» (350 р. в месяц). Побегайло выдавал активистов, грабил имущество населения, даже ездил для консультаций в соседнюю станицу к «более опытному предателю Калашникову». Однако концовка рассказа невнятная («Матерый предатель ответил за свое черное преступление»), и для читателей остается неясным, произошло ли это по суду или как-то иначе [7].

В целом январским материалам «Большевика» присущ обличительный тон, но заключительные выводы в них делаются не всегда. Так, мотив мести присутствует всего в 4 материалах из 9, а очертания планируемого возмездия неопределенны; ясно только, что осуществление мести возлагается на Красную армию, которая будет это делать попутно с освобождением территорий страны. Что касается

таких моментов, как определение истоков зверств, необходимость применения правовых санкций к военным преступникам, апелляция к международной общественности, то авторы публикаций их вообще не упоминают, реализуя своими материалами практически исключительно функцию информирования о конкретике преступлений и жертв. Пропагандистская составляющая в этом информировании, безусловно, присутствует, но выражена умеренно. Опора на документальные свидетельства фиксируется в двух случаях: по злодеяниям оккупантов в кубанском селе Новопрохладном и в селе Екатериновка Воронежской области приводятся составленные на местах акты [8].

В феврале в «Большевике» отмечено максимальное число публикаций на тему зверств немецко-фашистских захватчиков, и это объясняется вскрытием фактов о них в ходе освобождения Краснодара и других населенных пунктов Краснодарского края. Информационный прорыв отразился не только в количественных (26 публикаций), но и качественных показателях; помимо единичных публикаций на тему бесчеловечных злодеяний гитлеровцев, газета опубликовала 3 объемные тематические подборки о них (всегда расположены на второй странице издания). Эти подборки были содержательно связаны с газетными передовицами конкретных номеров [9]. Данные материалы носили знаковые названия, совмещавшие темы зверств гитлеровцев и необходимости отмщения им. Мотив возмездия также актуализировали два больших графических рисунка (а такое оформление практиковалось в газете крайне редко), направленных на усиление тематических блоков. Рисунки («Боец, отомсти!» и «Радость освобождения») однозначно указывали, что пострадавшее население уповает на армию.

Вопрос о судебном преследовании немецко-фашистских захватчиков по-прежнему не поднимался, хотя акты об их злодеяниях, составлявшиеся на местах, теперь попадали в газету регулярно. Факты коллаборационизма также обходились молчанием. Единственное исключение – статья «Предатель» в рубрике «Из зала суда», посвященная делу военного шофера Николая Барикова [10]. Последний 10 августа 1942 г. оставил свою машину в лесу, выбросил оружие и, как описывается в статье, напросился служить немцам, мотивировав свой поступок тем, что «сын кулака и способен на любое предательство». В статье не уточняются место и состав преступлений Н. Барикова, зато сообщается, что Военный трибунал войск НКВД приговорил изменника родины к расстрелу, и это было встречено «горячим одобрением всех присутствующих». Так в «Большевике» появляется первое сообщение «из зала суда» о разбирательстве по делу коллаборациониста. Однако напрасно думать, что в последующие месяцы в ходе расследования подобных преступлений прецеденты

такого рода участились [11]; в период с марта по июнь материалов о пособничестве врагу на страницах газеты нами не обнаружено.

Практически все февральские материалы о зверствах охватывали происшедшее за время оккупации в Краснодарском крае. На страницах «Большевика» описывались трагические события в городах Кропоткине, Горячем Ключе, Армавире, многих кубанских станицах. Общие контуры преступлений оккупантов в самой столице Кубани отразили передовица «Краснодар наш!» и статья ответственного редактора газеты И.И. Юдина «Краснодар сегодня», а уже 26 февраля газета опубликовала первую конкретику о человеческих жертвах [12]. Между тем значительная часть статей настойчиво муссировала тему необходимости восстановления региона, налаживания в нем нормальной жизни и эффективной помощи фронту. Население, таким образом, настраивалось властями на решение текущих задач, и ближе к летней уборке урожая эта тенденция укрепится.

Частота появления материалов о зверствах оккупантов на советской земле в мартовских номерах «Большевика» по сравнению с февралем снижается (16 публикаций), но накал ненависти к захватчикам, статистика жертв которых растет, усиливается. Во-первых, возвращается внимание к злодеяниям врага, происходившим в других областях страны. Это касается Смоленщины, и особенно – масштабных зверств в соседнем регионе. Тому, как целенаправленно и методично «гитлеровцы уничтожали людей и уничтожали город Ростов-на-Дону» (а по неполным тогдашним подсчетам число жертв достигло 18 тыс. чел.), посвящена первая страница «Большевика» от 16 марта 1943 г. (перепечатка передовицы «Месть фашистским извергам!» из «Правды» и Акт «Зверства немецко-фашистских людоедов в Ростове-на-Дону») [13].

Во-вторых, публикации марта более детально и документировано отражали факты злодеяний немцев на территории самой Кубани, в которых «только теперь каждый собственными глазами увидел настоящую отвратительную личину фашистского оккупанта» [14]. Характерны названия передовых статей двух мартовских номеров газеты («Мы отомстим!» и «Покараем убийц!»), причем передовицы становятся все злее, все насыщенней призывами. Названия тематических подборок на вторых страницах этих же номеров не менее «говорящие» («Их кровь вопиет о мести!» и «Гитлеровские изверги не уйдут от расплаты!»), а материалы в них зачастую цитируют акты о зверствах в определенных населенных пунктах либо подписаны родственниками жертв, описывающим свои переживания у раскопанных могил [15]. Фотографии тел замученных краснодарцев впервые публикуются именно в марте, по прошествии полутора месяцев с освобождения города. Тогда же оглашается число

убитых различными способами горожан: 13 тысяч женщин, стариков и детей [16].

Однако, что касается обсуждения проблемы привлечения виновных к судебной ответственности, она по-прежнему в глубокой тени. Не обсуждаются пока в печати и имена этих преступников. Если в акте о зверствах в Ростове-на-Дону фигурирует немецкий комендант города генерал-майор Киттель, организовавший массовое истребление жителей, то в акте городской комиссии Краснодара обвинения пока никому конкретно не предъявляются. Показательна риторика одной из упомянутых передовиц: «...Гитлеровские палачи – враг, преступивший все законы человечества, с таким врагом, как с чумной крысой, один способ борьбы – уничтожение. … Да здравствует мщение, беспощадное, безграничное, безудержное!» [17]. Как видим, происходит массированное нагнетание ненависти к врагу на эмоциональном уровне, а объективным основанием для этого выступает статистика и детализация его зверств.

Выявленная тенденция «воспитания жгучей ненависти к врагу» останется ведущей задачей «Большевика» и в последующие месяцы, хотя количество публикаций о зверствах пойдет на спад. Так, в течение апреля 1943 г. в газете публиковалось 11 материалов о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированной территории Советского Союза, и только 5 из них (небольшие заметки) были посвящены фактам зверств оккупантов на Кубани. Самым мощным материалом о преступлениях на советской земле, опубликованным в апреле, было сообщение ЧГК [18] о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области, и в городе Ржеве Калининской области; помимо описания фактов чудовищных «злодеяний немецких фашистов и их сообщников», здесь были названы имена лиц из немецкого командования, возглавлявших военные части на данных территориях и причастных к зверствам (имена их пособников из числа советских людей не приводились) [19].

В то же время именно в апреле в советской печати (в том числе и в «Большевике») появилась серия публикаций, отводящих и парирующих обвинения в «Катынском расстреле», сформулированные министерством пропаганды Геббельса. Наше исследование свидетельствует в пользу того, чтобы расценивать этот «информационный повод» как фактор влияния на позицию советского руководства, ускоривший подготовку первого в СССР открытого судебного процесса над военными преступниками [20].

Действительно, с середины апреля 1943 г. вопрос о трибунале по преступлениям нацистов на территории СССР приобретает особую актуальность и остроту, что было порождено активностью самой Германии по конкретному «злодеянию», в котором теперь уже она обвиняла власти СССР. Речь идет об обнаружении массовых захоронений в Катынском лесу под Смоленском, которые, по

утверждению министерства Геббельса, отсылали к судьбам тысяч пропавших без вести польских офицеров, плененных Красной армией в 1939 г. Весной 1943 г. немцы создали широко разрекламированную следственную комиссию, которая «доказала», что польские офицеры были расстреляны органами НКВД в 1940 г. Немаловажно, что немцы в своих разоблачениях не только оперировали юридическими терминами и постулировали ответственность советского руководства за «зверства» (т.е. за то, что чаще всего вменялось в вину самим оккупантам на территории СССР), но и апеллировали к международной общественности (Красному Кресту) с призывом участвовать в расследовании данного дела. Как подчеркивалось в советской прессе, «антисоветская кампания началась одновременно в немецкой и польской печати и проходит в одном и том же плане», что вызывало опасения советского руководства из-за очевидности «предварительного сговора» [21], а также по причине международного резонанса.

В контексте нашей темы важно, что разоблачение «клеветы и провокаций геббельсовской кухни» по данному вопросу заняло в советской печати значительное (если не исключительное, на определенном хронологическом отрезке) место. И региональная газета «Большевик» в стороне, естественно, не осталась; в течение апреля 1943 г. треть ее материалов, прямо или косвенно касавшихся злодеяний гитлеровцев на временно оккупированной территории Советского Союза, посвящалась именно ответу на «гнусные измышления немецко-фашистских палачей» насчет захоронений под Смоленском. Данные материалы, разумеется, попадали в региональную прессу из центральной; это были сообщения Совинформбюро и ТАСС, передовые статьи из «Правды» и «Известий», Нота советского правительства о решении прервать отношения с польским правительством [22]. Что примечательно, точка зрения руководства СССР по поводу зверств немецко-фашистских захватчиков внутри собственной страны была выражена в них яснее, чем это происходило во многих других публикациях, непосредственно посвященных этим самым зверствам (в тех превалировали информационная и пропагандистская составляющие). Здесь же имела место аналитическая подача информации, предпринимались попытки выстроить четкую логику ответов на обвинения немцев. В целом, указывалось, что «гитлеровские палачи» сами повинны в расстрелах поляков (как и в других массовых убийствах на оккупированных территориях), а их «измышления преследуют совершенно определенную цель – замести следы своих чудовищных злодеяний, замазать свои собственные кровавые преступления, за которые они должны будут понести суровую ответственность» [23].

Дать ответ на «следственную комедию» гитлеровцев требовалось как можно скорее. Как писал британский журналист

Александр Верт, находившийся в СССР все военные годы, «советская позиция была ясна, но для ее обоснования не хватало подробных фактов и цифр … полный ответ советские власти могут дать только тогда, когда Красная Армия дойдет до Смоленска» [24]. Однако режим ожидания до взятия Смоленска и обнародования результатов собственного расследования по «катынскому делу» означал бы для советского руководства заведомый проигрыш в развернувшейся информационной войне. Очевидно, что оно не могло позволить себе пребывать в бездействии, никак не парируя обвинения немцев. Тем более что «фактов и цифр» по другим «делам», к которым немцы были причастны, безусловно, накопилось уже достаточно.

По стечению обстоятельств пик активности расследования масштабов злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Краснодаре и Краснодарском крае пришелся именно на весну 1943 г., одновременно с «катынским делом». В ходе расследования на Кубани начали выявляться большие жертвы среди мирного населения, и количественно они, судя по всему, были сопоставимы с «катынскими» либо превышали их [25]. Если провести сравнение с историей о «жертвах большевистского террора во Львове», на которую советским властям приходилось реагировать в 1941 г. (сообщение Совинформбюро от 8 августа 1941 г.), то ситуация изменилась кардинально. Учитывая обстановку на фронтах Великой Отечественной войны, а также накопление материалов о преступлениях оккупантов в фондах ЧГК, ответ на провокации немецкой стороны теперь мог не ограничиваться опровержениями в прессе.

Тем не менее на рубеже весны и лета 1943 г. интенсивность освещения проблематики «зверств» в советских газетах заметно снижена. И это объяснимо, если вспомнить о мобилизационной сущности советских печатных СМИ. Во-первых, о многом уже было написано и в принципе газетам пора было сосредоточиться на другой своей задаче – вдохновлять трудящихся на восстановление хозяйства и помощь фронту (тем более близилось время уборки урожая). Во-вторых, советская печать активнейшим образом отдавала дань злободневным темам – о втором госзайме, об итогах двух лет войны.

Последний (на хронологическом отрезке времени до начала процесса) всплеск публикаций о зверствах немецко-фашистских захватчиков пришелся на первую половину мая. Тогда в «Большевике» прошло 9 публикаций, причем 6 из них (передовица и тематический блок, подкрепленный фотоснимком) были размещены в номере за 12 мая 1943 г., отметившем третий месяц со дня освобождения Краснодара. Эта дата заставила вновь вспомнить «рвы и ямы, заполненные изуродованными трупами стариков, женщин и детей … следы, которые тянутся по Кубани на Запад, куда уходят под ударами Красной Армии немецкие банды» [26]. Новые факты о преступлениях

«двуногих зверей» актуализировали мотив возмездия, но, судя по передовице, концепт возложения священной мести «трудящимися, всем советским народом» на «красных воинов» доминировал все также безраздельно. И все-таки именно здесь прозвучали слова, впоследствии ставшие лейтмотивом презентации советскими средствами массовой информации Краснодарского процесса 14–17 июля 1943 г.: «“Месть, беспощадная месть фашистским разбойникам!” – таков приговор советского народа». О многом говорит уже само употребление в лозунговой части передовицы чисто юридического термина, означающего «важнейший процессуальный акт правосудия», хотя и ясно, что читатели, привыкшие воспринимать лозунги «в общем и целом», вряд ли его выделили.

На самом деле, на протяжении полутора месяцев (13 мая – 25 июня) тема зверств в «Большевике» не возникала вообще, и, по сути, предугадать приближение первого советского трибунала над военными преступниками в Краснодаре, отталкиваясь от публикаций в ведущей региональной газете, практически невозможно. Только в конце июня, т.е. буквально за две недели до процесса, на страницах «Большевика» начинают появляться предвестия судебного разбирательства. Самый общий намек на то, что «немецких злодеев будут судить» содержала передовица номера от 26 июня, являвшаяся перепечаткой из газеты «Правда» [27]. Она соседствовала с объемным материалом «от ЧГК» в виде нескольких Актов расследования преступлений оккупантов в различных регионах страны – грабежа культурных ценностей в г. Пятигорске, массовых убийств мирных жителей в с. Сапогово Курской области и г. Купянске Харьковской области. Чрезвычайная государственная комиссия констатировала персональную ответственность за совершенные злодеяния ряда лиц: от командующего танковой армией генерала Макензена до переводчика немецкой комендатуры Вегеманна (пособники немецко-фашистских захватчиков не упоминались). Через несколько номеров фокус внимания на деятельность ЧГК закрепил пространный материал о работе Краснодарской краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, из которого можно было узнать о ее составе, функциях, порядке подачи актов о грабежах и злодеяниях, а также информацию о передовых и отстающих районных комиссиях [28].

Что касается непосредственно июля 1943 г., – месяца, когда в Краснодаре проходил первый в СССР открытый трибунал над военными преступниками, – то представление тематики «зверств» на всем его протяжении ограничивается информированием о самом процессе. Его хроника масштабно прошла через четыре номера газеты (от 16, 17, 18 и 20 июля), будучи дополнена сопутствующими материалами (передовица и авторские статьи видных корреспондентов, командированных из Москвы). Собственно, обратный отсчет часов,

оставшихся до суда, начался еще 13 июля 1943 г., когда на первой странице № 145 «Большевика» появилось сообщение ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Краснодаре и Краснодарском крае. Данный документ суммировал основную информацию о зверствах оккупантов в крае, назвал имена непосредственных исполнителей преступлений (13 – из числа гитлеровцев, 5 – из числа советских людей, изменивших Родине). «ЧГК все поступившие к ней материалы о чудовищных зверствах немецко-фашистских захватчиков в Краснодаре и Краснодарском крае направила прокурору Союза СССР для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности», – гласило заключение [29]. И хотя в сообщении было напечатано всего пять фамилий коллаборационистов (как нам известно, на скамье подсудимых окажется одиннадцать), причем две из них – с ошибками, события развивались стремительно и до процесса оставались сутки.

Исторические материалы Краснодарского процесса, проходившего с 14 по 17 июля, нашли отражение не только в местных печатных изданиях, но во всех советских СМИ. Стенограмма судебных заседаний вплоть до настоящего времени остается основным источником сведений о ходе и особенностях первого открытого советского суда над военными преступникам [30], и отсюда – внимание к ней исследователей. Однако презентация Краснодарского процесса 1943 г. в советских печатных СМИ отнюдь не исчерпывалась хроникой его судебных заседаний, хотя, безусловно, именно хроника была ядром этой презентации; соответственно, в центре внимания читателей оказывался такой субъект процесса, как советская система правосудия. Другие элементы презентации (мы имеем в виду авторские статьи и фотоматериалы, до сих пор обделенные вниманием исследователей) были сосредоточены на иных субъектах процесса.

Сопровождение Краснодарского процесса фотоматериалами заслуживает повышенного внимания потому, что в рассматриваемое время оформление большинства советских газет визуальными свидетельствами еще не превратилось в рутинную практику. Для региональной прессы размещение одного или нескольких фотоснимков становилось, что называется, «событием номера». В ряде центральных печатных изданий фотографии также были не в избытке; например, ими оформлялся отнюдь не каждый номер «Известий» – одной из ведущих газет страны. В этом контексте ясно, какой интерес читательской аудитории приковывали к себе фотографии, если уж они появлялись, и особенно если воспроизводили редкие для советской печати сюжеты.

Здесь стоит отметить, что визуальное отображение следов «палачества» гитлеровцев на освобождаемых от временной оккупации территориях СССР к распространенным сюжетам газетной публицистики не относилось; снимки, фиксировавшие разрушения,

советские газеты помещали с постоянством, но человеческие жертвы гитлеровского террора оставлялись «за кадром». Такую политику можно объяснить, с одной стороны, деликатностью по отношению к людям, и так предельно настрадавшимся, насмотревшимся ужасов войны. Вероятно, от публикации шокирующих снимков удерживала и сама неприглядность «работы смерти», которую неизбежно зафиксировали бы фотоаппараты журналистов. С другой стороны, жертвы среди мирных жителей, – тех, кого не уберегли и не защитили, – выступали косвенным обвинением власти. Они были укором ее в слабости и неспособности на определенном временном этапе противостоять агрессору; разумеется, в таких выводах власть заинтересована не была и провоцировать их не собиралась.

На протяжении первой половины 1943 г. (вплоть до Краснодарского процесса) фотоматериалы с изображением человеческих жертв на освобожденных от оккупации территориях СССР возникали на страницах «Известий» лишь дважды. В первый раз это было связано с разоблачением «зверств немецко-фашистских людоедов в Ростове-на-Дону» в середине марта. Тогда акт о преступлениях гитлеровцев в этом городе сопровождали 8 снимков, причем половина из них демонстрировала тела расстрелянных и замученных ростовчан [31]. Следующая подборка фотографий была размещена в апрельском номере «Известий», освещавшем злодеяния немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске, Сычевке и Ржеве [32]. В данном номере помимо передовицы и объемного сообщения ЧГК располагалась подборка из 7 фотографий. Три из них запечатлели трупы убитых женщин и детей, а еще на одном снимке граждане могли рассмотреть в группе людей, стоявших среди развалин Сычевки, самого председателя ЧГК Н.М. Шверника. Собственно, этими двумя «случаями» вклад «Известий» в визуализацию «зверств» в первой половине 1943 г. и ограничился.

Нельзя сказать, что «Известия» постарались разнопланово оформить фотографиями материалы первого открытого судебного процесса в Краснодаре в июле 1943 г.; снимков из зала суда или с места казни в номерах газеты, освещавших ход данного дела, мы не обнаружим. Тем очевиднее, что в фокус внимания специально были помещены человеческие жертвы гитлеровского террора на Кубани; это их воспроизводили 8 из 9 фотографий в четырех следовавших друг за другом номерах газеты.

Первые два фото фактически предваряли Краснодарский трибунал; примечательно, что они даже не были привязаны к какому-либо тексту. Действительно, «Известия» от 14 июля 1943 г. не публиковали никакого материала о Краснодаре, но на предпоследней странице номера были размещены два фотоснимка взрослых и детей, «умерщвленных посредством отравления окисью углерода … обнаруженных в противотанковом рву на окраине города

[Краснодара]» [33]. Три следующих номера газеты, последовательно представлявшие материалы Краснодарского процесса, в обязательном порядке содержали фотоподборки на тему «зверств немецко-фашистских оккупантов и их пособников». Собственно, это был первый опыт такого рода пролонгированного и, соответственно, массированного воздействия на аудиторию печатных СМИ. Фотоподборки отразили два вида «зверств», о которых главным образом и шла речь на процессе. Это – отравление людей в «душегубках» и сожжение заживо в здании гестапо. Фотоизображений живущих на тот момент людей, будь то обвиняемые, юристы, свидетели или публика, на страницах «Известий» представлено не было. Небольшое исключение коснулось только людей в «белых халатах». На панорамном фото раскопанных могил в номере от 15 июля далеко на заднем плане видны силуэты врачей или другого медперсонала. В номере от 16 июля материалы судебного процесса иллюстрировала фотография, на которой медицинский эксперт доктор П.С. Семеновский производил исследование трупа ребенка, «зверски умерщвленного» оккупантами (впрочем, лицо врача, склонившегося над телом, оставалось скрытым, зато шокирующие манипуляции с телом оказывались на первом плане) [34]. Что касается места расположения всех этих фотоматериалов, то они традиционно занимали нижнюю часть 2 либо 3 страницы 4 страничной газеты. Авторами снимков были фотокорреспонденты ТАСС И. Озерской, Ф. Белослудцев и др.

Снимки фотохроникера Ф. Белослудцева напечатала и «Красная звезда», причем некоторые из них были идентичны опубликованным в «Известиях», да и расположены в рамках конкретных номеров они были практически также. Смысловая нагрузка выстроенного фоторяда тоже ничем не отличалась от линии «Известий». Три номера «Красной звезды», следовавшие подряд, были проиллюстрированы 8 фотографиями, 7 из которых воспроизводили тела замученных гитлеровцами краснодарцев [35]. Эти фотографии, помещенные непосредственно под материалами судебного процесса, показывали два самых страшных места в освобожденном Краснодаре – противотанковый ров, куда немцы отвозили тысячи отравленных окисью углерода людей, и здание гестапо, где они сожгли 300 человек. Качество воспроизведения фотографий в газетах, оставлявшее желать лучшего, способно было усилить и без того тягостные ощущения от их просмотра. Делая сравнения с другими фотоматериалами в обоих печатных изданиях (в других номерах, на другие темы), можно заметить, что их уровень зачастую выше. Если взять на себя смелость, то можно предположить, что фотохроникеры специально допускали расплывчатость, чтобы сгладить детали ужасающих кадров.

Что касается кубанской газеты «Большевик», то материалы процесса прошли через пять ее номеров, но визуальными

свидетельствами подкреплены не были. Вообще фотодокументы о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Краснодарском крае уже были представлены в данном региональном издании несколькими месяцами раньше, причем очень сильным блоком в тематически ориентированном на разоблачение конкретных преступлений гитлеровцев номере «Большевика». Фотоблок был опубликован 28 марта 1943 г. и сопровождал передовицу «Покараем убийц!» [36]. Девять фотографий, размещенных в разных уровнях 2 страницы номера (по горизонтали – вверху и внизу, по вертикали – в центре), должны были подкрепить расположенный там же акт о фашистских злодеяниях в Краснодаре и серию разоблачительных статей. Фотографии запечатлели следы «зверств» в Краснодаре и станице Апшеронской; на них в равном соотношении были представлены разрушения и человеческие жертвы. Больше фотодокументы о зверствах оккупантов на кубанской земле на протяжении 1943 г. в газете не появлялись, за одним исключением. Единичный фотоснимок был размещен в майском номере «Большевика» прямо над блоком пропагандистских материалов под названием «Сторицей отплатим фашистским бандитам за кровь и слезы советских людей!»; он показывал жителей станицы Ахтырской Абинского района, склонившихся над трупами расстрелянных немцами односельчан [37].

В общем сравнительно с текстовыми свидетельствами (передовицами, тематическими подборками, статьями) публикации фотодокументов в региональной прессе отводилось небольшое место, что, вероятно, объяснялось техническими и материальными сложностями издательств. В то же время логично предположить, что фотографии притягивали внимание, усиливали достоверность изложенного в статьях. Кроме того, «Большевик» анонсировал фотовитрины и выставки о зверствах, происходивших в период оккупации Кубани. Из газеты нам известно, что в апреле 1943 г. такие фотовитрины были установлены прямо на краснодарских улицах, и с утра до вечера около них толпился народ. Демонстрировалось заснятое в первые дни после освобождения города и в период раскопок могил. Музей краеведения г. Сочи к началу лета подготовил специальную экспозицию на эту же тему [38].

В августе, три недели спустя после казни, «Большевик» своим анонсом подготовил кубанскую публику к тому, что скоро на экраны края выйдет киножурнал «Приговор народа», созданный специальной бригадой «Союз кинохроники» на материалах Краснодарского процесса (демонстрация его в Москве уже началась). Миновал месяц, и в течение недели (с 5 по 12 сентября) в газете рекламировались сеансы этого документального фильма в кинотеатре «Великан» (том самом, где состоялся суд); цены на все места были «понижены», принимались заявки на коллективный просмотр [39].

В меру своих возможностей региональная пресса и в оставшуюся часть года после Краснодарского процесса продолжала участвовать в доведении до населения информации о зверствах на Кубани и в других регионах страны, однако их фотопрезентация – и без того небольшая – минимизировалась. В номерах «Большевика» за вторую половину 1943 г. обнаруживается лишь один фотоснимок, имеющий отношение к проблематике «зверств». Это фото из сентябрьского номера «Большевика», на котором красноармейцы стоят над телами двадцати расстрелянных жителей деревни Пешково Орловской области [40].

Вообще вопрос о динамике фотооформления текстовых материалов о зверствах «после» Краснодарского процесса, конечно же, не лишний. Если адресовать его «Известиям», то выясняется, что динамика эта отразила всплеск фотоматериалов в сентябре, а после – затишье, вплоть до иллюстрирования материалов Харьковского процесса в декабре 1943 г. В сентябре публикации фотосвидетельств имелись в 4 номерах «Известий»; они напрямую были связаны с освобождением от оккупации все новых территорий страны и вскрывающимися там фактами зверств. Речь идет о г. Орле и Орловской области; в «Известиях» от 7 сентября передовица и объемное сообщение ЧГК сопровождались 6 фотографиями злодеяний немцев в Орле. Это фотооформление отличалось от «модели» оформления Краснодарского процесса большей разнородностью сюжетов. Хотя доминантой снимков (4 из 6) по-прежнему были вскрытые захоронения, но один снимок запечатлел члена ЧГК академика Н. Бурденко за осмотром черепов и трупов. Также было опубликовано фото повешенных жителей Орла [41].

В сентябрьских номерах «Известий» фотоматериалы о зверствах появлялись еще трижды, и во всех случаях они обличали злодеяния гитлеровцев на Украине. три фото с трупами детей и женщин демонстрировали следы пребывания немцев в Макеевке. Отличительной особенностью было то, что жертвы здесь были перечислены поименно и с подробностями, как именно они были убиты [42]. Еще 6 фото в двух номерах газеты запечатлели следы пребывания захватчиков на Полтавщине. Это было сожжение мирных жителей в здании музея г. Полтавы и в здании школы совхоза Стеховка Гробиновского сельсовета Полтавского района [43].

Что касается сентябрьских фотографий, то обращает на себя внимание более высокое качество большинства из них в сравнении с теми, которые были сделаны в Краснодаре и опубликованы во время процесса в июле. Особенно это заметно на максимально приближенных и четких – и оттого леденяще реалистичных – фотографиях из Макеевки, автором которых был специальный военный корреспондент «Известий» С. Гурарий. Теперь фотоблоки чаще наполнялись живыми людьми, которые только что раскапывали

могилы или занимаются судебно-медицинской экспертизой. Такова, в частности, фотоподборка из Орла, на которой перед ямой застыли жители города и красноармейцы, или прямо в яме исследуют черепа военные врачи (автор – Е. Копыт, фотохроника ТАСС).

Наконец, внимания заслуживает последнее в 1943 г. визуальное оформление «Известиями» темы зверств, связанное с судебным процессом в Харькове в декабре. Оно заметно лаконичнее того, что в июле подкрепляло материалы Краснодарского процесса; проходит только в двух номерах газеты, и представлено всего тремя фотографиями (на двух – человеческие останки из раскопанных рвов, на одной – повешенные харьковчане) [44]. Авторство снимков, уже традиционно располагавшихся на 3 (т.е. предпоследней) странице издания, не обозначено, однако они кажутся более четкими, чем краснодарские.

Если фотопрезентация советскими печатными СМИ Краснодарского процесса сосредоточена на жертвах, то авторские статьи, напротив, сфокусированы на «палачах». К освещению первого судебного процесса над пособниками немецко-фашистских захватчиков были привлечены профессионалы газетной журналистики, в частности, Елена Кононенко, специальный корреспондент газеты «Правда».

Что касается журналистских приемов Кононенко, то внимание автора и читателей приковано к «скамье подсудимых», на которой «сидели и ерзали одиннадцать карателей и шпионов из «Зондеркоманды СС-10А», вдохновляемой германским полковником-палачом Кристманом». Глаза присутствовавших на процессе (юристов, журналистов, публики) стали глазами «всех советских граждан в тылу и на фронте, с волнением следящих за процессом» в Краснодаре. Их напряженное внимание, когда «от скамьи подсудимых невозможно отвести взгляд», было подчинено одной цели: «…узнать и понять: кто же они – эти чудовища? Как они могли продать врагу свою Родину, свой народ, душить своих земляков, мыть руки в крови советских детей! Кто они?» [45].

В выводах статьи «Зондер-банда» Е. Кононенко подчеркивает, что немцы способны были завербовать себе в помощники только «человеческий шлак антисоветски настроенных советских людей». И здесь логично и целенаправленно возникает второй, тенью следующий за первым, план данной статьи. Читателям предлагается разглядеть за спинами арестованных пособников, которым, кстати, пришлись бы «весьма к лицу» немецкие каски и мундиры, «тех, кого в зале нет, но кого советский народ тоже сегодня судит…». Таким образом, резюмируется, что в Краснодаре происходит и «суд над всей фашисткой Германией», а рядом с фигурами одиннадцати подсудимых можно увидеть «…потный лоб со сбившейся прядью волос и безумную улыбку Гитлера, холодный глаз гитлеровского генерала Руофа,

порезанную бритвой физиономию шефа краснодарского гестапо полковника Кристмана, паучьи руки доктора-палача Герца, уши Раббе…» [46]. Этой сюрреалистической картиной, которая, однако, несет вполне реалистичную идею, завершается статья. В день ее публикации 8 из 11 подсудимых Краснодарского трибунала были приговорены к смертной казни через повешение.

Линию обличения виновных в злодеяниях на Кубани из числа самих немецко-фашистских захватчиков продолжил вслед за Кононенко другой видный журналист – Мартын Иванович Мержанов. Он был военным корреспондентом «Правды» и в 1941–1945 гг. находился в частях действующей армии. В статье «Месть народа», напечатанной в «Большевике» 18 июля 1943 г., Мержанов, в буквальном смысле, продублировал возникший в статье Кононенко днем раньше образ «невидимо вставших на скамье подсудимых не пойманных еще немецких злодеев» и, оттолкнувшись от него, обозначил характерные черты некоторых из них [47].

Вообще пропагандистские статьи, которыми ряд советских газет сопроводил материалы Краснодарского процесса, помещались в традиционной рубрике «Из зала суда». В отличие от рассмотренных нами выше текстов Кононенко и Мержанова, эти статьи в меньшей степени детализировали вину конкретных подсудимых и, пожалуй, не были столь изощрены в апелляции к эмоциям читателей. Скорее, они ставили своей целью трансляцию как можно более цельного и четкого представления об акте правосудия, свершавшемся в Краснодаре. Среди основных идей в статьях специальных корреспондентов центральных печатных изданий была мысль о том, что помимо сегодняшних ответчиков («немецких холопов и холуев», но при этом «не слепых орудий, а соучастников») на «свободной [пока] скамье подсудимых» непременно должны оказаться «руофы и кристманы».

Вообще Краснодарский процесс над пособниками врага и их казнь следует рассматривать только как верхушку айсберга, предъявленную широкой общественности (в том числе международной) с определенными целями. В том же самом июле 1943 г. по населенным пунктам Краснодарского края прокатилась волна публичных казней коллаборационистов, но никакой огласки в прессе она не получила [48].

Что касается последствий Краснодарского процесса, то можно вести речь о его роли в преодолении нараставшего едва ли не с начала войны «внутреннего диссонанса». Максимум внимания, отведенного освещению темы коллаборационизма (на примере подсудимых на Краснодарском процессе), позволял теперь минимизировать ее в публичном дискурсе (где она и так возникала редко и бессистемно), чтобы далее и более не вносить сомнения в умы, не отвлекать население от решения текущих задач. В этом смысле показательно, что в публикациях «Большевика» в оставшуюся часть 1943 г. (а это более 5

месяцев) пособничество на территории региона практически не упоминается. Единственное исключение – обнародование имен предателей, работавших на немцев в г. Новороссийске [49]. Впрочем, факты пособничества, имевшие место за пределами региона, на выделенном хронологическом отрезке упоминаются в «Большевике» тоже лишь однажды. Это происходит, когда в декабре 1943 г. публикуются материалы Харьковского судебного процесса, обвиняемым на котором, наряду с нацистами, проходил шофер «Зондеркоманды СД» М. Буланов [50].

В целом публикации «Большевика» на протяжении второй половины 1943 г. продолжают линию освещения фактов преступной деятельности оккупантов, и пропагандистская направленность таких материалов очевидна. Как подчеркивается в одном из опубликованных в газете актов по расследованию злодеяний, «…цифры говорят за себя и вразумляют каждого иметь правильный взгляд на изуверов фашистов» [51]. Между прочим, при составлении подобных актов районными комиссиями Краснодара во второй половине 1943 г. – 1944 г. нередко использовалась формула «как было доказано на Краснодарском процессе от 18 июля 1943 г.», что позволяло возложить ответственность за документируемые преступления на прогремевших на суде начальника Краснодарского гестапо Кристмана, врача Герца и др. [52].

В то же время очевидно, что помимо внутриполитических задач, которые советское государство решало с помощью печатных СМИ, существовали еще задачи внешнеполитические. И последние могли доминировать, как это произошло, по нашему мнению, в случае с освещением проблематики преступлений немецко-фашистских захватчиков на территории Советского Союза на протяжении переломного во многих отношениях 1943 г. Судя по результатам проведенного контент-анализа, именно ориентация на привлечение внимания международной общественности к проблеме совершенных, продолжающихся и даже усиливающихся в свете приближающегося финала войны злодеяний немецко-фашистских «палачей» во многом определяла динамику и характер публикаций на данную тему в советской прессе.

Библиографические ссылки

1. Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941–1956 гг. М., 2017; Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975; Степаненко С.Г. Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками как акт реализации норм международного гуманитарного права (на материалах Краснодарских судебных процессов 1943–1974 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 161–165.

2. Асташкин Д.Ю. Советский Нюрнберг. Как судили нацистских преступников в СССР // Родина. 2015. № 12. С. 94–98.

3. Voisen V. “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukho: rencontre entre dénonciation officielle et hommage personnel // Pozner V., Laurent N. Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique. Paris: Nouveau Monde éditions, 2012.

4. Bourtman I. “Blood for blood, Death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. № 2. P. 246–265.

5. Тажидинова И.Г. Материалы советской прессы как исторический источник о подготовке Краснодарского процесса 1943 г. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 124–134; Тажидинова И.Г. Краснодарские процессы 1962–1963 гг.: медиатизация в контексте внешней политики СССР // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности: сб. ст. Междунар. науч.-просвет. Конф. (31 Адлерские чтения), 26–30 мая 2017 г. Краснодар, 2017. С. 333–340; Tazhidinova I.G. Mediatization of the Topic of Human Victims of the Occupation in the Soviet Newspaper Periodicals of 1943 (on the Example of Photographic Materials) (Медиатизация темы человеческих жертв оккупации в советской газетной периодике 1943 года (на примере фотоматериалов)) // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2018. № 5(1). P. 26—1.

6. Большевик. 1943. № 12. С. 2.

7. Большевик. 1943. № 24. С. 2.

8. Большевик. 1943. № 15. С. 2; 27 января 1943. № 22. С. 1.

9. Большевик. 1943. № 37. С. 2; 1943. № 40. С 1–2; 1943. № 48. С. 1–2.

10. Большевик. 1943. № 49. С. 2.

11. Основная масса арестов была проведена в феврале–апреле 1943 г. Так, 29 апреля по результатам доклада прокурора края П.Я. Апенина и представителей военной прокуратуры П.И. Селезнев [первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(Б)] записал следующие цифры: «Арестованных 13 315, закончено 4 500. К 1 июня следствие закончат. 3 000 осужденных уже есть (542 ВМН). Наряд на вывоз 1 000 осужденных есть. Остаток в трибуналах 1 712 дел. Работает 16 сессий трибуналов – надо увеличить» (Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы: в 3 кн. Краснодар, 2000. Кн. 2. С. 420).

12. Большевик. 1943. № 38. С. 1; 1943. № 44. С. 1; 1943. № 48. С. 1.

13. Большевик. 1943. № 61. С. 1.

14. Большевик. 1943. № 65. С. 1.

15. Большевик. 1943. № 65. С. 1–2; 1943. № 70. С. 1–2.

16. Большевик. 1943. № 70. С. 2.

17. Большевик. 1943. № 70. С. 1.

18. Созданная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г., «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК), имела широкие полномочия. См. об этом: Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 26–27.

19. Большевик. 1943. № 77. С. 1.

20. И. Буртман подчеркивает, что некоторые ученые (Манфред Мессершмидт и др.) склонны трактовать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» как контрмеру немецкому объявлению об открытии могил польских офицеров в Катыни. (Bourtman I. “Blood for blood, Death for death”… P. 248, 259).

21. Большевик. 1943. № 83. С. 2; 1943. № 86. С. 1; 1943. № 87. С. 1.
22. Большевик. 1943. № 83. С. 2; 1943. № 86. С. 1; 1943. № 87. С. 1; 1943. № 91. С. 1; 1943. № 92. С. 1.
23. Большевик. 1943. № 86. С. 1; 1943. № 92. С. 1.
24. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С. 468.
25. Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, была организована 29 апреля 1943 г.; для проведения работы на местах создавались районные комиссии, подчинявшиеся ей. Краевая комиссия находилась в непосредственном подчинении у Чрезвычайной государственной комиссии, ее работа контролировалась крайкомом ВКП(б), крайисполкомом. См. об этом: Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 10. Л. 18–24.
26. Большевик. 1943. № 101. С. 1–2.
27. Большевик. 1943. № 133. С. 1.
28. Большевик. 1943. № 138. С. 2.
29. Большевик. 1943. № 145. С. 1.
30. ГАКК. Ф. Р897. Оп. 1. Д. 31. Брошюра «Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации». Краснодар, 1943.
31. Известия. 1943. № 60. С. 3.
32. Известия. 1943. № 80. С. 2.
33. Известия. 1943. № 164. С. 3.
34. Известия. 1943. № 165. С. 2; 1943. № 166. С. 2; 1943. № 167. С. 3.
35. Красная звезда. 1943. № 165. С. 2; 1943. № 166. С. 3; 1943. № 167. С. 3.
36. Большевик. 1943. № 70. С. 2.
37. Большевик. 1943. № 101. С. 2.
38. Большевик. 1943. № 81. С. 2; 1943. № 114. С. 2.
39. Большевик. 1943. № 165. С. 2; 1943. № 180. С. 2; 1943. № 184. С. 2.
40. Большевик. 1943. № 187. С. 2.
41. Известия. 1943. № 211. С. 2.
42. Известия. 1943. № 216. С. 3.
43. Известия. 1943. № 229. С. 2; 1943. № 231. С. 2.
44. Известия. 1943. № 296. С. 3; 1943. № 297. С. 3.
45. Большевик. 1943. № 148. С. 1.
46. Большевик. 1943. № 148. С. 1.
47. Большевик. 1943. № 149. С.2.
48. Кубань в годы Великой Отечественной войны… С. 417–418, 420–423.
49. Большевик. 1943. № 204. С. 2.
50. Большевик. 1943. № 254. С. 1.
51. Большевик. 1943. № 161. С. 2.
52. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 189, 199.

КУБАНСКАЯ АДВОКАТУРА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1917–1920-е гг.

Т.В. Ратушняк

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Kuban State University
350040, Krasnodar, Stavropolskaya str., 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

В статье анализируются деятельность кубанских адвокатов в 1917–1920-е гг.

Ключевые слова: адвокатура, революция, Гражданская война, советская власть, Кубань, присяжные поверенные, Кубанское краевое правительство, судебный процесс, адвокаты.

The article analyses the activity of the Kuban advocates in 1917–1920s.

Key words: attorneys, revolution, Civil War, Soviet regime, Kuban, attorneys in law, Kuban regional government, judicial trial, advocates.

В ходе Февральской революции 1917 г. в России было свергнуто самодержавие и власть перешла в руки Временного правительства, в состав которого вошел присяжный поверенный, эсер А.Ф. Керенский (возглавил Министерство юстиции, в июле 1917 г. занял пост премьер-министра). Зародилась надежда на демократизацию российского общества и адвокатуры.

На проходившем 8–9 июля 1917 г. в Петрограде Общероссийском съезде адвокатов был утвержден проект Учреждения об адвокатуре, предусматривающего реформирование существующей системы адвокатуры. Намечалось создание единой самоуправляемой корпорации адвокатов и их помощников: «Для решения вопросов общего для всей российской адвокатуры значения созываются съезды представителей российской присяжной адвокатуры. Съезды делятся на очередные, созываемые не менее одного раза каждые 2 года, и чрезвычайные, созываемые по постановлению совета съездов представителей присяжной адвокатуры» [1]. В основу формирования съезда был положен весьма демократический способ: половину представителей составляли члены региональных советов, половину – рядовые адвокаты. Решения съезда и его совета объявлялись обязательными для всей страны. В проекте Учреждения об адвокатуре предлагалось провести ряд изменений, которые привели бы к улучшению работы адвокатуры в целом, а именно – такса вознаграждений по гражданским делам, текст новой присяги, понятие и гарантии адвокатской тайны и др. Однако ввиду кратковременного существования Временного правительства (власть находилась в его

руках в течение 9 месяцев) данный проект был реализован лишь частично. Временное правительство отменило ограничения по вероисповеданию при приеме в адвокатские корпорации, разрешило заниматься адвокатской практикой женщинам, предоставило подсудимым свободу избрания защитника, допустило к участию в военных судах присяжных поверенных.

Кардинальные изменения в деятельность адвокатуры внес Октябрьский переворот. Главной задачей пришедших к власти большевиков было полное разрушение буржуазно-помещичьего государственного аппарата и строительство нового, социалистического государства. Уничтожалось все буржуазное, в том числе и так называемая «буржуазная» адвокатура, вместе с которой канули в Лету и ее лучшие традиции.

С первых же дней своего существования советская власть приступила к отмене старого царского суда и созданию новой советской судебной системы, призванной обеспечить революционный правопорядок.

Первоначально данный процесс носил стихийный характер. Сформированные на местах Советы пытались самостоятельно обеспечить порядок на вверенной им территории и в связи с этим выступали инициаторами создания новых судебных органов, которые имели разные названия: революционные суды, суды общественной совести, народные суды и т. п. Глава Советского государства В.И. Ленин отмечал, что в этом оригинальном явлении в полной мере проявились черты народного правотворчества: «Революционные массы после 25 октября 1917 г. начали устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-демократического судебного аппарата» [2]. Эти суды действовали на демократических началах – гласное, открытое ведение дел, право присутствовавших в зале суда задавать вопросы подсудимым и свидетелям, выступать в качестве обвинителей и защитников. Большое значение при принятии решения о виновности и определении меры наказания играла личность подсудимого (в данном случае его классовая принадлежность). Судьба обвиняемого решалась путем открытого голосования собравшихся простым большинством голосов.

В ноябре 1917 г. советское правительство приступило к созданию единой судебной системы, отвечающей принципам коммунистической идеологии. Принятый 22 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров Декрет о суде № 1 упразднил старый буржуазно-помещичий суд, а вместе с ним и буржуазную адвокатуру [3]. Декретом были созданы советские суды, которые решали дела, руководствуясь революционной совестью и пролетарским сознанием. В соответствии с данным декретом в роли защитников и обвинителей по уголовным делам или поверенными по гражданским делам могли выступать все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся

гражданскими правами. Таким образом, к адвокатской деятельности были допущены лица, не имеющие юридического образования.

Для борьбы с контрреволюцией, мародерством и саботажем учреждались революционные трибуналы в составе председателя и шести заседателей, избираемых Советами. Ревтрибуналам как инструменту своей защиты власть уделяла гораздо больше внимания, чем судам. 19 декабря 1917 г. Народный комиссариат юстиции (НКЮ) РСФСР утвердил Инструкцию «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [4]. В условиях охватившей Россию Гражданской войны данная Инструкция была первой попыткой воссоздать адвокатуру. В соответствии с ней при революционных трибуналах учреждались коллегии правозаступников, члены которых могли выступать общественными обвинителями и общественными защитниками. В такие коллегии могли вступать любые лица, обладающие политическими правами, желающие оказать помощь революционному правосудию и представившие рекомендации от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Обвиняемый мог сам найти себе защитника. Если же он не имел возможности сделать это самостоятельно, то адвоката ему из числа членов коллегии правозаступников назначал революционный трибунал. Таким образом, Инструкцией о революционном трибунале уже в первые месяцы существования советской власти были введены общественное обвинение и защита.

В годы Гражданской войны стали создаваться революционные военные трибуналы. Теперь в их состав обязательно входил представитель ЧК, что нарушало принцип отделения суда от администрации. Трибуналы могли не выслушивать всех свидетелей и мнение защиты, что нарушало права подсудимого. Они осуществляли самостоятельное правотворчество, наделялись правом назначения расстрела как меры наказания (смертная казнь была отменена 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов, восстановлена 13 июня 1918 г.). В 1922 г., в соответствии с судебной реформой, революционные трибуналы были упразднены [5].

Отсутствие четких организационных форм деятельности органов государственного обвинения и защиты обусловило дальнейший поиск более совершенных способов как поддержания обвинения в суде, так и оказания необходимой юридической помощи обвиняемым на предварительном следствии и подсудимым в суде. Определяющими характеристиками в оценке качества будущего советского адвоката являлись моральный облик защитника, его отношение к историческим переменам, произошедшим в стране, желание честно служить делу развития и укрепления революционной законности. Одной из главных задач был и поиск наиболее

подходящей организационной формы, в которой объединились бы поддержание обвинения и осуществление судебной защиты.

Н.В. Крыленко (советский государственный и партийный деятель, Верховный главнокомандующий российской армии после Октябрьской революции 1917 г., с 1931 по 1936 г. – народный комиссар юстиции РСФСР, с 1936 по 1938 г. – народный комиссар юстиции СССР) писал о том, что идея об организации адвокатуры как коллегии принадлежала В.И. Ленину [6]. Она была реализована в Декрете о суде № 2, текст которого лично редактировал В.И. Ленин [7]. Декрет был утвержден Президиумом ВЦИК 20 февраля 1918 г. Он предписывал создание при Советах коллегий правозаступников, которые избирались и могли быть отозваны этими Советами. На членов коллегий правозаступников возлагались функции как общественного обвинения, так и общественной защиты. Только члены коллегий правозаступников имели право выступать в судах за плату. Плата за осуществление защиты определялась свободным соглашением с клиентом. Таким образом, принцип Декрета № 1 о неограниченном участии любых лиц в обвинении или защите был отменен. На членов коллегий правозаступников также возлагалась обязанность оказывать населению всяческую юридическую помощь и защиту как подачей советов, разъяснений и указаний, так и составлением всякого рода прошений, жалоб и других бумаг не только по судебным, но и по административным делам. Также в судебных прениях могли принимать участие один обвинитель и один защитник из присутствующих в зале лиц.

На местах в состав коллегий правозаступников вошло много дореволюционных адвокатов, часть из которых была настроена контрреволюционно, что заставляло новую власть жестоко расправляться с ними.

Установившаяся на Кубани в 1918 г. советская власть продержалась полгода. Ее отношение к представителям прежних государственных институтов, в том числе и адвокатуры, выражалось в требовании оказания ей содействия и беспрекословного подчинения ее распоряжениям.

В Государственном архиве Краснодарского края есть материалы, рассказывающие о том, как в полугодовой советский период (с марта по август 1918 г.) на Кубани и в Черноморье большевики привлекали на свою сторону бывших служащих царской судебной системы. Например, показания присяжного поверенного Флавиана Даниловича Вайне и городского головы – присяжного поверенного Федора Ивановича Черного (проживали в Ейске) по делу судебных следователей М.Г. Мансурова и С.Г. Барановского, которые захватившими Ейск белогвардейцами обвинялись в сотрудничестве с большевиками [8]. Присяжные поверенные указывали на то, что в городе сложилась такая ситуация, когда отказаться от сотрудничества

с большевиками представителям местной интеллигенции было невозможно, так как это угрожало их жизни. Некто Файерман открыто заявлял, что «в случае нашего отказа от такого сотрудничества к нам будет применена вся сила народного гнева, поэтому местная адвокатура при Советах вынуждена была сделаться правозаступниками» [9]. Постепенно в сотрудничество с большевиками были вовлечены все чиновники и служащие правительственных, общественных и частных учреждений: Ейской железной дороги и порта, почты, телеграфа, городской управы, продовольственной управы, Ейского отделения Государственного банка, служащие других банков, Ейского казначейства, местные мировые судьи. Никто из этих лиц не мог отказаться от кооптации ввиду того, что большевистские власти пригрозили всем обвинением в саботаже и преданием военно-революционному трибуналу, если кто-нибудь из служащих откажется работать.

Зависимость защитников от местных властей усилилась после принятия 30 декабря 1918 г. Положения о народном суде РСФСР [10]. Таким образом, адвокатура была фактически инструментом нового государства, ни о какой самостоятельности не могло быть и речи.

С августа 1918 по март 1920 г. Кубань находилась под властью Кубанской рады и Кубанского краевого правительства.

По мере продвижения Добровольческой армии на территории Кубанского края начали восстанавливаться прежние судебные органы, функционировавшие до большевистского переворота. Советский Декрет о суде № 2 перестал здесь действовать.

Сначала, в связи с исключительными условиями времени (шла борьба с большевиками, необходимо было освободить главный город края – Екатеринодар), принимались немедленные чрезвычайные меры по налаживанию судопроизводства. Так, приказом от 12 июля 1918 г., изданным в хут. Тихорецком, Кубанское краевое правительство в виде временной меры для населенных пунктов, освобожденных от большевиков, создало чрезвычайные военные суды. Они разрешали дела о тяжких преступлениях, по которым налицо имелись несомненные виновники, что не требовало проведения предварительного следствия. Впоследствии, по мере освобождения края от большевиков, эти суды были ликвидированы.

После освобождения Екатеринодара от большевиков (16 августа 1918 г.) в качестве центрального учреждения для административного заведования всем судебным аппаратом в составе Кубанского краевого правительства было организовано Ведомство юстиции. Возобновили свою профессиональную деятельность судебные следователи и присяжные поверенные. Позже, постановлением Кубанского краевого правительства от 7 января 1919 г. в Екатеринодаре был учрежден Совет присяжных поверенных [11].

Определенную роль в реализации принимаемых Кубанским краевым правительством решений, а также в восстановлении разрушенных большевиками институтов власти играли присяжные поверенные. Так, на заседании Совета Кубанского краевого правительства, состоявшегося 16 сентября 1918 г. в г. Екатеринодаре, была создана комиссия для выработки избирательного закона в городах Кубанского края, в состав которой вошли присяжные поверенные П.С. Ширский, Н.Н. Николаев и А.А. Колычев [12].

Постепенно все возвращалось на круги своя. Налаживалась и деятельность судебных учреждений. Приходилось сталкиваться с некоторыми трудностями. На заседании Совета Кубанского краевого правительства 8 ноября 1918 г. член правительства по делам юстиции А.А. Намитоков просил дать Екатеринодарскому окружному суду разрешение пользоваться в конце текущего и в первой половине 1919 г. списками присяжных заседателей, составленными в 1917 г., так как в связи с условиями переживаемого времени составить списки присяжных заседателей было невозможно [13].

Многие адвокаты вошли в состав краевого правительства. Например, членом Кубанского краевого правительства в декабре 1918 г. стал юрисконсульт Екатеринодарского совета профессиональных союзов присяжный поверенный Войтинский [14], а присяжный поверенный Н.С. Дунка в феврале 1919 г. был приглашен на должность особого поверенного по судебным делам, учрежденную при канцелярии правительства [15]. К его обязанностям относилось ведение всех исковых дел, возникающих по всем центральным учреждениям краевого правительства, как по предъявлении исков от имени этих учреждений, так и для ответа по искам, к ним предъявленным. Присяжный поверенный Ф.Д. Мешковский в апреле 1919 г. был назначен управляющим отделом краевого земельного фонда Ведомства земледелия [16], присяжный поверенный Г.Т. Лушкарев в июне 1919 г. – юрисконсультом Ведомства внутренних дел [17], присяжный поверенный Таманов в августе этого же года – помощником юрисконсульта Ведомства юстиции [18], присяжный поверенный Степанов в октябре – младшим редактором кодификационного отдела Ведомства юстиции [19], а присяжный поверенный В.Д. Александров в июле 1919 г. был назначен на должность городского головы Армавира [20]. В январе 1920 г. Кубанское краевое правительство одобрило кандидатуру присяжного поверенного Д.Н. Потемкина на должность члена Совета Ведомства юстиции [21], присяжного поверенного И.М. Семилуцкого – на должность заведующего отделом самоуправления по Ведомству внутренних дел [22], в феврале 1920 г. присяжного поверенного Н.А. Плавтова – на должность юрисконсульта Ведомства юстиции [23].

Интересный случай произошел с членом Кубанской рады адвокатом А.М. Белоусовым. 26 августа 1919 г. он вместе с эсером В.Э. Серым пришел в редакцию газеты «Утро Юга» и потребовал назвать имя автора статьи «А.М. Белоусов». В ней говорилось о финансовых махинациях Белоусова. Ему ответили, что имя автора фельетона могут открыть только по требованию судебных властей. Тогда Белоусов поинтересовался, кто автор стихотворного фельетона «Предвыборная агитация» и кого автор подразумевал под «темным пятном» в стане партии эсеров. Автор фельетона «доктор Фрикен» (псевдоним С.Я. Маршака) ответил: «Писал я, имел в виду вас». В ответ на это Белоусов ударил «доктора Фрикена». Находившиеся в редакции журналисты попытались его остановить, но Белоусов выхватил браунинг и стал в них стрелять. Ранил одного из журналистов и случайно попал в В.Э. Серого. Решил покончить с собой, но револьвер дал осечку. Прибывший пристав рады под конвоем доставил Белоусова в помещение Законодательной рады. Данное происшествие освещалось газетой «Вольная Кубань» в статье «Покушение на убийство членов редколлегии “Утра Юга”» [24]. Это единственная статья, в которой раскрывается подлинная фамилия «доктора Фрикена» – С.Я. Маршак [25].

Это был не единственный случай, где фигурировало имя адвоката Белоусова как, скажем, отрицательного персонажа. О недоверии к нему части кубанского общества сообщалось в газете «Свободный казак» [26]. 18 ноября 1918 г. станичный сбор ст-цы Баталпашинской в количестве 70 человек обсудил политическую деятельность члена краевой рады адвоката А.М. Белоусова, отец которого имеет дом с надворными постройками в указанной станице и фруктовый сад, конфискованный приговором станичного схода в распоряжение общества. С первых же дней государственного переворота (имеется в виду Октябрьский переворот 1917 г.) Белоусов «повел весьма чистую и тонкую политику, которая в начале была почти незаметной для обывателей, но с течением времени таковая стала ясной». Она была направлена на разрушение казачества со всем его укладом, с его самобытностью. По его замыслам казачество как таковое должно быть предано полному уничтожению. В первые дни переворота Белоусов в Баталпашинском отделе и в самой ст-це Баталпашинской играл роль своего рода князька. Он чуть ли не ежедневно собирал митинги, стараясь доказать, что казачества не должно быть. Указывал на то, что на казаков тратится много денег, в частности на казачьи кинжалы, что пока существует казачество, будет наблюдаться антагонизм между ним и иногородними. Станичники заявили на сборе, что считают Белоусова «одним из первых виновников общественной разрухи». Они выразили свое недоумение в отношении того, что с созывом Чрезвычайной Кубанской краевой рады «этот самый Белоусов, которому нет места на Кубани», оказался в ее

составе. «Обидно и больно до глубины души слушать, что люди низкие до цинизма могут всеми правдами и неправдами пролазить на верхи управления. Хорошо зная с этой стороны Белоусова, мы не считаем его быть достойным представителем казачьих интересов и вообще интересов населения Кубанского края, считаем своим долгом довести об этом до сведения Кубанской краевой рады», – заявляли казаки станицы. Их обращение в раду сопровождалось подписями всех присутствовавших на станичном сборе [27].

Находясь у власти, присяжные поверенные пытались использовать свой статус в непосредственной профессиональной деятельности. Так, на заседании Кубанского краевого правительства временно управляющий Ведомством финансов присяжный поверенный Райхлин ходатайствовал об отмене конфискации мануфактуры его доверительницы Евдокии Диденко, задержанной за незаконный вывоз за пределы Кубанского края. Однако это ходатайство не было удовлетворено [28].

Из протоколов заседаний Кубанского краевого правительства следует, что нередко члены правительства по Ведомству юстиции выступали с докладами по имущественным делам, имеющим отношение к военным должностным лицам. Так, 4 ноября 1919 г. на заседании краевого правительства был представлен доклад по делу генерал-майора Василия Саввича Скакуна (участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Георгиевский кавалер, в 1914 г. возглавлял Собственный Его Императорского Величества Конвой; как дворянин имел во владении земли вблизи ст-цы Атаманской, где провел последние годы жизни). Рассматривалась кассационная жалоба поверенного полковника Сергея Васильевича Скакуна (сына генерал-майора Василия Саввича Скакуна) на определение Екатеринодарского окружного суда по административному отделению. Отставной полковник С.В. Скакун подал в Екатеринодарский окружный суд прошение, в котором ходатайствовал об освидетельствовании состояния умственных способностей его отца В.С. Скакуна на предмет учреждения опеки над ним и его имуществом. Свое ходатайство он мотивировал тем, что его отец страдает старческим слабоумием, а окружающие отца люди вводят его в невыгодные для него и вредные для семьи сделки. Было представлено свидетельство общественного врача ст-цы Уманской Никитина, удостоверяющего, что генерал-майор В.С. Скакун страдает старческим слабоумием. Поверенный В.С. Скакуна, присяжный поверенный Боговский в поданном в суд прошении заявил, что его доверитель имеет большие земельные участки, из которых 400 десятин собственных и 2500 десятин арендованных у войска и отданных с табуном лошадей и рогатым скотом в управление своему сыну полковнику Сергею Скакуну, и что генерал-майор Скакун находится в здравом уме, в подтверждение чего просил допросить свидетелей, указанных им в прошении. В день

судебного заседания в суд явились жалобщик полковник С.В. Скакун и сам генерал-майор В.С. Скакун, который на все предложенные ему судом вопросы дал точные и вполне определенные ответы. Врачи-эксперты освидетельствовали генерал-майора В.С. Скакуна, дали заключение, что последний обладает умственными способностями в степени, соответствующей его возрасту (82 года), явных болезненных изменений психики не обнаруживает, может управлять своим имуществом и в учреждении опеки над личностью и имуществом не нуждается. На означенное определение окружного суда поверенный С.В. Скакуна, присяжный поверенный Райхлин принес жалобу, в которой объясняет, что определение суда считает не правильным по следующим соображениям: окружной суд не стал анализировать фактический материал, подтверждающий ссылку его доверителя на неспособность своего отца управлять крупным имением, что можно было бы установить путем допроса свидетелей, а также получением через сведущих людей информации о состоянии его хозяйства, о том, кто фактически управляет имением. Суд же вместо этого ограничился экспертизой врачей. Однако из протокола экспертизы не видно, на основании какого фактического материала врачи пришли к такому выводу. Наоборот, тот недостаточный материал, который имеется в деле, в связи с глухотой и слепотой освидетельствованного указывает на невозможность управлять хозяйством, вести какие бы то ни было заметки, выдавать квитанции, расписки, проверять счета и т. д. На основании изложенного присяжный поверенный Райхлин просит решение окружного суда отменить и передать дело для нового рассмотрения в новом составе суда, с допросом свидетелей, указанных им в кассационной жалобе. Они должны будут установить слабоумие отца его доверителя, а равно факты расхищения имущества. В поданном на жалобу возражении поверенный В.С. Скакуна, присяжный поверенный Боговский просит определение окружного суда по этому делу утвердить. Рассмотрев ходатайство присяжного поверенного Райхлина Совет правительства постановил кассационную жалобу поверенного полковника С.В. Скакуна, присяжного поверенного Райхлина, оставить без последствий [29].

Большую известность на Кубани в период пребывания у власти Кубанского краевого правительства получило дело известного общественного деятеля и врача, хирурга, доктора медицины Исая Яковлевича Мееровича по обвинению его в сотрудничестве с большевиками, процесс проходил в Екатеринодаре в феврале 1919 г. Материал о нем был опубликован в газете «Вольная Кубань» (печатный орган Кубанского краевого правительства) [30]. Процесс продолжался 5 дней – с 12 по 16 февраля. Зал судебного заседания был переполнен публикой. Председательствовал в суде генерал В.Я. Лукан. Военные судьи: полковник Ефременко, полковник Пономарев, полковник Курбатов и подъесаул Беляевский. Обвинитель – помощник

военного прокурора прапорщик Слизский. Защитники – присяжный поверенный А.Б. Шварц, помощник присяжного поверенного М.И. Хейфец и вызванный из Ростова присяжный поверенный И.И. Шик. На скамье подсудимых – 64-летний статский советник И.Я. Меерович, увешанный орденами с мечами Владимира 4-й степени и св. Анны 2-й степени, полученными во время турецкой, японской и европейской компаний.

И.Я. Мееровичу было предъявлено обвинение в том, что 1 марта 1919 г., после занятия Екатеринодара большевиками, он, будучи избран на большевистском митинге членом комитета общественной безопасности, переименованном в тот же день в военно-революционный комитет, добровольно принял эту должность и состоял на ней до середины марта 1918 г., когда комитет был реформирован. В соответствии с возложенными на него обязанностями от имени ВРК И.Я. Меерович выдавал разного рода документы (на право выезда, на освобождение от ареста и реквизиций и др.), подписывая их или за председателя, или за товарища председателя. Своей деятельностью он способствовал укреплению советской власти в Кубанской области. На предварительном следствии по этому делу выяснилось, что И.Я. Меерович до прихода большевиков в Екатеринодар, после расформирования ВРК и вплоть до прихода Добровольческой армии выделялся как приверженец социалистического строя, сочувствующий большевикам. На собраниях Городской думы, членом которой он являлся, произносил соответствующие большевистскому настроению речи. Участвовал в кружечном сборе в пользу красноармейцев. Сам жертвовал деньги на усиление Красной Армии. Содействовал сбору контрибуций, которыми были обложены екатеринодарские «буржуи». Пользовался доверием и уважением в большевистских правящих кругах. Был даже делегирован от большевиков к генералу Деникину для переговоров о заключении мира, когда Добровольческая армия начала теснить красных.

На судебный процесс вызвали более 80 свидетелей. Среди них было много известных местных деятелей (И.Н. Дицман, Ф.А. Щербина). Защита выставила целый ряд свидетелей, которые в своих показаниях утверждали, что доктор Меерович «не причастен к большевизму» и вообще хороший человек. В своей обвинительной речи помощник прокурора сразу же отметил, что свидетели защиты по существу ничего не говорят, они представляют материал, не относящийся к делу – «хороший хирург, хороший гимназист» и т.д. Однако, отмечает обвинитель, служба Мееровича у большевиков безусловно доказана: «Попал он к большевикам не под влиянием штыков и не силой, он служил там добровольно и требует самого сурового наказания, ибо для смягчающих обстоятельств нет никаких данных». После объявления председателем суда открытия прений

первым выступил присяжный поверенный И.И. Шик. Он произнес пространную речь, разбирая показания ряда свидетелей, сделал вывод о том, что «все это дело есть отзвуки политического налета, отразившегося в мировоззрении подсудимого», многие показания сводятся к слухам, не имеющим под собой фактических данных. Защитник, делая жест в сторону подсудимого, заявил, что благодаря создавшимся политическим условиям, «мы видим этого старика на скамье подсудимых, ибо в стане разбойников невольно подчиниться, так как опоры никакой не было». «Меерович, – отмечает защитник, – относится к людям, которые никогда к моменту не приспособляются. Все его прошлое, – заканчивает Шик свою речь, – говорит за смягчение. Я надеюсь, господа судьи, что он (указывает на Мееровича) выйдет отсюда свободным».

После присяжного поверенного И.И. Шика выступал помощник присяжного поверенного М.И. Хейфец. Обвинение и показания свидетелей защитник свел к «семи смертным грехам». Указал на то, что три четвертых речи представителя обвинения было отведено характеристике подсудимого, так как фактической стороны обвинения нет. Останавливаясь на речи подсудимого в Городской думе, Хейфец отметил, что если бы Меерович позволил бы себе сказать слова: «Вас Правительство обманывает», то присутствующий здесь же председатель Правительства Л.Л. Быч это опротестовал бы. Защитник подчеркнул, что все обвинения подсудимого основаны на личных обидах некоторых свидетелей. Отвергая участие Мееровича в кружечном сборе, в сборе контрибуций, он также обратил внимание суда на то, что тот почет, которым якобы пользовался подсудимый у большевиков, выразился только в предоставлении ему автомобиля как «средства скорости для доставления подсудимого в комитет». Выражение почтительности Мееровичу при его входе в тот же комитет (некоторые вставали) было сделано может случайно со стороны присутствующей в комитете местной интеллигенции, но не со стороны большевиков, у которых вообще не было никакой дисциплины, тем более почтительности к кому бы то не было. Хейфец закончил свою речь сравнением простоты подсудимого с простотой Магомета и указанием на то, что все названные грехи И.Я. Мееровича призрачны.

Последний защитник, присяжный поверенный А.Б. Шварц свою речь начал с указания на то, что И.Я. Меерович уже второй раз занимает скамью подсудимых не по своей вине, а потому, что он собственную мораль ставит выше закона. Доктор Меерович – это прообраз доктора Гааза (Ф.П. Гааз, 1780–1853 – московский врач немецкого происхождения, благотворитель, известный под именем «святой доктор», главный врач московских тюрем; в 2011 г. римско-католическая церковь начала процесс канонизации доктора Гааза), который при нападении на него преступников говорит: «Я доктор Гааз», и те, почтительно расступившись, пропускают Гааза и

провожают его до квартиры. «И Меерович у нас тоже маленький Гааз». Далее защитник отметил, что показания свидетеля Давыденко на предварительном следствии о выборе Мееровича членом ВРК явились комом снега, из-за которого возник процесс, так как на суде Давыденко уже показал, что или он следователя, или следователь его не понял, ибо он об избрании Мееровича следователю не думал говорить. «Таким образом, – выводит господин Шварц, – брошенная фраза Давыденко есть фундамент обвинения и этот фундамент разрушен». Шварц закончил свое выступление словами: «Когда мы ждем права среди анархии, мести места нет! У нас есть право, есть закон, а не человек, который нам не нравится. Так сотворите же право и закон, укрепите нас в правопорядке. От Вас, господа судьи, иного я не жду!»

На основании п. «А» ст. 3 и 4 приказа краевого правительства от 12 июля 1918 г. за № 10 И.Я. Мееровичу был вынесен приговор: по лишении всех прав состояния сослать на каторжные работы на 4 года, с последствиями по 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 28 ст. «Уложения о наказаниях». Защита просила ввиду строгого приговора взять Мееровича на поруки под залог, который может быть доведен до 100 тыс. р. Но суд, посовещавшись, принял решение «взять под охрану тотчас же». В газете «Утро Юга» сообщалось, что приговор поразил всех своей неожиданной суровостью [31].

18 февраля в Краевом окружном суде слушалось дело служащего «Бельгийского трамвая» Богдана Курило, обвинявшегося в участии в боях с корниловцами. Защищал обвиняемого присяжный поверенный Б.П. Вальберг. Вынесенный судом приговор – 4 года каторжных работ [32].

На Кубань, которую большевикам пришлось на некоторое время оставить, бежали все, не приемлющие советскую власть, в том числе и адвокаты. Прибывших необходимо было пристроить на новом месте, дать работу. 17 января 1920 г. на заседании Кубанского краевого правительства временно исполняющий обязанности члена правительства по Ведомству юстиции А.А. Федоров ознакомил присутствующих с проектом приказа о назначении присяжного поверенного округа Московской судебной палаты А.Н. Вознесенского участковым мировым судьей Ейского судебно-мирового округа. Было принято решение одобрить для представления войсковому атаману назначение А.Н. Вознесенского на указанную должность [33]. 23 января слушали проект приказа о назначении бывшего помощника присяжного поверенного округа Новочеркасской судебной палаты, ныне делопроизводителя податного инспектора Майкопского отдела Л.М. Кареева участковым мировым судьей Майкопского судебно-мирового округа [34].

Краевое правительство уделяло внимание материальному положению присяжных поверенных. Так, на заседании правительства 10 июля 1919 г. исполняющий обязанности члена правительства по

делам юстиции П.И. Курганский доложил о проекте закона об увеличении ввиду дороговизны размера суточных денег, выдаваемых присяжным поверенным. Члены правительства постановили на основании ст. 57 Временного положения об управлении Кубанским краем определить для присяжных поверенных суточные деньги за каждый день отлучки из места жительства в размере 8 р., если они проживают на расстоянии не далее 10 верст от места заседания суда, и по 10 р., если они проживают на более далеком расстоянии [35]. И в дальнейшем данный вопрос неоднократно значился в повестке дня. В феврале 1920 г. на заседании краевого правительства член правительства по Ведомству юстиции П.М. Сулятицкий выступил с докладом по законопроекту об увеличении размера суточных и путевых денег, выдаваемых присяжным поверенным. Собравшиеся постановили принять данный закон [36].

На заседании краевого правительства 14 июля 1919 г. было рассмотрено ходатайство, поступившее в Ведомство финансов от управляющего Екатеринодарской казенной палатой. Он просил выдать денежное вознаграждение в поощрение ревностного исполнения служебного долга служащим Кавказского казначейства, среди которых были и присяжные поверенные Галыгин, Иваненко, Паляничка и Куценко. До занятия хут. Романовского Добровольческой армией около двух месяцев они беспрерывно исполняли свои служебные обязанности, находясь под обстрелом большевиков и подвергаясь ежеминутной опасности. При этом каждому из них приходилось работать за нескольких человек. Было принято решение на основании ст. 57 Временного положения об управлении Кубанским краем ассигновать в распоряжение Екатеринодарской казенной палаты кредит в сумме 4 170 р. Присяжные поверенные Галыгин, Иваненко, Паляничка и Куценко получили по 310 р. каждый [37].

После возвращения в марте 1920 г. большевиков некоторые адвокаты покинули Кубань вместе с отступающими частями Добровольческой армии и отступили в Крым. Кто-то из адвокатов погиб в годы Гражданской войны, умер от болезней. Некоторым удалось эмигрировать. Старая кубанская адвокатура фактически, была уничтожена.

Библиографические ссылки

1. Смирнов В.Н. Адвокатура Пермского края. XVII–XXI вв. Пермь, 2014. С. 136.

2. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 197.

3. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 124–126.

4. Инструкция революционному трибуналу. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний. URL: http://istmat.info/node/28274.

5. Павлов Д.Б. «Трибунальный» этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 125–142.

6. Крыленко Н.В. Ленин о суде и уголовной практике. М., 1934. С. 68.
7. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 466–474.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р.-8. Оп. 1. Д. 532. Л. 14, 16, 21–30, 35.
9. Там же. Л. 60.
10. Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. URL: http://constitutions.ru/?p=6707.
11. Вольная Кубань. 1919 г. № 12. 14 янв.
12. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920 // Сборник документов: в 4 т. / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 1. С. 181–182.
13. Там же. С. 293–294.
14. Там же. Т. 2. С. 44.
15. Там же. С. 112.
16. Там же. С. 143–144.
17. Там же. С. 295–296.
18. Там же. Т. 3. С. 126.
19. Там же. С. 234.
20. Там же. С. 77.
21. Там же. Т. 4. С. 116.
22. Там же. С. 221.
23. Там же. С. 277.
24. Вольная Кубань. 1919 г. № 189. 28 авг.
25. Куценко И.Я. С.Я. Маршак в Краснодаре. Краснодар, 1997. С. 193.
26. Свободный казак. 1919 г. № 14. 12 июня.
27. Там же.
28. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920 // Сборник документов: в 4 т. / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 3. С. 228.
29. Там же. С. 348–349.
30. Вольная Кубань. 1919 г. № 42. 21 февраля; № 43. 22 февр.
31. Утро Юга. 1919 г. № 40. 19 февр.
32. Там же. 1919 г. № 41. 20 февр.
33. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920 // Сборник документов: в 4 т. / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 4. С. 154–156.
34. Там же. С. 190–194.
35. Там же. Т. 3. С. 34.
36. Там же. Т. 4. С. 256.
37. Там же. Т. 3. С. 66.

К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И Д.А. ТОЛСТОЙ – СТОЛПЫ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

К.К. Ищенко

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Kuban State University
350040, Krasnodar, Stavropolskaya str., 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

В статье анализируются общественно-политические взгляды российских консерваторов XIX в. К.П. Победоносцева и Д.А. Толстого.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, Д.А. Толстой, консерватизм, обер-прокурор, Синод, общественно-политические взгляды.

The article analyses political and social views of the Russian conservatives of the 19th century K.P. Pobedonostsev and D.A. Tolstoy.

Key words: K.P. Pobedonostsev, D.A. Tolstoy, conservatism, chief procurator, Synod, political and social views.

К.П. Победоносцев и Д.А. Толстой – важные, ключевые личности в отечественной истории. Занимая позицию упорной защиты неограниченного самодержавия, отрицая любые попытки либерализации правительственной политики, данные политические деятели стали «столпами русского консерватизма» [1]. В современной России консерватизм может рассматриваться как фактор стабилизации общества, стремления к сохранению тех основ и ценностей, которые могли бы способствовать «обеспечению его устойчивости» [2]. Те люди, в чьих устах консервативные идеи обрели ярко выраженный характер, заслуживают определенного внимания, ведь именно благодаря им мы можем найти ту фундаментальную основу, которая скрепляет общество и определяет эволюционный характер его развития. Таковыми являются российские консерваторы XIX в. Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев.

Целью предлагаемой статьи является анализ общественно-политических взглядов К.П. Победоносцева и Д.А. Толстого.

Константин Петрович Победоносцев родился 21 мая 1827 г. в семье, тесно связанной с духовным сословием. Согласно суждению историка Р. Бирнса, «духовность оказала сильное влияние на формирование охранительных взглядов будущего обер-прокурора» [3]. Семья Победоносцевых отличалась религиозностью и крепкими традициями. Отец Константина Петровича формировал у детей патриархальные нравы, веру в справедливость и постоянство социально-политических порядков. Прививая моральные ценности, любовь к учению и хороший вкус, отец будущего обер-прокурора,

стремился воспитать своих детей в духе патриотизма, доказать, что «и под хладным небом Севера родятся умы пылкие, озаренные лучами просвещения» [4], воспевая при этом успехи русских литераторов, избегая иностранных оборотов речи.

Важную роль на ранних этапах жизни К.П. Победоносцева играла церковь. По мнению А.Ю. Полунова, она вместе с работой «придавала осмысленность жизни, служила источником глубоких духовных переживаний» [5]. Патриархальные порядки в сочетании с глубоким патриотизмом формировали особенности среды, духовную атмосферу, повлиявшую на становление взглядов К.П. Победоносцева. Тяготение к охранительной идеологии во многом определил тот традиционно патриархальный уклад, который присутствовал в родительской семье.

Жизненный путь Константина Петровича очень интересен. В 1846 г. он окончил Императорское училище правоведения, затем служил в петербургских, а с 1853 г. в московских департаментах правительствующего Сената. В середине 1850-х гг., занимаясь литературной деятельностью, он привлекает к себе внимание ученых-юристов. В 1859 г. его приглашают в Московский университет на кафедру гражданского права, где он работал до 1865 г. С 1861 г. начинается главный в жизни К.П. Победоносцева этап – его назначают преподавателем законоведения великим князьям – цесаревичу Николаю, Александру (будущему императору Александру III) и Владимиру. С 1865 г. К.П. Победоносцев является членом консультации министерства юстиции, с 1868 г. – сенатором, а с 1 января 1872 г. – членом Государственного совета. В 1875–1879 гг. Константин Петрович состоит членом различных государственных комиссий, а с апреля 1880 г. занимает должность обер-прокурора Святейшего Синода [6].

Говоря об общественно-политических взглядах Константина Петровича, следует отметить, что консервативные тенденции в них стали отчетливо появляться лишь во второй половине 1860-х гг. До этого молодой и воодушевленный выпускник Императорского училища был полон надежд изменить «нетерпимые многие пороки николаевской системы управления» [7] – здесь имеется в виду участие К.П. Победоносцева в разработке судебной реформы 1864 г.

Отказ от преобразований и поворот к консервативным позициям происходит во второй половине 1860-х гг. Преподавание законоведения великому князю Николаю Александровичу явственно показывает разочарование Константина Петровича эффективностью правительственной политики, сомнение в способностях власти решить проблемы. Так, в личном дневнике он пишет: «Толкуют без всякого толку… безумные и мальчишки нами правят – в их руках будущность, благо и честь России» [8]. Негодованием полны и письма Победоносцева, направленные к его друзьям: «Когда бы не работа…

сердце наболело бы без меры – и так уже болит ото всего, что видишь и слышишь… от всеобщего разложения и пустоты»; «вокруг совершается такой процесс разложения, что иной раз страх нападает на душу и хочется сказать: довольно» [9].

Разочарование в последствиях судебной реформы, Польское восстание 1863 г., террор революционно-радикальной группировки, подтолкнули Победоносцева к окончательному переходу на консервативные позиции.

В 1896 г. выходит главное произведение Константина Петровича, в котором он излагает основные религиозно-философские и политические убеждения – «Московский сборник». Цель данной работы была в обосновании и утверждении национально-русских идеалов, обусловленных историей русской духовной жизни, их противопоставлением западным культурным ценностям, которые полностью отвергались Победоносцевым. Эта серия статей призывала к возврату традиций, и такое «возращение» было названо великим делом: «старые учреждения, старые предания, старые обычаи – великое дело» [10]. Примечательно, что «Московский сборник» был неким конспектом лекций, читаемых будущим императорам.

Что касается непосредственно общественно-политических воззрений Константина Петровича, то, на наш взгляд, пристальное внимание следует уделить учению Победоносцева о сущности власти, жертвенности и священности истинной политики. Правильное понимание истоков и коренных начал национальной жизни, по мнению Константина Петровича, служит залогом общественной стабильности. Таким началом является власть, которая понимается как нравственная и объединяющая людей сила. Основу власти Победоносцев видит в поиске людьми правды, которая имеет божественное начало. Иначе говоря, Константину Петровичу присуще религиозное видение сущности власти. Так, согласно его убеждению, власть – «великое и страшное дело, потому что это дело – священное» [11]. Под «священным» понимается самопожертвование и самоотречение во имя службы для Бога. Отсюда следует, что «власть – не для себя существует, но ради Бога», она «есть служение, на которое обречен человек». Дело власти, согласно взглядам Константина Петровича, – «дело самопожертвования» [12].

Поскольку люди не могут существовать без правды, власть не может исчезнуть, так как она выступает ее мерилом. Функцией власти в таком случае является отделение правды от лжи, а добра от зла. По мнению Победоносцева, «в непрерывном служении правде, в осознании своего долга, призвания и ответственности перед людьми и заключается жертвенная природа власти» [13]. В данном тезисе дано не только психологическое и религиозно-нравственное объяснение причин появления власти, но подчеркнута ее неразрывность, единство с народом, который совершает свое служение Богу. Здесь мы видим

двойственность суждения: с одной стороны, народ, находящийся на службе у власти, берет из нее нравственные силы, а с другой – сама власть направляет свои силы, которые ей были вручены свыше, на служение народу. К сожалению, не все понимают, какой ответственностью наделены люди, участвующие в управлении государством. О таких индивидах Победоносцев писал: «Если бы они понимали, что значит быть государственным человеком, они никогда не приняли бы на себя страшного звания: везде оно страшно, а особенно у нас в России. Ведь это значит – не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя в жертву тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сжигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только» [14]. Победоносцев видел силу государственной власти в единстве духовного самосознания народа с правительством, основой такого единения выступала народная вера – «доверие массы народа к правителям основано на вере, то есть не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует» [15].

Огромное значение в судьбе Победоносцева играло воспитание (сначала он сам воспитывался в патриархальной семье, затем он воспитывал цесаревичей в духе «утверждения и охранения самодержавной власти»). Следуя этому, Константин Петрович выделял у власти еще одно значение – воспитательное. Так, государство у обер-прокурора выступает в качестве большой семьи, где только лишь «смирение, жертвенность, отказ от собственного "я" способны создать общественный порядок и гармонию» [16]. Таким образом, власть самодержавного государства понимается Победоносцевым как действующая для всех классовых, групповых и частных интересов равная сила. Однако при этом власть может служить посредником между сословиями в обществе, объединяя их в своем значении, направляет и обустраивает для всех общий дом.

Нельзя обойти стороной и ту мысль Константина Петровича, согласно которой наделяет государственную власть функцией охраны общественных отношений. Так, по его мнению, государственная власть была призвана сделать то, что оказалось невозможным сделать отдельным людям в силу их испорченности – внести упорядоченность в систему общественных отношений и разрешить болезненные нравственные вопросы. Охранность переплетается с силой и стойкостью самодержавной власти тех людей, которые не склонны к лавированию и компромиссам, которые «прямо и сознательно называют белое белым и черное черным» [17].

Государь, по мнению Константина Петровича, должен был лично вникать во весь управленческий процесс, участвовать в государственных делах – «вся тайна русского порядка и преуспевание

– наверху, в лице верховной власти. Ваш труд всех подвигнет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью» [18], контролировать все аспекты государственной политики и отслеживать результаты – «у нас в России все только людьми можно сделать и всякое дело надобно держать, не отпуская ни на минуту: как только отпустишь его в той мысли, что оно идет само собой, как дело разоряется и люди расходятся и отпускаются» [19].

Отрицательно Победоносцев относился к процедуре выборов, считая их способом воздействия на толпу, игрой на переживаниях и волнениях. По его мнению, в выборах может победить не всегда профессиональный политик. Это может быть человек с выдающимся красноречием, который в итоге заручается поддержкой массы избирателей за красивые предвыборные обещания, не всегда соотносимые с реальными возможностями. «История свидетельствует, что существенные плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, что с расширением выборного начала происходило понижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей; что расширение это в больших государствах или вводилось с тайными целями сосредоточения власти, или само собою приводило к диктатуре» [20].

Чтобы не допустить концентрации власти в плохих руках, не допустить установления той самой диктатуры, нужно было разработать механизм сдерживания властных компетенций. Но Победоносцев рассматривал самодержавие не как привилегию, а как тяжкий подвиг и служение, поэтому выступал за полную свободу власти, без всяких ее ограничений.

Возникает вопрос: как же не допустить деспотизма в отсутствии сдерживающих рычагов? Константин Петрович дает свое объяснение данной ситуации: Россия – особая страна с особым путем развития, поэтому ограничителем в данной ситуации должно быть не народное представительство, а религиозно-нравственные нормы. К тому же Победоносцев не признавал конституцию, считая, что именно в ней коренится начало погибели власти государя и утрата божественной сущности. В своих письмах к Александру III он призывает к осторожности и противодействию льстивым людям, которые своими речами убаюкивают монархов, говоря им приятные вещи и уверяя в необходимости введения конституции на западный манер: «Это ложь, и не дай Боже истинному русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться» [21].

Опору власти Победоносцев видел в доверенном царском советнике, который бы находился постоянно при царе и пользовался неограниченным расположением. Такой человек ни в коем случае не должен был быть «льстецом» и «угодливым царедворцем». Давая

наставления великому князю Сергею Александровичу, он предостерегал от злоупотреблений и издержек чрезмерного доверия: «Берегитесь, если вам кажется удобнее и приятнее с людьми льстивыми, которые Вам потакают, подчиняются, исполняют Ваши желания, подделываются под ваши вкусы, стремятся веселить вас и веселиться с Вами» [22]. В роли доверенного царского советника обер-прокурор представлял себя, искренне полагаясь на свое происхождение, воспитание и религиозность. Бывший московский профессор видел свою миссию в том, чтобы стать связующей ниточкой между властью и «простым народом». Так, в своих письмах к царю и друзьям он писал: «Я старовер и русский человек. Я вижу ясно путь и истину… Мое призвание – обличать ложь и сумасшествие» [23]; «Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует» [24].

Победоносцев обосновывал свое право на место доверенного советника тем, что считал себя человеком бескорыстным, отдаленным от общественных верхов, непричастным к их интересам. По сути, обер-прокурор таким и являлся. Отсутствие честолюбия и тщеславия можно наблюдать в письмах к Александру III, которые были написаны без угодливости, сдержанным, а иногда и резким тоном, в духе наставления или обличения. Многие историки на основании подобных умозаключений обвиняли Победоносцева в лицемерии и властолюбии, использовании высоких слов ради корыстных целей. Однако, если обратиться к общественной мысли 1980-х гг., можно увидеть, что разные слои общества (чиновники различных рангов, рядовые обыватели и др.) воспринимали Константина Петровича так же, как он сам воспринимал себя: «Вы искренний человек и вы у власти» [25]; «Вы известны России из ее сановников, как коренной русский, шедший прямым путем учености и упорного труда» [26]; «Говорят, Государь любит Вас, и Вы можете приносить ему величайшую пользу, открывая ему глаза и говоря правду» [27]. Сенатор Е.М. Феоктистов, служивший около тридцати лет под началом обер-прокурора, писал про него: «Я не сомневаюсь, что, стоя близко к государю, он желал добросовестно исполнить свой долг, не пользовался своим положением для личных целей, что намерения его были самые благие» [28].

Для Победоносцева либералы, конструирующие модель развития России по западному образцу, были более опасными врагами, чем революционеры. Он 14 декабря 1879 г. писал наследнику Александру Александровичу: «Повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не принимает» [29].

Упорно стоя на охранительных позициях, защищая русскую самобытность, Константин Петрович сумел привить народу консервативную идею, объединяющую все общество. Это идея была подкреплена нравственным доверием народа, его верой в правительство. Отстаивая тезис о самобытности исторического пути России, Победоносцев выделяет самодержавие как единственную форму государственного устройства. В единении царя и народа он видит устойчивость и стабильность политической системы. Да, есть вероятность того, что власть окажется в некомпетентных руках, но первое условие власти есть вера в себя, т. е. в свое призвание [30]: благо власти, когда эта вера сливается с сознанием долга и нравственной ответственности. Беда – когда она отделяется от этого сознания и без него себя ощущает и в себя верит.

Еще одним ярым поборником консерватизма был граф Д.А. Толстой, на счету которого тоже немалый список государственных должностей: обер-прокурор Святейшего Синода в 1865–1880 гг., министр народного просвещения 1866–1880 гг., министр внутренних дел и шеф жандармов, член Государственного совета.

Толстой, как и Победоносцев, начал строить свою карьеру с ориентирования на либеральный правительственный курс. Однако его идеи о ценности прав и свобод человека ограничивались только согласием с отменой крепостного права, остальные же преобразования периода 1860–1870-х гг. вызывали у будущего министра просвещения опаску и чувство угрозы всему самодержавному строю. Не имея богатых родственников и сильного отцовского плеча (лишился отца в детстве), Дмитрий Андреевич привык с ранних лет добиваться всего самостоятельно. Ключевую роль в воспитании мальчика сыграл его дядя, человек религиозный и широко образованный. Он сумел привить юному Толстому идею важности сохранения традиционных принципов и защиты патриархальных устоев.

Толстой занимался как государственными делами, так и публицистикой. Ему принадлежит около двадцати исторических сочинений, поэтому сомневаться в разносторонности этой личности не приходится. Современники описывали министра народного просвещения так: «Это был человек жесткий, самолюбивый, холодный, весьма дюжинного ума и чрезвычайного упрямства, которое вследствие ничтожества современников Толстого с успехом заменяло в нем твердость характера» [31]. Такие качества, по их мнению, нужны были человеку, приближенному к власти, дабы решить все проблемы и противоречия политического строя России XIX в. Несмотря на то, что многие из них называли графа «бюрократом до мозга костей» [32], ни у кого не оставалось сомнений в преданности Толстого государству. Дмитрия Андреевича (по сравнению с Победоносцевым) нельзя назвать идеологом консерватизма, он больше интересовался

практической стороной, считая способом защиты охранительных устоев проведение преобразований.

Говоря о взглядах Толстого, нужно отметить, что практически все политические явления Дмитрий Андреевич рассматривает в историческом контексте. Он был сторонником того, что историю люди должны просто принять, а не творить. Люди должны следовать путям Провидения, а не пытаться их исправить или направить в другое русло. Россия способна устоять только благодаря исходящим из одного основания силам – церкви и самодержавию. Только в их единстве – залог ее уникальности и долговечности.

Придавая большую роль деятельности государственной власти, Толстой считал, что правительство и администрация, путем координации своих действий продвигают Россию по пути прогресса, а общественная самодеятельность недостаточно подготовлена чтобы брать на себя роль социального регулятора и вести за собой массы. В этом плане он ценил успехи европейских стран, где была выстроена четкая система под властью монарха: «Прежде всего я русский, и пламенно желаю величия России в европейском смысле... Примем же и мы всемирную цивилизацию всецело, и перестанем быть ея обезьянами, ея мишурными подражателями» [33].

Базируясь на понимании самодержавия как оплота российской государственности, Толстой проводит мысль о централизации политики. Он выступает за введение земств в общую систему государственного управления, чтобы они не являлись обособленной частью, противоборствующей правительству, а содействовали общим делам местного хозяйственного управления. Здесь мы видим учение о единстве власти, сущность которого сводилась к приравниванию местных учреждений к центральным, подконтрольным правительству.

Учение о единстве власти рассматривалось графом и с позиций Русской Православной церкви. Церковь приравнивалась к одному из государственных институтов, который должен был отстаивать государственный суверенитет в духовном плане. В отличие от Победоносцева, Толстой не был очень религиозным, не посещал часто храмов, но и не отрицал церковь, и не уменьшал ее роли в жизни людей. Однако к священнослужителям он относился весьма скептически: «Я смотрю на духовенство, не более, не менее как на силу, которая должна находиться в подчинении правительству и которую умное правительство может искусно использовать для своих целей» [34]. Такое отношение стало результатом вышедших за свои прерогативы действий некоторых священников. Дмитрий Андреевич был убежден, что священнослужителям нужно нравственно очиститься, чтобы в дальнейшем выполнять их главную функцию духовных проводников. Пока же церковь не очищена, она должна находиться под контролем государства и играть роль политического института. Чтобы духовное сословие окончательно не занималось

только удовлетворением личных потребностей, нужно было, по мнению Толстого, ликвидировать его замкнутость. Планировалось, что такое мероприятие нравственно оживит саму духовную среду. Ведь в таком случае священнослужителем мог стать любой человек, чувствующий собственное призвание, а не обязанный к этому.

И Д.А. Толстой, и К.П. Победоносцев – одни из самых значимых политических и государственных деятелей в истории нашей страны.

Отстаивая идеалы русского национального самосознания, основой которых является многовековая духовная жизнь русского народа, Константин Петрович и Дмитрий Андреевич по-своему сумели заслужить не только уважение, но и любовь российской общественности, которая признала их политику защищающей национальные интересы.

Большое влияние на формирование мировоззрения двух обер-прокуроров оказали люди, близкие к религиозному миру. Однако кроме охранительной идеологии и консервативной политики, Победоносцева и Толстого, по существу, ничего не связывало.

На Победоносцева большое влияние оказала семья и обстановка, в которой он вырос. Родители привили будущему обер-прокурору веру в справедливость и постоянство социально-политических порядков. Воспитанный в традиционной патриархальной семье, он неуклонно стремился к сохранению существующего строя. Поэтому зачатки консервативных идей у Победоносцева присутствовали еще в самом начале его жизненного пути. По мере развития карьеры идеологическая приверженность к традиционным ценностям только крепла. Большое влияние для Константина Петровича оказало его назначение на должность учителя молодых цесаревичей. Считая себя духовным наставником царя, а значит и всей России, Победоносцев посчитал себя ответственным не только за нравственное состояние всего русского общества, но и за благо всей страны. Начав службу простым статским работником, он поднялся до верхов власти, став вторым лицом после государя. В этом помогли ему не родительские деньги и связи, а личные качества – усердие, трудолюбие и вера в себя, в свои силы.

Упорно придерживаясь охранительной позиции, защищая русскую самобытность, Победоносцев сумел привить народу консервативную идею, объединяющую все общество. Эта идея была подкреплена доверием народа, его верой в правительство. Отстаивая тезис о самобытности исторического пути России, обер-прокурор выделял самодержавие как единственную форму государственного устройства. В единении царя и народа он видел устойчивость и стабильность политической системы. Власть, по мнению Победоносцева, должна в себе объединить воспитательную, жертвенную и охранительную функции. Только такая власть может

считаться достойной и священной, которая стремится к упорядочиванию системы общественных отношений и разрешению болезненно-нравственных вопросов. Она действует как равная сила для всех сословий, объединяя и сближая их. Власть – это не досуг и развлечение, а обязанность и призвание. Обосновывая идею самодержавной власти, Победоносцев видит опору государя в простом народе и ближайших советниках. Царь, имея в своих руках такие полномочия, должен руководствоваться не личными интересами, а запросами всего русского сообщества. Максимально участвуя в принятии государственных решений, он строго следит за выполнением распоряжений и осуществляет контроль за теми, кто их исполняет.

Демократия и парламентаризм ассоциировались у Победоносцева с разрушением устоев и разложением общества. Органы, допускающие участие народовластия, по его мнению, совершенно не подходили для государственного строя Российской империи. Точно так же обер-прокурор относился и к конституции. Она ассоциировалась с угрозой для священной власти царя и была, по его мнению, катализатором народного бунта.

Анализируя общественно-политические взгляды Константина Петровича, можно сделать вывод, что вся политика обер-прокурора была направлена на предотвращение кризиса национальной идеологии, проявляющегося в отказе от традиционных устоев, популяризации либеральных идей и ценностей западного общества, а также всеобщем падении нравов. Дабы не допустить подобных обстоятельств, Победоносцев призывал к сохранению ценностей, на которых выросло все русское общество. Только так: в триединстве царя, народа и веры Россия может существовать долгие столетия. С разрушением этих устоев, по его мнению, начнется крах государственности страны.

К сожалению, имя Константина Петровича Победоносцева не у всех на слуху. А те немногие, кто знают его как политического деятеля, имеют не всегда правильное представление о нем. Будучи защитником традиционных устоев России и ярым поборником почитания идеалов своей страны, он сумел предотвратить кризис самодержавия, возникший на рубеже 1870–1880-х гг.; вновь сделать церковь влиятельным институтом, в котором народ видел своего заступника и утешителя; свыше двух десятилетий сдерживать революционное движение и рвущийся к власти чиновничий аппарат; смог повысить авторитет царской власти и услышать чаяния народа. Находясь на высших государственных постах, К.П. Победоносцев все свои действия направлял на благо русского общества, всей России.

Не менее преданным защитником коренных устоев нашей страны был и Д.А. Толстой. Будучи не теоретиком, а практиком российского консерватизма, он вводил в жизнь России мероприятия, направленные на сохранение российской идентичности. Именно он делом, а не словом подкреплял государственную власть опорой в виде

церкви и правительства, и, ссылаясь на историчность, доказывал их единство. К сожалению, Дмитрий Андреевич не писал о своих мировоззренческих позициях, но его деятельность и проводимые реформы дают возможность исследователям проанализировать их результаты и последствия.

Все, что мы можем сделать для этих великих людей, – это как минимум помнить такими, какие они были на самом деле, без всяких идеологических ярлыков и надуманных характеристик. Оставшееся же наследие Победоносцева и Толстого требует не только сохранности, но и глубокого анализа.

Библиографические ссылки

1. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства двора. СПб, 1992. С. 45.
2. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. М., 2008. С. 83.
3. Бирнс Р. Победоносцев: его жизнь и мысли. СПб., 1968. С. 15.
4. Победоносцев П.В. Новый пантеон отечественной и иностранной словесности: в 4 ч. Ч. 1. М., 1819. С. 226.
5. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 45.
6. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 519.
7. Полунов А.Ю. К. П. Победоносцев… С. 61.
8. Там же. С. 70.
9. К.П. Победоносцев в 1881 г. Письма к Е.Ф. Тютчевой. Кн.1. М., 1995. С. 112.
10. Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 2009. С. 43.
11. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 94.
12. Там же. С. 97.
13. Ермашов Д.В. Политические воззрения К.П. Победоносцева. URL:http://mirznanii.com/a/227094-6/politicheskie-vozzreniya-kp-pobedonostseva-6.
14. Письма Победоносцева к Александру III ... С. 207.
15. Там же. С. 265.
16. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 117.
17. Победоносцев К.П. Московский сборник … С. 426.
18. Там же.
19. Там же. С. 207.
20. Победоносцев К.П. Сочинения ... С. 278.
21. Письма Победоносцева к Александру III … С. 54.
22. Победоносцев К.П. Сочинения... С. 120.
23. К.П. Победоносцев в письмах к друзьям // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 15–24.
24. К.П. Победоносцев и его корреспонденты ... С. 48.
25. Там же. С. 205.
26. Там же. С. 208.
27. Там же. С. 227.
28. Феоктистов Е.М. Победоносцев // К.П. Победоносцев: Pro et contra. СПб., 1996. С. 279.
29. Письма Победоносцева к Александру III ... С. 249.
30. Там же. С. 135.

31. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 189–190.
32. Чичерин Б.Н. Воспоминания. М., 1929. Т. 2. С. 198–199.
33. Толстой Д.А. Речи и статьи. СПб., 1836. С. 49.
34. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы ... С. 173.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1945–1950 гг.)

Е.Е. Николаев

Ульяновский государственный университет
432017 Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42
lokoman86@mail.ru

Ulyanovsk State University
432017 Ulyanovsk, Leo Tolstoy St., 42
lokoman86@mail.ru

В представленной статье раскрываются основные направления деятельности советской экономики по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Автор пытается показать, что восстановление экономики страны проходило тяжело, медленно, базировалось на том, что большинство населения страны было вынуждено отказывать себе в самом необходимом. Анализируются как достижения, так и недостатки в работе государственных, партийных органов, хозяйственных руководителей.

Ключевые слова: экономика, хозяйственный рывок, пятилетний план, хозяйственные структуры административная система, диспропорции, штурмовщина, материальные потери.

In the present article, the main directions of the activities of the Soviet economy to restore the national economy destroyed by the war are revealed. The author tries to show that the recovery of the country's economy was difficult, slow, based on the fact that the majority of the country's population was forced to deny themselves the most necessary. Analyzed both the achievements and shortcomings in the work of state and party bodies, economic leaders.

Key words: economy, economic breakthrough, five-year plan, economic structures, administrative system, disproportions, sturmovshchina, material losses

В последнее время появилось множество публикаций, авторы которых пытаются доказать, что в послевоенное время сталинская экономика совершила небывалый экономический рывок, за считанные годы было полностью восстановлено народное хозяйство СССР, и предлагают взять на вооружение те формы и методы, которые обеспечили стране значительный экономический рост в кратчайшие сроки.

Проблема эта является во многом дискуссионной и требует тщательного изучения. Сразу после окончания Великой Отечественной войны, в августе 1945 г. советское Правительство дало указание Госплану СССР разработать план четвертой пятилетки (на 1946–1950 гг.) [1]. Главной задачей четвертой пятилетки было восстановление районов, опустошенных войной. Однако, председатель Госплана в 1946 г. публично выразил важную концептуальную мысль о том, что восстановление разрушенного войной народного хозяйства – это лишь временная тактическая задача, а концепция развития страны,

ее экономики заключается в том, чтобы «дальше двигаться по пути развития, прерванного нацистской агрессией» [2].

Развитию экономики СССР препятствовала ее чрезмерная централизация. Практически все экономические вопросы решались только в центре, а местные власти, их хозяйственные структуры были строго ограничены в решении любых делах. Практически все материальные и денежные ресурсы распределялись посредством огромного количества всевозможных инстанций. Вся эта деятельность сопровождалась сильной ведомственной разобщенностью, бесхозяйственностью и значительной неразберихой, что в конечном счете приводило к постоянным простоям на производстве, штурмовщине в конце месяца, а особенно квартала, значительным моральным и материальным потерям [3].

Задачи развития экономики страны на послевоенный период были изложены в директивных документах советского правительства уже после того, как произошел коренной перелом в ходе войны. Они заключались в проведении экономической модернизации производства, внедрении передовых достижений науки и техники, а также в создании новых отраслей промышленности [4].

Был принят пятилетний план восстановления и развития экономики СССР на 1946—1950 гг., в котором предусматривалось восстановление советской экономической системы, ее быстрое развитие на базе новых принципов, а в последующем и подъем жизненного уровня населения сел и городов, четко формулировались задачи совершенствования оборонной мощи страны. Согласно принятым планам, промышленность должна была достигнуть довоенного уровня уже в 1948 г., а к концу пятилетки превысить его на 48%. На капитальное строительство выделялось в два раза больше средств, чем за все довоенные пятилетки, вместе взятые. Общий объем капиталовложений составлял 250,3 млрд р. На промышленность выделялось 157,7 млрд, а на сельское хозяйство 19,9 млрд р. План предусматривал и подъем производства предметов широкого потребления, замену карточной системы развернутой государственной торговлей. Предусматривалось снижение цен на все товары, рост заработной платы, большое жилищное и культурно-бытовое строительство, расширение системы здравоохранения, народного образования и т.д. Хотя и без того скудные средства уходили на военно-ядерные разработки. В соответствии с пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства СССР аналогичные планы были приняты и во всех 15 союзных и 20 автономных республиках [5].

В регионах страны, в частности, в Ульяновской области, к моменту окончания войны возникли серьезные трудности, препятствующие экономико-модернизационной работе. Во-первых, область захлестнули разносторонние миграционные потоки, связанные

с демобилизаций значительной части военнослужащих из действующей армии, возвращением огромного числа эвакуированного населения к прежним местам жительства, прибытием значительного числа репатриантов и т.п. Во-вторых, многие коллективы от этого «лихорадило», на ряде предприятий был нарушен привычный трудовой ритм, доходило даже до того, что многие производственные линии работали не в полную силу [6]. В Ульяновской области полный контроль над экономической жизнью был восстановлен, по свидетельству очевидцев и ряда исследователей, только к концу 1947 г. [7].

Важнейшее значение для стабилизации экономического положения в стране в политике советского руководства имела денежная реформа 1947 г. По банковским вкладам в размере до 3 тыс. р. обмен денежных знаков производился один к одному; по вкладам с 3 до 10 тыс. р. было произведено сокращение накоплений на 1/3, а по вкладам в размере более 10 тыс. – на 2/3. По облигациям государственного займа обмен был произведен в соотношении 1:3. Заработная плата, пенсии и стипендии остались неизменными. Реформа привела к принудительному изъятию денег у всех тех, кто в годы войны как законными, так и незаконными способами накопил значительные денежные суммы. Тем, кто хранил деньги вне сберегательных касс, выплатили по курсу один рубль за десять старых. Тому, кто имел крупные средства на счетах в сберегательных кассах, пришлось при обмене раскрывать источники происхождения этих средств [8].

Другим не менее важным мероприятием стала отмена нормированного потребления, т. е. распределения по карточкам. Денежная реформа в значительной степени оказала влияние на производственно-экономическую деятельность каждого гражданина страны в послевоенный период.

Во-первых, реформа сократила огромный разрыв между «твердыми» и «свободными» ценами на колхозном рынке. Если в 1945 г. разница цен на продукты, продаваемые (выделяемые) по карточкам, с ценами, которые были на колхозном рынке, составляла 10 и более раз, то уже в начале-середине 1948 г. эта разница составляла 2,5–3 раза. После отмены карточек цены на потребительские товары стали выше прежних, нормированных, но ниже коммерческих, которые соответствовали реалиям рынка. Хотя цены были достаточно высокими, даже неподъемными для большей части населения, они учитывали ту глубокую нужду, в которой оказалась после войны страна.

Во-вторых, если сравнивать уровень послевоенных и довоенных цен, то разница составляла в среднем 3–3,5 раза, в то время как заработная плата выросла в среднем только наполовину. В Ульяновской области средняя зарплата составляла 450 р., в то время

как буханка хлеба стоила 3-4 р., килограмм мяса – 28–32 р., килограмм сливочного масла – 60 р., десяток яиц – 10 р., шерстяной костюм – 1500 р. (в среднем) [9]. Западные эксперты констатировали тот факт, что денежная и ценовая политика осуществлялись с «исключительной суровостью», и были сильно удивлены, что население страны не решилось на проведение каких-либо протестных акций [10].

Именно оздоровление финансов и потребительского рынка стали теми факторами, которые продвигали экономику страны и ее регионов вперед [11]. Уже в 1948 г. в Ульяновской области индекс промышленного производства превзошел показатели 1940 г. [12]. Следует отметить, что в Ульяновской и соседних областях рост был менее значительным, чем, например, в освобожденных от фашистов западных областях РСФСР. Ю.А. Приходько этот феномен объясняет тем, что на восстановленных фабриках и заводах размещалось новое оборудование, в первую очередь перевозимое в счет репараций из Германии. В то же время на предприятиях, размещенных в тыловых районах, в частности в Поволжье, только происходил переход от военной продукции к продукции мирного назначения, так как эвакуированные предприятия остались там, куда их перенесли во время войны [13].

Во многом успешному восстановлению разрушенных предприятий и созданию новых способствовало массовое использование труда военнопленных – немцев и японцев в российских регионах [14]. Стоит также сказать и об использовании на предприятиях Ульяновской области и других регионов труда заключенных. Об этом активно пишет в своих трудах исследователь Е.А. Бурдин [15].

Мы считаем, что решающим фактором преобразования экономического потенциала в российских областях, следствием проводимой в стране экономической политики стало увеличение числа инвестиций в экономику, в первую очередь в промышленность. В целом по стране в 1946–1950 гг. их общее количество превысило показатели второй пятилетки [16].

В целом по стране в 1946 г. были достигнуты показатели работы электроэнергетики уровня 1940 г., в 1947 г. – восстановлены довоенные показатели производства угля, в 1949 г. – производства чугуна и нефти, а в 1948 г. – машиностроения. К 1950 г. основные показатели четвертого пятилетнего плана в промышленности были не только достигнуты, но и превышены [17], что подтверждали и зарубежные исследователи [18].

Мы видим несколько основных недостатков в реализации послевоенной экономической политики советского руководства.

Во-первых, упор на развитие тяжелой промышленности в ущерб развитию промышленности потребительских товаров и сельского хозяйства [19]. В целом по стране 88% капиталовложений

направлялись на финансирование тяжелой промышленности, и только 12 % – на финансирование других отраслей (легкой и пищевой) [20].

Во-вторых, руководители страны и областей уделили главное внимание развитию металлургии и машиностроения, в то время как химическая промышленность и нефтехимия были оставлены без должного внимания. В топливно-энергетическом балансе большая доля отводилась углю, а не нефти и газу, что шло вразрез с тенденциями мирового экономического развития [21].

В-третьих, в то время как отрасли тяжелой промышленности развивались опережающими темпами и к концу 1950-х гг. удвоили свои показатели по сравнению с 1940 г., легкая промышленность так и не достигла контрольных цифр 1940 г. [22]. Даже развитие транспорта, железных дорог, речного и морского судоходства шло гораздо медленнее развития крупной промышленности, отставая и от показателей, зафиксированных в плане, и от реальных потребностей экономики [23].

Что получилось в итоге? Страна работала с огромным напряжением сил, а наличные ресурсы потребительских товаров увеличивались крайне медленно, их было явно недостаточно для удовлетворения нужд населения.

Ошибки высшего руководства страны проявились и в строительстве объектов соцкультбыта, а также жилья. На строительство новых и восстановление старых школ и больниц средства выделялись в последнюю очередь, сначала восстанавливались фабрики и заводы. Жилье практически не строилось, за исключением крупных городов, хотя гражданам, которые желали построить себе дом, выделялись кредиты и лесоматериалы [24].

Но необходимо учитывать факт, что такая огромная разница в капиталовложениях объясняется стратегической важностью первоочередного восстановления тяжёлой промышленности, поскольку она является «локомотивом» всех остальных отраслей.

Довоенная аграрная политика руководства страны продолжилась с небольшими коррективами и после войны. Начало проведения скорректированной аграрной политики было положено постановлением ЦК ВКП(б) и советского правительства в сентябре 1946 г. В нем разоблачались «нездоровые тенденции», «разлагающие колхозы» и содержались призывы с ними бороться. В постановлении, в частности, говорилось о таком явлении, как стремление «некоторых колхозников» расширить незаконно свои наделы. Рекомендовалось для борьбы с этим применять Указ президиума Верховного Совета СССР 1939 г. «О борьбе с частнособственническими устремлениями крестьян». Одновременно правительство решило создать видимость развития «сельской демократии», призывая соблюдать положения «Примерного Устава сельскохозяйственной артели» с его

формальными гарантиями демократии и автономии в сельскохозяйственных кооперативах [25].

Правительство в своей деятельности в аграрном секторе опиралось на производственные и организационные структуры, действовавшие со времен коллективизации, однако необходимо было срочно внести коррективы в аграрную политику советского руководства. Основные направления аграрной политики в сельском хозяйстве были сформулированы в феврале 1947 г. на Пленуме ЦК ВКП(б): принят план развития сельского хозяйства, детализированы производственные задания [26]. Перед руководителями союзных республик, автономных образований, областей и районов была поставлена задача восстановить довоенный уровень валового производства в аграрном секторе административными методами. Было приказано любой ценой добиться довоенного уровня сбора зерна в течение трех лет путем выполнения заданий пятилетнего плана. Предписывалось в 1950 г. собрать 127 млн т при достижении средней урожайности в 12 центнеров с гектара. Снова были подтверждены ранее апробированные направления работы, заключавшиеся в увеличении посевных площадей. «улучшении» руководства сельским хозяйством, ликвидации «нарушений Устава сельскохозяйственной артели», усовершенствовании организации труда колхозников, а также работы МТС [27].

Развитие сельского хозяйства в послевоенный период значительно отставало от развития промышленности и других сфер экономики. Капиталовложений в сельское хозяйства практически не было, так как они не превышали 7 % общих ассигнований в экономику страны [28]. Государственная помощь выражалась в поставках техники, что составляло 95 %, хотя следует сказать, что рост тяжелой промышленности сказался на увеличении производства сельскохозяйственной техники. Производство тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники к 1950 г. достигло довоенного уровня и в областях, включая Ульяновскую, довоенный технический парк в колхозах и совхозах был восстановлен [29].

Однако проведенные в более поздний период исследования показали, что поставки сельскохозяйственных машин не могли устранить всех проблем, связанных с производительностью труда в аграрном секторе экономики, так как не решались вопросы комплексной модернизации всей производственной базы аграрного сектора, а также совершенствования организации труда. С помощью машин выполнялись лишь операции по вспашке полей, севу и уборке зерновых. Все остальное делалось вручную [30].

Мелиоративные работы практически не проводились, в ряде районов страны были лишь восстановлены довоенные мелиоративные

сооружения, средства на их реконструкцию и модернизацию не выделялись [31].

Удобрения также практически не использовались, за исключением выращивания технических культур [32].

Новые векторы в развитии сельского хозяйства страны были заложены в 1947 г. В феврале 1947 г. Пленум ЦК ВКП(б) рассмотрел вопрос «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». По сравнению с решениями 1946 г. политика приобрела некоторые новые черты. Главные пути подъема были определены: обеспечение села тракторами, другими сельскохозяйственными машинами, обеспечение колхозов и совхозов удобрениями, повышение общей культуры земледелия. Обращалось внимание на необходимость улучшения руководства агрокомплексом. Велись работы по электрификации села. Однако ничего не говорилось об увеличении материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов [33].

Деревни в большинстве своем не были электрифицированы. По состоянию на конец 1948 г. было электрифицировано около 12,5% всех сел и деревень. Источником выработки электроэнергии были небольшие местные электростанции, работающие на допотопном, часто отслужившем свой срок оборудовании, которое потребляло очень много топлива, а его содержание было разорительным для агропредприятий [34]. Государство, повышая планы заготовки продукции, забирало у колхозов и совхозов больше половины производимой ими продукции, более того, колхозы осуществляли натуральные выплаты в фонды МТС, отчисляли различные налоги, средств для внутреннего развития практически не оставалось [35]. Грабительской оставалась и ценовая политика. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию оставались на уровне 1928 г., тогда как цены на промышленную продукцию увеличились в 20 раз [36].

Однако следует помнить о том, что во время войны фашистами было разрушено 700 тысяч сёл и деревень. Принимая во внимание огромный ущерб, нанесённый стране, мы понимаем, почему восстановление сельского хозяйства шло медленными темпами.

Таким образом, административно-командные методы восстановления советской экономики, конечно же, дали результаты. Вся работа государственных органов, партийных организаций была ориентирована на внедрение в сознание населения идеи энтузиазма и самопожертвования, что и произвело определенный положительный эффект.

Библиографические ссылки

1. Приходько Ю.А. Восстановление индустрии, 1942–1950. М., 1973. С. 161.

2. Вознесенский Н.А. По пути прогресса // Большевик. 1946. № 6. С. 73.

3. Волобуев О. В. Приоритеты советского государства // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 112.
4. Директивы ЦК КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: в 4 т. М., 1958. Т. 2, С. 765–802.
5. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней: в 2 кн. М., 1995.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 12. Л. 56.
7. Пянкевич В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 40-х – середина 50-х гг. XX в.). СПб., 2001. С. 113–114.
8. О денежной реформе 1947 г. // Правда. 15 дек. 1947 г.
9. Правда. 1947. 15 дек.; Труд в СССР… С. 138; Вестник статистики. 1977. № 11. С. 89; Малафеев А.Н. Заработная плата и цены в СССР... С. 257–258.
10. Werth A. L'Unione Sovietica nel dopoguerra. 1945–1948. P. 311.
11. Промышленность СССР. С 105, 141, 153, 171, 277.
12. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 34. Д. 67. Л. 45–46.
13. Приходько Ю.А. Указ соч. С. 163–164, 177–178.
14. Антипенко Н.А. От капитуляции Германии до Потсдама. Из записок начальника тыла фронта. Вопросы истории. 1966. № 9. С. 114.
15. Бурдин Е.А. Волжская Атлантида. Ульяновск, 2003. С. 78.
16. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. М., 1965. С. 580–581.
17. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: субъектив. заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 113.
18. Nove A. Soviet Economy: An introduction. New York; Washington, 1969. P. 946.
19. Боффа Д. История Советского Союза: в 2 т, Т. 1. С. 344–346.
20. Развитие экономики СССР в послевоенный период. М., 1976. С. 85.
21. Там же. С. 150–154, 183–185.
22. Там же. С. 222, 227, 239, 261; Приходько Ю.А. Указ. соч. С. 170.
23. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / под. ред. И. А. Гладкова. М., 1965. С. 261, 405–407.
24. Директивы ЦК КПСС и Советского правительства. Т. 2. С. 843–845; Правда. 1951 г. 4 марта; Советское крестьянство. Краткий очерк истории, 1917–1970. М., 1973, С. 427.
25. КПСС в резолюциях… Т. 6. С. 173–179.
26. Доклад А.А. Андреева «О развитии сельского хозяйства» // Правда. 1947. 7 марта; КПСС в резолюциях… Т. 6. С. 210–260.
27. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1999. С. 90.
28. Развитие социалистической экономики СССР. С. 255–257.
29. Промышленность СССР. М., 1972, С. 32
30. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 44, 283.
31. Там же. С. 170–171.
32. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917–1970 гг.) / под. ред. В. П. Данилова, М. П. Кима, Н. В. Тропкина. М., 1973. С. 402–403.
33. URL: http://alpan365.ru/biblioteka/istoriya-rossii-s-drevnejshix/glava-38/.
34. Волков И.М. Указ соч. С.52–55.
35. Там же. С. 170–178.
36. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР: в 5 т. М., 1962., Т. 6, С. 423.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИЗРАИЛЯ В АФЕРЕ «ИРАН–КОНТРАС» 1985 г.

Д.М. Заманапулов

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Kuban State University
350040, Krasnodar, Stavropolskaya str.,149
dissovet.fismo@kubsu.ru

В статье описывается роль Израиля в реализации поставок оружия Ирану в рамках аферы «Иран–контрас». После краткого изложения истории военно–технического сотрудничества между Израилем и Ираном автор переходит к описанию обстановки на Ближнем Востоке, сложившейся после победы Исламской революции в Иране. Далее дается попытка выявить механизм развития взаимоотношений Ирана и Израиля в период ирано–иракской войны и процесс поставки американского оружия в Иран через Израиль. Дается краткое биографическое описание главных действующих лиц.

Ключевые слова: оружие, Израиль, тайная дипломатия, США, Иран, спецслужбы, война, заложники.

The article describes the role of Israel in the sale of arms supplies to Iran in the framework of the Iran–Contra scam. After a brief account of the history of military–technical cooperation between Israel and Iran, the author proceeds to describe the situation in the Middle East that took shape after the victory of the Islamic Revolution in Iran. Next, an attempt is made to identify the mechanism for the development of relations between Iran and Israel during the Iran–Iraq war and the process of supplying American weapons to Iran through Israel. A brief biographical description of the main actors is given.

Key words: weapons, Israel, secret diplomacy, USA, Iran, special services, war, hostages.

Скандал «Иран–контрас», который едва не стоил президентского кресла Р. Рейгану в начале 1980-х гг., традиционно считается одним из самых скрытых и окутанных тайной в политической истории США. Отечественная, как и зарубежная историография основной упор при изучении указанной темы делает на латиноамериканский вектор тайной политики администрации. Дается описание событий Сандинистской революции 1962–1979 гг. в Никарагуа, анализируются эволюция политики правительства сандинистов и его ориентация на Кубу и СССР, описываются попытки администрации Р. Рейгана остановить революционный процесс в Центральной Америке дипломатическими и силовыми методами. При этом другая, составная часть операции, которая разыгрывалась на Ближнем и Среднем Востоке, незаслуженно отходит на второй план.

Во многом эта ситуация связана с закрытым характером как израильской, так и иранской внешней и оборонной политики, что не позволяет историкам пролить свет на наиболее важную и самую законспирированную часть взаимоотношений администрации Р. Рейгана с Ираном, которые осуществлялись через представителей (официальных, неофициальных) Израиля. Между тем влияние израильского фактора на развитие аферы «Иран–контрас» сложно переоценить так как именно Израиль прилагал усилия для недопущения военно–политической изоляции Ирана, который вел кровопролитную войну с Ираком.

Израиль был заинтересован в том, чтобы ирано-иракская война продолжалась как можно дольше, это отвечало требованиям обеспечения безопасности страны, поэтому представители Израиля предложили свое посредничество в деле нелегальных поставок оружия Ирану, в обмен на освобождение американских гражданских лиц, захваченных в Ливане шиитской радикальной организацией «Хезболла». В рамках секретных соглашений Пентагон обязывался восполнить Тель–Авиву поставленное Ирану с баз армии обороны Израиля оружие. Вырученные от продажи деньги не учитывались федеральными органами США и перечислялись на открытые в Швейцарии банковские счета. Вашингтон надеялся наработать необходимые связи в среде иранского руководства, которое, как считалось в Совете национальной безопасности (далее – СНБ), отличалось более либеральными взглядами и после смерти стареющего аятоллы Хомейни, смогло бы прийти к власти и изменить внешнеполитический курс Ирана. Тем самым, Вашингтон стремился вернуть Тегеран в свою орбиту.

Необходимо сказать, что указанные контакты проходили в режиме повышенной секретности и не предполагали их огласки представителям комиссии Конгресса США по вооруженным силам и разведке. Это являлось явным нарушением оружейного эмбарго, наложенного Вашингтоном на Иран, и противоречило поправкам Боуленда, которые обязывали руководство разведывательных органов США своевременно сообщать комиссии о значимых разведывательных операциях за границей. Таким образом, мы видим, что администрация Р. Рейгана санкционировала сложную многоходовую операцию, не поставив при этом в известность Конгресс США.

Наряду с другими фактами участие Израиля в секретных контактах с Ираном подтверждает Р. Рейган в своих мемуарах: «Еще в Бетесде (госпиталь, где проходил лечение Р. Рейган. – ***Д.З.***) Р. Макфарлейн (советник по национальной безопасности. – ***Д.З.***) уведомил меня, что с ним тайно связались представители Израиля и передали сообщение от влиятельной политической группы умеренных иранцев. Эти разочарованные члены иранского правительства хотели установить контакт с правительством Соединенных Штатов как

первый шаг на пути к восстановлению официальных отношений между нашими странами, что, по их мнению, произойдет, как только умрет аятолла Хомейни. Роберт возвращался к этому вопросу при наших последующих встречах, говорил, что хочет встретиться с этими иранцами и выяснить, насколько серьезны их намерения, и спрашивал моего согласия на это» [1].

В указанный времени, отношения между Ираном и США находились на историческом минимуме. События Исламской революции в Иране 1978–1979 гг. в корне изменили политический процесс в стране и лишили Вашингтон своего главного геополитического союзника в регионе. До этого положение США в Иране было исключительным, что выражалось в системе двусторонних договоров между странами. Заменив ушедших из страны англичан, Вашингтон способствовал падению режима М. Моссаддыка, в результате чего к власти в Иране вернулся шах М.Р. Пехлеви. Внешняя политика шаха была ориентирована на США и Западные страны. Так, 11 октября 1955 г. Тегеран присоединился к Багдадскому пакту, тем самым выказав поддержку политике США в области безопасности. 5 марта 1953 г. в Анкаре было подписано американо-иранское военное соглашение, которое позволяло США «в случае прямой или косвенной агрессии» шахскому режиму вводить в страну американские войска. США подтверждали готовность продолжить техническое и экономическое содействие Тегерану. При этом срок действия договора не оговаривался [2]. Последний шаг обеспечил доступ американским военным специалистам к делу реорганизации иранских вооруженных сил под стандарты американской армии. В страну вплоть до Исламской революции, стала поступать военная техника из США, которая обслуживалась американскими специалистами. В 1957 г. при деятельной поддержке ЦРУ была создана национальная «Организация безопасности и информации страны» (далее – САВАК). В вопросах безопасности шах также сотрудничал с Израилем [3].

Геополитическая ситуация на Ближнем Востоке, сложившаяся после прихода к власти в Египте Г. Насера, стала дополнительным катализатором укрепления военно-технического сотрудничества между шахским Ираном и Израилем. Необходимость сдерживать панарабские стремления Египта, выражалась в определении Ирана, израильскими руководителями, как ключевой страны в организации военного союза неарабских государств региона, куда также должны были входить Израиль, Турция и Эфиопия [4]. Иран оправдал ожидания и показал себя надежным партнером Тель-Авива в период Шестидневной войны и войны Судного дня. Тогда Тегеран реализовал бесперебойную поставку нефтепродуктов воюющему Израилю, тем самым позволил Тель-Авиву обеспечить военную победу. В свете появления новой угрозы в лице Ирака, где к власти пришел С. Хусейн, Израиль и Иран также продемонстрировали высокую степень

сотрудничества. Иранские и израильские специальные службы поддерживали курдские сепаратистские организации на севере Ирака. Наряду с этим был заключен договор о поставках израильской военной техники в обмен на иранскую нефть, в рамках которого Израиль модернизировал иранские противокорабельные комплексы «Габриэль» [5]. Военно-техническое сотрудничество реализовывалось и по линии военно-воздушных сил, в виде финансирования Ираном израильских разработок перспективных видов военных истребителей [6].

Отдельную обеспокоенность Израиля и Ирана вызывала иракская ядерная программа. В 1976 г. Ирак купил у Франции исследовательский реактор мощностью в 70 МВт, в рамках договора Париж брал на себя обязательство снабдить Ирак 72 кг обогащенного урана, что позволяло в обозримом будущем создать ядерную бомбу. Международный резонанс, вызванный указанной сделкой, заставил Париж отменить поставку урана в Ирак [7], однако это не давало гарантий противникам Багдада, что он не добудет уран самостоятельно или не приобретёт его у другой страны. Нужно сказать, что на сегодняшний день в распоряжении исследователей имеются многочисленные факты, которые свидетельствуют о тайной поддержке Израилем иранской ядерной программы как необходимого противовеса ядерным исследованиям Ирака [8].

Эта сторона ирано-израильских отношений, по понятным причинам, является одной из самых закрытых, однако рассекреченные материалы израильских архивов свидетельствуют, что израильские специалисты из исследовательских центров Димон и Сирак работали в иранских городах Бушир и Исфахан, где они создали основу атомной программы Тегерана. Кроме того, совместная работа по созданию баллистических ракет, способных нести боеголовки грузом в 750 кг, позволяет сделать вывод, что Израиль предоставлял помощь в создании средств доставки, которые потенциально могли быть оснащены ядерным боезапасом. Указанная программа, известная как операция «Цветок», являлась одной из шести секретных военных программ заключенных между Ираном и Израилем в 1977 г. прибывшим в Тегеран тогдашним министром обороны Израиля Ш. Пересом. Иран, в свою очередь, обязывался предоставить Израилю нефти на общую сумму в 1 млрд дол. [9]. В дальнейшем курирующий сделку иранский генерал Х. Туфаниян говорил, что израильтяне практически завершили сборку системы наведения ракет и готовились отправить их в Иран, но этому помешали события Исламской революции в Иране.

Несмотря на нефтяной бум, который способствовал активному развитию иранской экономики, «не все результаты этого бурного роста были удачными: в 1975 г. дефицит платежного баланса составил около 1 млрд дол. В таких же масштабах расцвели расточительство и коррупция, страну охватила инфляция» [10]. Социальное неравенство,

бедность, и жестокость службы безопасности САВАК (подготовку которой осуществляли американцы и израильтяне) привели к сплочению консервативных, либеральных и радикальных сил против правления шаха. Дальнейшее развитие событий привело к бегству Пехлеви из страны и приходу к власти радикальных сил, возглавляемых духовным лицом аятоллой Р. Хомейни. Установленная в Иране теократическая форма правления полностью разрушила систему военно-политического и экономического сотрудничества Тегерана с США и Израилем. Последовавшее за этим захват и разгром американского и израильского посольств свидетельствовали о поворотном явлении во внешней политике Ирана. Захват сотрудников американского посольства взбудоражил общественное мнение в США. В создавшихся условиях Вашингтон принял решение ввести экономические санкции и изолировать Иран. Вместе с тем США не были заинтересованы в полном крахе аятоллы Хомейни, так как такой сценарий мог привести к хаосу и развалу государства, чем мог воспользоваться СССР, который на основании договора, заключенного с Ираном в 1921 г., мог вмешаться в ситуацию. Вашингтон путем введения экономических санкций рассчитывал укрепить силы умеренных и оттеснить от власти радикальных сторонников аятоллы Хомейни. Для этого требовалась консолидированная позиция союзников, прежде всего Японии и европейских государств. Вопиющее нарушение дипломатической практики иранскими радикалами не могло игнорироваться, в связи с чем союзники поддержали позицию США. В ответ Иран заключил ряд экономических соглашений со странами социалистического лагеря. Вашингтон эвакуировал из страны все свои представительства, включая технический и административный персонал. Разведывательные возможности США в Иране были крайне скудными, что не давало возможности иметь объективную информацию, отражающую внутренние политические процессы в новых иранских элитах, это и привело к неправильной оценке возможностей иранских умеренных элементов, которые в дальнейшем будут выходить на контакт с Вашингтоном в рамках аферы «Иран–контрас».

Израиль в свою очередь также был вынужден эвакуировать свои дипломатические и экономические представительства из Ирана, однако многолетнее тесное сотрудничество с Ираном в различных сферах, в том числе затрагивающих вопросы безопасности, не могли исчезнуть бесследно. Широкие возможности в Иране имели Моссад (проводил подготовку офицеров САВАК) и военная разведка Израиля АМАН. В указанном контексте примечательна роль дипломата У. Лубрани, представителя Израиля при шахском режиме. У. Лубрани был тесно связан с израильскими специальными службами и в процессе Исламской революции он постарался сохранить и обезопасить имеющуюся в стране агентуру для будущей работы.

К моменту падения шахского режима в Иране оставалось 35 израильтян, представителей дипломатического корпуса, и сотрудников авиакомпании «Эл–Ал», к февралю 1979 г. они были эвакуированы из страны.

20 января 1981 г. в США к власти пришла республиканская администрация во главе с Р. Рейганом. К этому времени американские заложники были освобождены. США гарантировали свое невмешательство в политический процесс в Иране в обмен на освобождение заложников. Анализ источников дает четкое представление о том, что Вашингтон не спешил мириться с потерей Ирана. Так, «весной 1985 г. ЦРУ на основе сообщений, поступивших от его агентуры в Иране, подготовило секретный меморандум, в котором говорилось, что ситуация в этой стране крайне нестабильна, что правящий режим находится на грани краха. В меморандуме содержались рекомендации «не упустить момент», использовать складывающуюся ситуацию для установления контактов с «умеренными» элементами в иранском руководстве, которое якобы готово пойти на это. ЦРУ учитывало, что Иран, вот уже несколько лет, ведущий кровопролитную войну с Ираком, остро нуждается в американском оружии, которым еще с шахского времени была оснащена его армия [11]. Вашингтон искал пути подхода к Тегерану, справедливо полагая, что Ирану необходимы вооружения и запчасти для ведения войны с Ираком. Это был уникальный шанс для изменения политической ситуации в Иране, как раз в этот момент Израиль и предложил свои возможности для решения этого вопроса.

В этой связи Рейган вспоминал: «С нашей точки зрения, восстановление дружеских отношений с этой стратегически важной страной – и вытеснение оттуда советского влияния – было весьма заманчивой перспективой. При шахе мы имели возможность вести наблюдение за действиями его соседа Советского Союза. В наших интересах было, чтобы на смену режиму Хомейни пришло умеренное и дружественно расположенное к Соединенным Штатам правительство. Мы уже давно предпринимали тайные усилия положить конец ирано–иракской войне и тем ослабить напряженность в этом районе, которая была на руку Советам. Мы также пытались предугадать развитие событий в Иране после смерти Хомейни… Я не удивился, узнав, что в иранском правительстве есть умеренные силы, которые хотят положить конец деспотической теократии, навязанной стране Хомейни. Поэтому нас заинтересовало предложение Израиля выступить в качестве посредника и помочь нам установить связь с политическими деятелями, которые имели шанс вскоре оказаться у кормила правления в Иране. Тут был еще один весьма важный момент: по словам израильтян, чтобы доказать нам искренность своих намерений, эти люди обещали добиться освобождения наших семерых заложников… Хорошо, сказал я, мы пошлем в Израиль группу

доверенных лиц для переговоров с теми людьми, которые предложили выступить в качестве посредников» [12].

Но почему именно Израиль сумел найти подход к новому иранскому руководству? Ответ на поставленный вопрос заключается в двойственном подходе политики Хомейни по отношению к Тель-Авиву. С одной стороны, после победы Исламской революции в Иране было захвачено и разграблено израильское посольство. Преследованию подверглись представители национальных и религиозных меньшинств. Из–за обвинений в связях с Израилем был казнен глава еврейской общины в Иране, общая сумма конфискованного у Израиля имущества оценивалась в 1 млрд дол. С другой стороны, во внешней политике Хомейни не стремился окончательно разрывать отношения с Израилем. В пользу этого говорит и позиция, занятая Ираном в ходе Ливанской войны. Тогда Хомейни заблокировал отправку 10 000 иранских солдат в Ливан для ведения борьбы против ЦАХАЛ [13]. Хомейни дал понять, что для него приоритетным направлением во внешней политике является борьба с Ираком. Последнее отвечало интересам национальной безопасности Израиля. Кроме того, обеспечение процесса беспрепятственной эмиграции еврейского населения из Ирана ставило перед Тель-Авивом потребность активного диалога о сотрудничестве с новыми властями Ирана. В рамках указанных потребностей Израиль после мартовского референдума 1979 г. признал легитимность режима Хомейни.

Начало ирано-иракской войны вывело тайное сотрудничество между Тель–Авивом и Тегераном на новый уровень. Необходимость борьбы с укомплектованной современным советским вооружением иракской армией заставила Тегеран, возобновить контакты с израильтянами. Дезорганизованной армии Хомейни требовалось большое количество современного оружия, приобрести которые Тегеран, как и в шахские времена, надеялся в Израиле. Ключевыми лицами, ответственными за участие Израиля в контактах с Ираном, являлись Д. Кимхи, Я. Нимроди, А. Швиммер. На личностях последних следует остановиться подробнее.

Давид Кимхи родился в Швейцарии в 1928 г. в многодетной еврейской семье. С возникновением государства Израиль Д. Кимхи переезжает на Ближний Восток, где надеется сделать карьеру в израильском МИД. Однако способности Кимхи были замечены разведкой Моссад, куда он и поступает на службу в 1953 г. Работа под дипломатическим прикрытием позволила Кимхи до мельчайших подробностей разбираться во внутренних делах Ирана, Ливана, Марокко и Египта. Обладая многими талантами, Кимхе вскоре стал заместителем директора Моссада. В 1980 г. премьер-министр Израиля М. Бегин, назначил Кимхи генеральным директором МИД Израиля. Особенностью положения Д. Кимхи, было то, что он в новой должности продолжал оказывать непосредственное влияние на

специальные операции разведывательных органов страны [14]. Яков Нимроди, другой израильский посредник в тайных контактах с иранцами, родился в 1926 г. в Ираке. Семья Нимроди жила на самой границе с Ираном, что позволило ему наряду с арабским, выучить фарси. За несколько лет до создания государства Израиль Я. Нимроди переезжает в Палестину, где вступает в отряды самообороны еврейских переселенцев «Пальмах», после чего поступает в «ШАЙ» – первый разведывательный орган молодого государства. После реорганизации разведывательных структур, Я. Нимроди продолжает службу в военной разведке Израиля – Аман. В 1956 г. Нимроди «как сотрудника, хорошо знающего фарси, направили на работу в Тегеран, где он выполнял задания двух разведок Амана и Моссада. В это время израильское разведывательное сообщество как раз начало проводить в жизнь свою "периферийную" стратегию: развертывание агентурной деятельности в странах Востока и Запада, включая арабские. Через несколько лет в звании полковника Армии обороны Израиля Нимроди был назначен военным атташе Посольства Израиля в Иране» [15]. В указанной должности Нимроди проработал около 10 лет, и за это время сумел многое сделать. «В частности, он добился многолетнего соглашения с Ираном о продаже ему израильского оружия на сумму 250 млн дол. в год, что было весьма важно для развивающейся израильской военной промышленности и бюджета страны. Он организовывал, как теперь любят говорить, "презентации" этого оружия и стремился, чтобы демонстраторы и инструкторы по его изучению говорили на фарси. По его инициативе сотни иранских офицеров секретно прошли военную подготовку в Израиле. Нимроди также приложил много усилий, чтобы преобразовать иранскую разведку и довести ее уровень до весьма солидного. За годы службы в Иране он установил и наладил множество дружеских и деловых связей в правительстве и бизнесе страны, что позволило ему лично тоже неплохо заработать, в частности, на комиссионных от продажи оружия. Израильское правительство всегда поощряло, поощряет и сегодня посредников, особенно израильтян в продаже его оружия» [16]. После отставки Я. Нимроди некоторое время прожил в Израиле, после чего вернулся в Иран, где уже как частное лицо занимался продажей оружия. В ходе своей новой работы Нимроди знакомится с саудовским миллиардером и торговцем оружием А. Хашогги, который в дальнейшем сыграет важную роль в контактах с Ираном. Плодотворное сотрудничество Хашшоги и Нимроди в Иране было прервано в 1979 г. в ходе Исламской революции, однако Хашшоги и Нимроди оставались близкими друзьями. Адольф Швиммер, третий израильтянин, участвовавший в операциях с Ираном, родился в 1917 г. в США, с детства проявлял интерес к авиации, в период Второй мировой войны, Швиммер служил в ВВС США. В послевоенное время, Швиммер, работавший, в крупных американских компаниях,

оказывает непосредственную поддержку Израилю в первой войне с арабскими государствами. В частности, Швиммер осуществляет нелегальную поставку американского оружия через Чехословакию в Израиль. В результате проведенного расследования по фактам поставок оружия ФБР добивается лишения Швиммера американского гражданства, после чего Швиммер уезжает в Израиль и становится одним из главных лиц израильского авиастроения. Необходимо сказать, что всех троих: Д. Кимхи, Я. Нимроди, А. Швиммера, связывала крепкая дружба с саудовским бизнесменом А. Хашогги, с которым их объединяли многие бизнес-проекты.

Указанные лица принимали непосредственное участие в реализации механизма тайных отношений с Ираном. Но главную роль в первоначальном контакте иранцев с Израилем сыграл А. Хашогги. В апреле 1985 г. Хашогги назначил важную встречу Я. Нимроди и А. Швиммеру в Лондоне. В ходе встречи Хашогги познакомил своих израильских партнеров с Сайрусом Хошеми, человеком, который являлся двоюродным братом спикера парламента Ирана Али Акбара Рафсанджани. По словам Хашогги, Хошеми являлся очень влиятельной политической фигурой в Иране. Хошеми, имел поручение от умеренно настроенных представителей иранской элиты установить контакты со странами Запада, особенно с США. Хошеми познакомил израильтян с Манучером Горбанифаром, бывшим сотрудником САВАК, который проживал в ФРГ, где занимался бизнесом. Хошеми назвал Горбанифара уполномоченным по восстановлению прерванных, шесть лет назад связей с Западом. Вместе с тем Хошеми отмечал, что может способствовать освобождению шести американских заложников, удерживаемых в Ливане шиитскими формированиями.

Через некоторое время С. Хошеми и М. Горбанифар прибыли в Израиль по поддельным паспортам. В результате проведенной Моссадом проверки Хошеми был охарактеризован как «человек несерьезный, не имеющий никакого политического опыта и чутья, желающий заработать на продаже оружия Ирану». В базах данных Моссада имелась информация, что ранее Хошеми предлагал информацию разведывательного характера службам безопасности ряда европейских государств. В ходе проверки Горбанифара было решено, что он может представлять определенную ценность. Не дожидаясь окончательной резолюции Моссада по Горбанифару, МИД Израиля решил принять предложение по поставкам оружия в Иран. Первая поставка оружия состояла из пушек и минометов с боеприпасами к ним, которые израильтяне направили морем в иранский порт Бандар Аббас, Израиль получил 40 млн дол. Второй список, составленный Горбанифаром, состоял из 200 противотанковых управляемых ракет (ПТУР) американского производства TOW. Данный тип вооружения являлся дорогим, а комплектующие к ним ракеты производились в США, поэтому Израиль не мог реализовать его в одиночку. Кроме

того, иранцы, получив это вооружение, могли не заплатить. Видя колебания израильтян Горбанифар, прибыв в Израиль, написал обширный аналитический доклад о политической обстановке в Иране. 2 мая 1985 г. Горбанифар передал его Моссаду. Израильская разведка дала очень высокую оценку докладу, этот факт развеял последние сомнения в значимости Горбанифара. В докладе Горбанифар, разделил иранскую элиту на три «ряда».

1. Представители правых сил в окружении Хомейни опирались на армию, полицию, парламент и на бизнесменов. Горбанифар писал, что они настроены крайне антисоветски, выступают за свободные отношения с Западом.

2. Представители левых сил (президент Ирана – Аль-Хомейни, премьер-министр Мусави) – сторонники жесткой линии во внутренней и внешней политике, поддерживают террор и экспорт исламской революции.

3. Третья группа занимала среднюю позицию и имела прочные позиции в судах, парламенте, в среде фундаменталистов.

В докладе Горбанифар апеллировал десятками фамилий иранских политических деятелей, после чего советовал «поддержать первый ряд, ликвидировать второй и поглотить третий» [17]. Следующий шаг израильтян был связан с привлечением американцев к поставкам оружия Ирану в обмен на освобождение заложников. Выйти на контакт с американцами было поручено Д. Кимхе который и ранее выполнял деликатные поручения подобного рода. Д. Кимхе, связался с советником по национальной безопасности США Р. Макфарлейном и сообщил последнему, что у израильтян есть контакт, который может способствовать освобождению американских заложников. Макфарлейн отправил в Израиль советника по борьбе с терроризмом М. Левина для проверки поступившей информации на месте. Прибыв в страну, Левин встретился с премьер–министром Израиля Ш. Пересом. В ходе встречи Перес сообщил Левину о схеме поставок оружия в Иран в обмен на освобождение заложников. Схема заключалась в следующем: Израиль поставляет ракеты в Иран из своих армейских складов, США возмещают Израилю поставленное оружие из своих запасов, получают часть денег и освобожденных заложников. Также Вашингтон этой сделкой усиливает позиции умеренных групп иранской элиты и возвращает Тегеран в зону своего влияния. Нужно сказать, что Моссад скептически относился к возможности проведения к власти умеренных в Иране. Однако политическое руководство Израиля было заинтересовано в сдерживании Ирака и пошло на подобный сценарий. Перес решил реализовать эту операцию без Моссада и привлечь к ее проведению Д. Кимхи, А. Швиммера, Я. Нимроди.

Сразу после этого решения Кимхи встретился с Макфарлейном и передал последнему план Горбанифара по освобождению

заложников, в числе которых находился резидент ЦРУ в Ливане В. Бакли.

8 августа 1985 г. в Белом доме состоялось заседание Группы планирования по вопросам национальной безопасности, на котором вместе с президентом Рейганом присутствовали вице-президент Д. Буш, госсекретарь Т. Шульц, министр обороны К. Уайнбергер, директор ЦРУ У. Кейси, Р. Макфарлайн и его заместитель Д Пойндекстер. В ходе заседания Макфарлайн рассказал участникам о предложении израильтян. Позиция Шульца и Уайнбергера была отрицательной, Кейси поддержал предложение. Ранее Макфарлейн посвятил директора ЦРУ в детали операции по Ирану. Нужно сказать, что ЦРУ не участвовало в дальнейших сделках, так как это потребовало бы соответствующей директивы президента и уведомления оборонных комитетов Конгресса. Как и в операциях с силами «контрас» в Никарагуа, было решено привлечь к реализации поставок оружия Ирану персонал Совета национальной безопасности (СНБ), так как СНБ не подпадал в разряд разведывательных органов и на него не распространялось ограничительное действие поправок Болланда. «Руководителем операции назначался подполковник О. Норт (тем самым он связывал никарагуанские и иранские нити аферы. **– *Д.З.***). Государственный департамент выдал ему паспорт на имя Уильяма П. Гуда, а заместитель Макфарлейна адмирал Пойндекстер в компьютерной системе СНБ организовал частный межведомственный канал связи с Нортом. 12 сентября 1985 г. Норт связался с Ч. Алленом, сотрудником ЦРУ по борьбе с терроризмом, одним из наиболее информированных людей по Ирану в разведывательном сообществе. Норт знал, что Ирану доверять нельзя, и хотел получить всю имеющуюся информацию» [18]. Вместе с тем Норт обратился в Агентство национальной безопасности (АНБ) и попросил установить ряд лиц в Иране и Ливане. М. Горбанифар входил в число людей, личность которых должно было установить АНБ. Он был первоочередным объектом, за телефонными разговорами, банковскими счетами и телексами которого АНБ установило слежку. Все материалы, добытые в результате слежки, наряду с Нортом направлялись напрямую Кейси, Макфарлейну, Уайнбергеру. В базе данных ЦРУ имелась некоторая информация о личности М. Горбанифара. В поле зрения разведки он попал еще в 1974 г. как лицо, пытающееся продавать информацию об Иране, и некоторое время был информатором ЦРУ. В материалах ЦРУ значилось, что Горбанифар был бывшим сотрудником САВАК и пользовался тремя поддельными паспортами:

1. Португальский паспорт за номером 10596/80 на имя Мануэля Перейра.
2. Греческий паспорт (въезжал по нему в Израиль. **– *Д.З.***) за номером Х-10723 на имя Николаса Кралиса.

3. Иранский паспорт за номером 11652209 на имя Джафара Сузани [19].

В 1981 г. он распространял информацию, что полковник Каддафи нанял отряд убийц, которые должны были убить президента Р. Рейгана. Тогда в результате проведенных оперативных мероприятий и проверок Горбанифара на полиграфе было установлено, что эта информация является ложной. В 1983 г. ЦРУ отказалось от сотрудничества с Горбанифаром, определив его как провокатора. Некоторые сотрудники ЦРУ, узнав, что израильтяне предлагают Горбанифара в качестве главного посредника в операциях с Ираном, были поражены. У них имелась информация, что ему нельзя доверять и что он является провокатором, однако позиция израильтян по этому вопросу была другой. Уровень доверия к израильским коллегам в среде американских разведчиков был высоким, Вашингтон полагал, что если Тель–Авив рекомендует Горбанифара, значит ему следует доверять. «как только мы получили заверения Израиля о надежности их иранских партнеров, я незамедлительно дал свое согласие» [20], писал впоследствии Рейган. О. Норт отправился в Лондон, где встретился с Д. Кимхи.

Со стороны Израиля операцию курировали Д. Кимхи (связь с американцами), Я. Нимроди (финансирование, в банках Лондона и Женевы были открыты специальные счета), А. Швиммер (транспортировка из Израиля в Иран), А. Хашогги (процент со сделок, связь с Горбанифаром). В ходе двух первых поставок в Иран было доставлено 508 ракет на сумму 5 млн дол., также был освобожден заложник Б. Вэйр. В дальнейшем, в Иран были переданы запчасти к зенитным ракетам «MIM–23 Hawk». 18 и 28 февраля 1986 г. из города Эйлат в Иран были переправлены ещё 400 ракет TOW [21]. Таким образом, схема начала работать.

Крах операций по поставкам оружия Ирану случился из–за событий, которые произошли на другом конце света. 5 октября 1986 г. над Никарагуа был сбит военно–транспортный самолет С–123К с грузом военного назначения для «контрас». Выживший пилот, американец Юджин Хасенфус, был задержан правительственными силами и дал показания, что работает на ЦРУ. Вскоре после этого ливанский журнал «Аль Шираа» опубликовал статью, в которой разоблачались сделки по нелегальной поставке вооружений в Иран. Расследование, проведенное на основе этих фактов, привело к грандиозному политическому скандалу, в результате чего последовал ряд громких отставок в администрации Рейгана. Однако самому президенту удалось остаться на посту, работа следственной комиссии основывалась на уцелевших документах и допросах участников, которые пользовались высоким покровительством и в конце концов избежали реального наказания.

Вследствие роли Израиля в секретных контактах администрации Рейгана с Ираном возникает три закономерных вопроса. Первый – являлся ли М. Горбанифар агентом спецслужб Хомейни, и вся его деятельность была спланирована спецслужбами ИРИ для того чтобы, обманув израильтян, выйти на американцев и наладить покупку необходимых иранской армии оружейных систем. Второй – имел ли Израиль информацию об этом и сознательно ввел в заблуждение Вашингтон для выполнения своих геополитических задач по сдерживанию Ирака. И третий вопрос, заключается в том, что Горбанифар действительно действовал от имени умеренных в иранском руководстве и на определенном этапе внутренняя борьба в Иране привела к огласке деталей операций в ливанском журнале с целью дискредитации политических противников. В любом случае мы видим, что участие Израиля в контактах с Ираном было обусловлено множеством причин. Прежде всего это диктовалось потребностями обеспечения безопасности Израиля и сдерживания Ирака. Тель-Авив не мог допустить изоляции Ирана и победы С. Хусейна в войне. Именно поэтому Израиль пошел на контакт с Горбанифаром и убедил представителей Рейгана в том, что ему можно доверять. Американцы в свою очередь были заинтересованы в освобождении заложников и политических изменениях в Иране, в связи с чем ухватились за эту возможность. Являлся ли М. Горбанифар агентом спецслужб Хомейни? Это тема отдельного исследования, но одно понятно уже сейчас, он действительно обладал первоклассной информацией из Тегерана, которую могли ему давать как представители умеренной элиты, так и сотрудники спецслужб Ирана, стремящиеся решить свои задачи.

Библиографические ссылки

1. Рейган Р. «Жизнь по-американски». М.: Издательство «Новости», 1992. С. 500
2. Кораев Т.К. Российская историческая энциклопедия. М., 2015. Т. 1. С. 364–365.
3. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/israel–i–relations–with–iran.
4. Menashri Israel D.: The Enemy of Iran and Islam // Post–revolutionary Politics in Iran: Religion, Society, and Power. – Frank Cass Publishers, 2001. – P. 261–262.
5. URL: https://www.nti.org/learn/countries/iran/delivery–systems/.
6. Uri Bar–Joseph. Forecasting a Hurricane: Israeli and American Estimations of the Khomeini Revolution // Journal of Strategic Studies. 2013. Vol. 36, № 5. P. 718–742.
7. Криворучко А.П., Ращупкин В.Т. Багдадский вождь: взлет и падение… Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне. М., 2008. С. 165.
8. Месамед В. И. Ирано-израильские отношения: от партнерства к конфронтации. 2007. 3 нояб.
9. URL: http://www.k2x2.info/politika/shpiony_terroristy_diversanty/p15.php.
10. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: в 2 кн. М., 2000, С. 538.

11. Вербенко В., Енютина Л., Романов П. и др. Ирангейт: зеркало политики и морали Вашингтона. 1987. С. 31–32.
12. Рейган Р. Указ. соч. С. 501.
13. Trita P. Treacherous alliance: The secret dealings of Israel, Iran, and the United States. Yale University, 2007. P. 102–103.
14. URL: https://jewish.ru/ru/people/society/4980/.
15. Плакс А. Оружие возмездия: секретные операции израильских спецслужб и их противников. Ростов н/Д, 2006. С. 240.
16. Там же. С. 245.
17. Там же. С. 249.
18. Вудворд Б. Признание шефа разведки. М., 1990. С. 387.
19. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB210/12–Ghorbanifar%20Fabricator%207-25-84%20(IC%2000505).pdf.
20. Рейган Р. Указ. соч. С. 502.
21. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). 2–е изд., пер. и доп. М., 2012. С. 374–376.

ИЗУЧЕНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

И.Ф. Макарем

Предложена краткая справка об изучении арабского языка в России со времен Петра Великого до наших дней. Затрагиваются вопросы, связанные с изучением арабского языка в России на современном этапе.

Ключевые слова: история России, арабский язык, Арабский Восток, Россия и Восток, изучение арабского языка.

A brief background on study of the Arabic language in Russia from the time of Peter the Great to the present day is proposed. The issues related to the study of the Arabic language in Russia at the present stage are touched upon.

Key words: history of Russia, Arabic, Arabian East, Russia and the East, learning Arabic.

Середина прошлого столетия была отмечена резким увеличением контактов между Арабским Востоком и Россией. Это объясняется тем, что Советский Союз как великая держава стал на сторону арабов в их справедливой борьбе за независимость. Расширились военные, экономические и культурные отношения между молодыми арабскими государствами и Россией, в результате чего появилась острая необходимость в подготовке профессиональных переводчиков.

В 1960−1970-е гг. со стороны арабских стран и России потребовались усилия арабистов и русистов, которые целенаправленно изучали опыт переводческого сопоставления арабского и русского языков. Со временем обучение русскому языку (для арабов), а также арабскому (для россиян) становилось все более эффективным.

Интерес к арабскому языку в России был и остаётся значительным как в силу её географического положения, так и в связи с проводимой страной внутренней и внешней политикой.

По мнению О.Г. Акининой, традиция изучения арабского языка сложилась в России в начале XIX в. [1]. Борьба с татаро-монголами XIII−XV вв., как отмечает исследователь О.Г. Акинина, вызвала живой интерес к арабскому языку на Руси [2].

Отношение к Османской империи в XVI−XVII вв. сопровождалось повышенным вниманием к вопросам ислама и исламской культуре.

Несмотря на наличие определенных предпосылок для изучения арабского языка и культуры в XVI−XVII вв. на Руси не была создана научная традиция в арабистике. Академик И.Ю. Крачковский подчёркивает отрыв теории от практики и науки от жизни в этот

период: «Такой своеобразный отрыв теории от практики и науки от рядом протекающей жизни затруднил исследование тех преимуществ относительно арабистических материалов, которыми наша страна обладала сравнительно с Западной Европой: научная традиция в арабистике у нас сложилась значительно позднее» [3].

Как отмечают историки, первые попытки регулярного обучения восточным языкам были предприняты в Петровскую эпоху. По распоряжению Петра Великого в 1716 г. в Петербурге был напечатан первый полный перевод Корана – священного послания для мусульман.

В Петровскую эпоху возникло представление, что центры для подготовки востоковедов необходимо создавать в областях с восточным населением. Первым учебным заведением, где в числе других восточных языков преподавался арабский, было Астраханское главное народное училище, основанное в 1788 г.

В период правления Екатерины Великой такая тенденция сохранилась. Императрица обосновывала необходимость преподавания арабского языка вместе с татарским и персидским в школах «тех губерний, которые лежат в стороне татарской, персидской и бухарской».

Эта традиция нашла продолжение и в более поздний период: в начале XIX в. в Казани уже преподавался арабский язык в университете. В целом планомерное преподавание восточных языков в программе высшей школы было введено университетским уставом 1804 г.

Кафедра восточных языков в Московском университете возникла позже, чем в Казани. В 1811 г. А.В. Болдырев (1780−1842) впервые начал планомерное преподавание восточных языков, причем особое внимание уделялось арабскому языку.

В Петербурге регулярное преподавание восточных языков в университете возникло позже, чем в провинции и в Москве (в конце второго десятилетия XIX в.). Однако, по замечанию И.Ю. Крачковского, у Петербурга было в этом отношении особое преимущество − «одновременное создание сильной рукописно-книжной работы и организация рационально поставленной исследовательской работы» [4].

Петербург быстро стал основным центром арабистики. В этом городе образовалась её самостоятельная школа. При этом Петербург сохранил за собой место среди ведущих центров европейского востоковедения.

Необходимо отметить, что в практике преподавания арабского языка имеются два основных направления:

– преподавание начинается с литературного арабского языка в качестве базы для обучения в дальнейшем диалектному языку;

– обучение арабскому языку начинается с диалектного, что объясняется практическими неотложными задачами и не исключает в дальнейшем возможности обучения литературному арабскому языку.

По мнению О.Г. Акининой, в высших учебных заведениях России преподавание арабского языка ведётся в рамках первого из указанных направлений. Она утверждает, что это связано с тем, что арабский изучается как специальный предмет и это предполагает постановку академических задач, решение которых невозможно без знания литературного арабского языка [5]. Мы, безусловно, разделяем точку зрения О.Г. Акининой: иначе студенты должны были бы изучить несколько диалектов, чтобы общаться с арабами из разных арабских стран.

Арабскому языку обучают во многих вузах РФ: МГИМО, РУДН, РГГУ, Военный университет, Институт востоковедения РАН и ИСАА при МГУ, факультет мировой политики МГУ, Академия внешней разведки Службы внешней разведки при Правительстве Российской Федерации, Русская христианская гуманитарная академия. Арабский язык наравне с другими восточными языками традиционно изучают на восточном факультете в Петербургском университете.

На кафедре филологии ИСАА проходят подготовку филологи-востоковеды. Студентам ИСАА преподаётся литературный арабский язык, исходя из описания реально существующего в арабском обществе языка как живого средства современной коммуникации. На кафедре созданы все условия для активизации устной арабской речи. Разговорная речь преподается преподавателями – носителями языка. Студенты ИСАА проходят стажировки, рассчитанные на один или два семестра, в различных арабских странах.

Молодым гражданам на Кубани открылась реальная возможность ознакомиться с культурой и историей стран Востока, а также обучаться восточным языкам, и в первую очередь арабскому, в 1993 г., так как в Институте экономики права и естественных специальностей был создан факультет востоковедения. На этот факультет приглашались самые известные на Кубани преподаватели. Достаточно назвать имена таких специалистов, как Н.И. Кирей, Р.М. Ачагу, Ю.Г. Смертин, Э.Г. Вартаньян. Преподавать арабский язык были приглашены ваш покорный слуга и Е.И. Логвиненко. На кафедре восточного регионоведения ИнЭП преподавался литературный арабский язык, а также спецкурс по изучению диалекта одного из арабских регионов. Вместе с тем студенты-востоковеды проходили стажировку в Сирии, которая была рассчитана на три месяца и более. Такая стажировка давала студентам возможность овладеть устной разговорной речью, закрепить знания и навыки литературного арабского языка, ближе познакомиться с культурой и традициями сирийского народа.

На географическом факультете КубГУ, на кафедре международного туризма и менеджмента, в 2001 г. студенты начали планомерно изучать арабский язык. В те годы они изучали литературный арабский язык, язык делового общения, а также в программу изучения арабского языка входил курс «Страна изучаемого языка». Руководство факультета вместе с департаментом по международным связям КубГУ подписали с Государственным университетом города Халеб в Сирии договор о сотрудничестве. Декан географического факультета М.Ю. Беликов в 2007 г. совершил визит в Сирию, в город Халеб, где и был подписан этот договор. Благодаря подписанию данного договора между КубГУ и Сирийским университетом перед студентами кафедры международного туризма и менеджмента открылась реальная возможность проходить стажировку в Сирии.

Студенты географического факультета дважды проходили стажировку в Сирии в городе Халеб, что давало им возможность совершенствовать свои навыки и знания по арабскому языку, а также изучать туристические маршруты для своих будущих фирм, так как Сирия очень богата историческими памятниками.

Изучение литературного арабского языка дает возможность исследовать бесчисленные источники, раскрывающие всемирно-историческую роль арабов в Средние века.

Изучение современных диалектов арабского языка представляет огромную научно-теоретическую и практическую значимость.

Арабский язык как надэтнический язык имеет культовый характер и является частью языковой ситуации в России.

Изучение арабского языка служит укреплению экономических, торговых, культурных и военных отношений между арабскими странами и Россией.

Полный перечень вузов, специализирующихся на отечественной арабистике, насчитывает более 50 заведений [6].

Библиографические ссылки

1. Акинина О.Г. Арабский язык. Справочное пособие. М., 2004. С.70−71.
2. Там же. С.70.
3. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1958. Т.5. С. 31.
4. Там же. С. 52.
5. Акинина О. Г. Указ. соч. С. 73.
6. Изучение арабского языка в российских вузах. URL: https://jobforarabists.ru.

ХРОНОЛОГИЯ КУБАНСКОЙ ИСТОРИИ

(См. «Голос минувшего». 2018. № 1–2)

1909 г. Основаны хут. Алексеевский (позже преобразован в станицу), хут. Новобекешевский (с 1914 г. станица).

Принят закон об усилении полиции в Кубанской области.

По инициативе Н.А. Ерохина в Екатеринодаре было создано Кубанское фотографическое общество, объединившее фотографов-профессионалов и любителей.

20 февраля — В станице Бриньковской родился Григорий Яковлевич Бахчиванджи – летчик-испытатель, Герой Советского Союза (посмертно). Погиб 27 марта 1943 г.

20 апреля — На должность дирижера симфонического оркестра Кубани приглашен Е.Д. Эспозито, проработавший с оркестром 2,5 года.

26 апреля — В Екатеринодаре выступала известная эстрадная певица А.Д. Вяльцева.

Июнь — В Сочи открыта первая группа курортных учреждений, получившая название «Кавказская Ривьера».

3 августа — В г. Екатеринодаре учреждено акционерное Общество Кавказских химических заводов, объединившее 12 заводов.

6 августа — В сел. Ярошовка Харьковской губернии родился Никита Владимирович Анфимов – ученый-археолог. С 1920 г. жил на Кубани. Обнаружил и описал сотни археологических памятников, в том числе более 150 меотских городищ. Почетный гражданин г. Краснодара. Умер 2 июля 1998 г.

30 августа — Близ станицы Ширванской Майкопского отдела из скважины ударил мощный нефтяной фонтан, вызвавший знаменитый «Майкопский бум».

8 сентября — В г. Екатеринодаре открылась первая на Кавказе женская учительская семинария.

1 октября — Открытие товарной биржи в Екатеринодаре.

В Екатеринодаре открыт Зимний театр – ныне Концертный зал филармонии.

Декабрь — По приглашению руководства Кубанской области в Екатеринодар переезжает Станислав Владимирович Очаповский (1878–1945 гг.) заведовать глазным отделением войсковой больницы, известный профессор-офтальмолог.

2 декабря	Состоялось первое собрание Кубанского фотографического общества.
3 декабря	Вышел первый номер ежедневной газеты «Кубанский край». Первый редактор – А.А. Лукашевич. С перерывом газета выходила до марта 1919 г.
1910 г.	Основаны пос. Архиповский, хут. Грязнушенский (с 1965 г. – с. Изобильное), хут. Кухаривский.
	На Кубани открыл свое отделение один из крупнейших коммерческих банков России – Русско-Азиатский банк.
	Темрюкский отдел переименован в Таманский с управлением в станице Славянской.
	Открытие товарной биржи в Армавире.
	Открытие акционерного общества «Кавказские химические заводы».
	В г. Екатеринодаре воздвигнута церковь Святой Троицы (архитектор И. К. Мальгерб) – памятник архитектуры. Находится под охраной государства.
	В деревне Георгиевке близ посада Туапсе учреждена Иверско-Алексеевская община – женский монастырь.
	Близ станицы Васюринской учрежден монастырь (мужской) в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы.
Январь	В Новороссийск из сибирской ссылки приехал писатель Ф.В. Гладков. Преподавал в городском училище, работал над повестью «Изгои».
15–16 марта	В Екатеринодаре выступал артист Мамонт Дальский.
22 апреля	Распоряжением императора Николая II 1-му Кавказскому полку ККВ присвоено имя генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического.
Май	В Екатеринодаре началось строительство станкостроительного завода «Кубаноль» (впоследствии завод им Г. М. Седина). Вступил в строй 14 августа 1911 г.
2 мая	В станице Ильской родился Георгий Георгиевич Степанов – писатель, автор книг «Закат в крови», «День из жизни писателя» и др.
8 мая	Над Екатеринодаром появилась комета Галлея.
7 июня	В Екатеринодаре освящен главный престол храма во имя Св. Троицы.
21 июня	В Ейске родился Тимофей Тимофеевич Хрюкин – дважды Герой Советского Союза (1939, 1945 гг.), зам. Главнокомандующего Военно-воздушными силами СССР (1946–1947, 1950–1953 гг.). Умер 19 июля 1953 г.

Конец июля	В г. Екатеринодаре началась эпидемия холеры. К октябрю от нее скончалось 283 человека из 537 больных.
8 августа	Распоряжением императора Николая II 1-му Запорожскому полку ККВ присвоено имя императрицы Екатерины Великой.
Сентябрь	В Екатеринодаре судом вынесен приговор 68 анархистам-коммунистам, из которых 7 были приговорены к повешению, остальные – к каторжным работам и иным видам наказания.
15 сентября	В Екатеринодаре выступил с концертом великий русский певец Ф. И. Шаляпин.
20 сентября	Над Екатеринодаром впервые состоялся пробный полет аэроплана, управляемого летчиком А. Габер-Влынским.
30 ноября	В сел. Петропавловском Вятской губернии родился Михаил Николаевич Ложкин, краевед, археолог. С 1936 г. проживал на Кубани. При его активном участии были открыты краеведческие музеи в Отрадненском районе. Умер 4 ноября 1999 г.
11 декабря	В г. Новороссийске родился Евгений Яковлевич Савицкий – маршал авиации, дважды Герой Советского Союза (Указы 11.05.1944 г., 2.06.1945 г.). Отец дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта Светланы Савицкой. Умер в 1990 г.
13 декабря	Открылось движение первой линии железнодорожного сообщения Армавир – Майкоп – Туапсе.
1911 г.	Открытие товарной биржи в Ейске. Утвержден устав Кубанского центрального союза учреждения мелкого кредита. Союз открыл свои действия в 1912 г., ликвидирован в 1920 г. Основаны пос. Кубранский (позже хутор), села Новосевастопольское, Преображенское. Открыта школа живописи в Екатеринодаре. Первым ее директором был П. С. Краснов. Просуществовала до 1920 г. Затем на ее базе были созданы высшие художественные мастерские, с 1922 г. – художественный техникум. В Екатеринодаре открыты 3-я женская гимназия, 2-е реальное училище для детей всех сословий и Кубанское Александровское реальное училище, содержавшееся на средства Кубанского казачьего войска.
1 января	Началось строительство «Нового порта» в Туапсе. Началось строительство нефтепровода Майкоп – Туапсе.

10 января	В Екатеринодаре состоялся концерт выдающегося русского композитора и пианиста А.Н. Скрябина.
3 февраля	В Екатеринодаре выступила знаменитая эстрадная певица Н.В. Плевицкая.
Март	Образовано Кубанское общество садоводов.
	В г. Екатеринодаре создано Кубанское общество садоводов.
20 марта	В Екатеринодаре выступил известный русский певец-тенор А.М. Лабинский.
3 апреля	Пущен в эксплуатацию нефтепровод Хадыженск – Екатеринодар.
24 апреля	В г. Екатеринодаре выступили примадонна Русской оперы Е.И. Милеева, знаменитый скрипач Армандо Цанибони и певец Н. Г. Северский.
7 мая	В Екатеринодаре выступила известная певица А.Д. Вяльцева.
Июнь	Создано «Кубанское общество любителей изучения казачества».
1 июля	Открытие в Екатеринодаре второго реального училища.
	В Екатеринодаре открыто движение трамвая по улице Екатерининской (Мира), Медведовской (Кирова), Гимназической.
10 июля	Открыто железнодорожное сообщение по линии Сосыска – Ейск.
28 августа	Окончено строительство Екатеринодарского нефтеперегонного завода.
Сентябрь	Композитор М.Ф. Гнесин приглашен преподавать в Екатеринодарское музыкальное училище, где проработал два учебных года.
5 октября	На Тамани открыт памятник запорожцам, высадившимся на Кубани в 1792 г. Скульптор Б.В. Эдуардс.
1 ноября	В г. Екатеринодаре открыта школа живописи и рисования.
3 декабря	В Екатеринодаре прошел концерт А.Д. Вяльцевой.
1911–1914 гг.	В станице Воронежской строится Свято-Рождественская церковь (архитектор А.П. Косякин). Памятник архитектуры, находится под охраной государства.
1912 г.	В Анапу, в район Джемете, по приглашению Е.Ю. Кузьминой-Караваевой приезжал погостить и поработать писатель А.Н. Толстой.
	Основаны хутора Новоалексеевский (с 1916 г. станица), Казачий (ныне в Тимашевском районе), селения Воронцово-Дашковское (с 1967 г. вошло в с. Школьное), Новоалексеевское, Новоурупское.

13 января	Распоряжением императора Николая II 1-му Кубанскому полку ККВ присвоено имя генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича.
15 января	В Екатеринодаре с концертом выступил известный композитор и пианист А.Н. Скрябин.
Март – май	В Сочи жил классик эстонской литературы А.Х. Таммсааре, затем до осени он жил в селе Эстосадок. Его жизнь на Кубани нашла отображение в ряде его произведений.
4 марта	В Екатеринодаре выступал певец А.М. Лабинский.
11 марта	В Екатеринодаре состоялся концерт выдающегося тенора Л. В. Собинова.
Июнь	Состоялась двадцатидневная забастовка строителей Армавир-Туапсинской железной дороги.
20 октября	Состоялись выборы в IV Государственную думу. От Кубанской области депутатами стали кадеты К.Л. Бардиж и Н.Н. Николаев.
29 ноября	В Екатеринодаре выступила певица А. Д. Вяльцева.
1913 г.	Оформление одного из крупнейших на Кубани акционерных обществ «Саломас». Открыт Северо-Кавказский коммерческий банк в Армавире. Основаны хут. Братский, с. Гусаровское, хут. Нееленский, с. Новоселовское (позже хутор). Завершено издание двухтомной «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербины. Первый том вышел в 1910 г. Поездку по Черноморскому побережью Кавказа совершает писатель А. С. Серафимович. Валовой сбор зерна в Кубанской области составил 4,1 млн т (средняя урожайность 12,2 ц/га). В станице Верхнебаканской открыло свои действия акционерное общество по производству портландского цемента «Бетон». На Кубани начинает выступать прославленный борец, многократный чемпион мира по французской (греко-римской) борьбе И.М. Поддубный. Умер и похоронен в г. Ейске в 1949 г. В г. Новороссийске учрежден Покровский (мужской) монастырь. В Кубанской области работают 880 школ, в которых обучается 173,1 тыс. детей.

21 февраля	Празднование 300-летия царствования дома Романовых. В Екатеринодаре епископ Иоанн отслужил благодарственный молебен, затем состоялся войсковой круг, парад гарнизона и учащихся учебных заведений.
6 марта	В г. Новороссийске родился Александр Иванович Покрышкин, прославленный боевой летчик, трижды Герой Советского Союза. Свою первую Звезду героя СССР он получил за участие в воздушных боях за Кубань (24.V.1943 г.). Почетный гражданин г. Краснодара. Умер в 1985 г. (о нем см.15.XII.1934 г.).
16 марта	Пущено движение поездов по линии Екатеринодар – станица Медведовская Кубано-Черноморской железной дороги.
4–5 апреля	В Екатеринодаре выступал певец В.П. Дамаев.
7 апреля	Пущен пробный поезд Екатеринодар – Тимашевская Черноморско-Кубанской железной дороги. В сентябре началось временное движение по линии Екатеринодар – Ахтари и Крымская – Кущевская.
10 мая	В Летнем театре Екатеринодара выступала прима-балерина Императорских театров Е.В. Гельцер.
Лето	В Екатеринодаре организована капелла бандуристов под руководством Мыколы Богуславского.
Июль	Открыто телефонное сообщение Новороссийск – Екатеринодар.
24 июля	В Новороссийск поездом прибыл писатель А.С. Серафимович. Отсюда он выехал на юг по побережью, проехав более 1000 км. 18 августа вернулся в Новороссийск.
6 августа	На майкопских нефтяных промыслах проведена забастовка рабочих.
14 сентября	В г. Екатеринодаре состоялся «трезвенный праздник» с многотысячными шествиями по улицам. «Хор трезвенников исполнил трезвеннический гимн».
2–12 октября	На аэроплане «Ньюпор» состоялся перелет известного русского летчика подъесаула Кубанского казачьего войска В.М. Ткачева по маршруту Киев – Екатеринодар.
28–29 октября	В Армавире проведена всеобщая забастовка рабочих пяти маслобойных заводов. Рабочие выдвигали как экономические, так и политические требования.
Ноябрь	В военном суде Екатеринодара начались слушания по делу шайки «Степные дьяволы», долгое время наводившей ужас на жителей Кубани. На скамье подсудимых оказались 62 человека, свидетелей по делу – более 400 человек.

3 ноября	В Екатеринодаре выступил с концертом выдающийся русский композитор, пианист и дирижер С.В. Рахманинов.
13 ноября	В Екатеринодаре состоялся концерт выдающегося певца, «русского Э. Карузо» Д.А. Смирнова.
27 ноября	В Екатеринодаре выступает певица Н.В. Плевицкая.
2 декабря	В Екатеринодаре выступала группа поэтов-футуристов во главе с В.В. Маяковским.
15 декабря	В Екатеринодаре при полицейском управлении открыт адресный стол.
1914 г.	Писатель А.С. Серафимович с сыном Анатолием путешествует по Черноморскому побережью Кавказа. Писатель Ф.В. Гладков переезжает из Новороссийска в станицу Павловскую. В Сочи создано акционерное общество курорта «Кавказская Ривьера», много сделавшее для развития сочинского курорта. – Началось строительство Черноморской железной дороги (Туапсе – Квалони – Новосенаки). В г. Екатеринодаре воздвигнут Екатерининский кафедральный собор (архитектор И.К. Мальгерб). Памятник архитектуры, находится под охраной государства.
1 января	Вышел первый номер еженедельного военно-общественного журнала «Кубанский казачий вестник» – продолжение «Кубанского казачьего листка», выходившего в 1911–1912 гг. Редактор Е.С. Орел. Последние номера вышли в 1917 г.
7 января	Забастовка рабочих завода «Кубаноль» в Екатеринодаре.
15 января	В Екатеринодаре создана футбольная команда «Шторм».
23 марта	Подписан указ императора Николая II о преобразовании села Армавир в город.
2 апреля	В Екатеринодаре выступал популярный поэт К.Д. Бальмонт.
1 мая	Проведены маевки рабочих в Екатеринодаре, Армавире, Майкопе, Новороссийске, Геленджике и других населенных пунктах.
3 июля	В Екатеринодаре выступил симфонический оркестр, которым дирижировал известный композитор Р.М. Глиэр.
19 июля	В первый день мировой войны Кубань провожала на фронт казаков 2-го Полтавского и 2-го Кубанского полков.
8 августа	Над Екатеринодаром произошло полное солнечное затмение, которое продолжалось более трех часов.

4 октября	В Екатеринодаре открыт первый постоянно действующий кинотеатр «Палас».
16 октября	Обстрел Новороссийска турецкими крейсерами.
24 ноября	Екатеринодар проездом на Кавказский фронт посетил император Николай II.
6 декабря	В Екатеринодаре открыто здание крытого цирка на 2 тыс. зрителей.
14 декабря	Открыто трамвайное сообщение Екатеринодар – Пашковская.
1915 г.	Кубанский священник Константин Образцов на боевых позициях 1-го Кавказского полка на русско-турецком фронте написал текст песни «Ты, Кубань, ты – наша Родина», ставший позже гимном Кубанского казачества (1919 г.) и Краснодарского края (1995 г.). Впервые опубликован в «Кубанском казачьем вестнике» № 28 за 1915 г.
	Геленджику присвоен статус города.
15 февраля	Началось постоянное движение поездов по Армавир-Туапсинской железной дороге.
Март	К этому времени Кубанская область направила в действующую армию 33 конных полка, 18 пластунских батальонов, 11 запасных конных сотен, 5 батарей, 6 запасных пеших сотен, 1 гвардейскую сотню, 11 отделений конного запаса – всего 58 543 чел.
21 апреля	В Екатеринодаре выступила известная балерина М.Ф. Кшесинская.
Май	В г. Армавире избирается первая в его истории городская Дума из 33 гласных. 11 июля гласные избрали городского голову почетного гражданина Армавира А.А. Колычева.
21 мая – 2 июня	Наводнение в Екатеринодаре.
23 мая	В Зимнем театре Екатеринодара выступила балерина Е.В. Гельцер.
28 июня	В Новороссийске состоялась первая Северо-Кавказская олимпиада спортсменов.
28 июля	В Петрограде открылась Офицерская школа морской авиации, которая в июле 1931 г. перебазировалась в Ейск. В апреле 1937 г. эта школа была преобразована в военно-морское авиационное училище.
8 сентября	Вышел первый номер общественно-политической газеты Б.М. Городецкого «Кубанская мысль».
Ноябрь	Вышел в свет первый номер легального рабочего журнала «Прикубанские степи», который редактировал М.К. Седин.

1916 г.	Построены железные дороги Екатеринодар – Приморско-Ахтарская, Крымская – Кущевская.
	В Геленджик приезжал известный скульптор С.Д. Эрьзя (Нефедров). Второй раз посетил Геленджик в 1921 г.
	Открыто движение поездов по линии Армавир – Ставрополь.
	По Черноморскому побережью Кавказа путешествует писатель А.С. Серафимович.
	Образование акционерного общества Северо-Кавказской железной дороги с целью проведения новых линий Торговая – Армавир, Армавир – Кардоникская и др.
Январь – апрель	Подъем забастовочной борьбы в Кубанской области и Черноморской губернии.
27 марта	Состоялась закладка здания Екатеринодарской лечебницы при больнице Кубанского Красного Креста. Архитектор А.А. Козлов. Инициатор строительства – супруга наказного атамана Софья Иосифовна Бабыч, председатель Кубанской организации Красного Креста.
7–9 мая	В Екатеринодаре состоялся съезд сельских хозяев Кубанской области.
9–11 мая	Прошла одна из крупнейших на Кубани забастовок рабочих Екатеринодарского завода «Кубаноль».
31 мая	В станице Павловской вспыхнул продовольственный бунт.
Июнь	Массовое распространение продовольственных бунтов по Кубанской области и Черноморской губернии.
2 июля	В Новороссийске открыт музей природы и истории Черноморского побережья Кавказа (ныне Новороссийский государственный исторический музей-заповедник).
Август	В Сочи приезжал Ф.И. Шаляпин. Он остановился на даче Стахановича в районе нынешнего Института культурологии.
11 сентября	Сдана в эксплуатацию Кубано-Черноморская железная дорога. Началось движение от станции Крымская Владикавказской железной дороги до станции Приморско-Ахтарская.
30 сентября	В Екатеринодаре создана подпольная антиправительственная большевистская группа «Тайга». После ее ареста в октябре создана группа «Солидарность».
31 октября	В Екатеринодаре состоялся концерт знаменитой певицы Н.В. Плевицкой.

1917 г.	На Кубани проведена сельскохозяйственная перепись, которая зарегистрировала 411 485 наличных хозяйств, в том числе 235 700 коренных (приписных) и 175 785 пришлых (посторонних) хозяйств. По данным отдела статистики Министерства земледелия, население Кубанской области составляло 3051,2 тыс. чел., в том числе 2794,4 тыс. чел. (91,6%) сельского и 256,8 тыс. чел. (8,4%) городского.
	Святейший Синод постановил образовать самостоятельную Кубанскую епархию.
28 февраля	На Кубани получено известие о революционных событиях в Петрограде.
2 марта	Создан Екатеринодарский совет рабочих депутатов.
5 марта	Избран Екатеринодарский гражданский комитет.
7 марта	Создан Новороссийский совет рабочих депутатов.
8 марта	Образован Кубанский областной гражданский комитет.
9–15 марта	Из состава Кубанского областного гражданского комитета сформирован Временный Кубанский областной исполнительный комитет. Комиссаром Временного правительства на Кубани назначен член IV Госдумы К.Л. Бардиж.
15 марта	Создан Майкопский совет рабочих депутатов.
18 марта	Приказом Временного правительства в Черноморскую губернию назначен комиссаром член IV Государственной думы кадет Н.Н. Николаев.
9–18 апреля	В Екатеринодаре проходил I съезд представителей населенных пунктов Кубани. 16 апреля съездом создан Кубанский областной Совет как высший орган гражданской власти в области.
17–22 апреля	В Екатеринодаре проходил I съезд Кубанской войсковой Рады.
17 апреля	Кубанская войсковая Рада провозгласила себя и Кубанское войсковое правительство высшими органами управления войска.
Май	В Екатеринодар на жительство (до 1919 г.) приехал известный русский художник И.П. Похитонов. Подарил городской картинной галерее ряд своих пейзажей. Зимой жил в Горячем Ключе.
18–25 мая	В Новороссийске состоялся I съезд Советов и гражданских комитетов Черноморской губернии.
24 мая	Создан Черноморский губернский исполнительный комитет.
4 июля	Кубанская рада объявила Кубанский областной Совет распущенным.

9 июля	Распоряжением комиссара Временного правительства К.А. Бардижа вся полнота власти в Кубанской области передана Кубанскому войсковому правительству.
Июль – сентябрь	Прошла волна аграрных беспорядков и забастовок в промышленности в связи с нерешенностью земельного вопроса и ухудшением положения рабочих.
31 июля	Посад Сочи получает статус города.
6 августа	Состоялись выборы в Екатеринодарскую городскую Думу. Больше всего мест получили эсеры и меньшевики (62), большевики (16). Председателем 25 августа избран меньшевик М.П. Адамович.
10–17 августа	В Хакуринохабле проходил областной съезд горцев, принявший решение о союзе с войсковым правительством Кубани.
Сентябрь	На Кубани гастролировала русская опера В.Н. Афанасьева, в спектаклях которой принял участие знаменитый тенор Д.А. Смирнов.
1 сентября	К этому времени в армию было мобилизовано от Кубанской области 159,8 тыс. чел.
Конец сентября – начало октября	2-я краевая Рада провозгласила себя верховным органом всего Кубанского края. Были приняты «Временные положения о высших органах власти в Кубанском крае».
9 октября	Кубанской войсковой Радой атаманом Кубанского казачьего войска избран полковник А.П. Филимонов (1870–1948 гг.), вскоре получивший чин генерал-майора.
20 октября	в г. Набережные Челны родился Александр Афанасьевич Слепов, музыковед. С 1951 г. живет в Краснодаре.
26 октября	На Кубани получено известие о свержении большевиками Временного правительства в Петрограде.
1 ноября	В Екатеринодаре одновременно начали работу 1-й областной съезд иногородних и 1-я сессия Законодательной Рады, избравшая вместо войскового краевое правительство.
3 ноября	Установление Советской власти в Туапсе.
12 ноября	Стала выходить газета «Сочинский пролетариат», 22 августа 1962 г. переименованная в «Черноморскую здравницу».
25 ноября	В Новороссийске состоялась конференция большевиков Кубано-Черноморья.
Декабрь	Образован совет обследования и изучения Кубанского края. Установление Советской власти в отдельных станицах, аулах и селах Кубани.

1 декабря	Установление Советской власти в Новороссийске.
7–10 декабря	В ауле Хакуринохабле состоялся I съезд советов Адыгеи. Был избран Исполком во главе с Ш.А. Хакурате.
12 декабря	Собрался II Кубанский областной съезд иногородних.
14 декабря	Начал работу II Кубанский съезд трудового казачества и крестьянства.

В.Н. Ратушняк

ИНФОРМАЦИЯ

для авторов журнала
«Голос минувшего. Кубанский исторический журнал»

Журнал выходит два раза в год по два сдвоенных номера в полугодие. Редакция журнала принимает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, рецензий, информаций о научной жизни и достижениях исторической науки.

Материалы (на бумажном и электронном носителях) следует направлять по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 245 или по электронной почте e_alexander@mail.ru.

Требования к оформлению работы

1. Ф.И.О. на русском языке, место и адрес работы на русском и английском языках.
2. Название публикации на русском языке.
3. Краткая аннотация (3–4 строки) на русском и английском языках.
4. Ключевые слова на русском и английском языках.
5. Поля: правое – 2,3 см, левое – 2,5 см, верхнее – 2,3 см, нижнее 3,2 см.
6. Шрифт 14 кегль, межстрочный интервал 1,5.
7. Ссылки в тексте приводятся в квадратных скобках порядковым номером, а их расшифровка должна даваться в конце текста как «Библиографические ссылки».
8. В сопроводительном письме следует сообщить сведения о себе: имя и отчество полностью, ученую степень и звание, место работы и должность, почтовый и электронный адрес, номер телефона.
9. Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить к своей статье две внешние рецензии авторитетных специалистов, подписанные и заверенные печатью по месту их основной работы. Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации в печать. Редколлегия оставляет за собой право рецензировать статьи самостоятельно и принимает решение о возможности их публикации. Предпочтительный объем статьи для соискателей степени кандидата наук – до 0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая список).
10. Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как и за точность цитируемых текстов, несет полностью автор. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.
11. На отдельной странице необходимо представить фамилию, инициалы и название публикации на английском языке.

ОБРАЗЕЦ

ВОСПОМИНАНИЯ В.А. СУХОМЛИНОВА О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

А.В. Николенко

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Kuban State University
350040 Krasnodar, Stavropolskaya str.,149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Статья посвящена воспоминаниям военного министра России в 1909–1915 гг. В.А. Сухомлинова. Рассмотрены его взгляды на характер и итоги российской внешней политики конца XIX – начала XX в. Акцент сделан на выделении массового и индивидуального во внешнеполитических представлениях мемуариста.

Ключевые слова: мемуары, массовое политическое сознание, стереотипы, внешняя политика, происхождение войны, Русско-японская война, Первая мировая война.

The article is devoted to the examination of V.A. Sukhomlinov's memoirs. V.A. Sukhomlinov was Russian Minister of War in 1909–1915. The present work investigates his views on the character and results of Russian foreign policy of late XIX and early XX century. Special attention is paid to revealing of the stereotypes of mass political conscience reflected in his memoirs as well as V.A. Sukhomlinov's individual assessments of events under review.

Key words: memoirs, mass political consciousness, stereotypes, foreign policy, war origins, Russo-Japanese war, WWI.

[Текст статьи]

Научно-образовательный журнал
ГОЛОС МИНУВШЕГО

Подписано в печать 15.07.2017. Формат 60×84 1/8.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 500 экз.
Заказ № .

Кубанский государственный университет
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.